

ISSN 2619-0249 (Print)  
ISSN 2619-0230 (Online)

2023. № 4.

Tom 6



# Society & Security Insights



ISSN 2619-0249 (Print)  
ISSN 2619-0230 (Online)  
2023. N°4  
Том 6

---

# SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ



Барнаул  
Издательство  
Алтайского государственного  
университета  
2023



**УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ**  
**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»**  
**Издается в сотрудничестве**  
**с Ассоциацией азиатских университетов,**  
**Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева**

**Главный редактор журнала**

С. Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор,  
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий,  
директор Азиатского экспертно-аналитического центра  
Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

**Заместитель главного редактора**

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,  
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Выпускающий редактор**

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,  
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)  
ISSN 2619-0230 (Online)  
2023. N°4  
Vol. 6

---

# SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES



Barnaul

---

Publishing house  
of Altai State  
University  
2023



**THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE**  
**Altai State University**  
**In partnership with Association of Asian Universities,**  
**Eurasian National University**

**Editor-in-chief**

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,  
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,  
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Deputy Editor-in-chief**

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology),  
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Managing Editor**

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),  
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

© Decoration. Publishing house of Altai State  
University, 2023

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А. Вакру**, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

**С. Бакли**, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)

**А. М. Есдаулетова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

**Н. О. Байгабылов**, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

**О. В. Калдыбаева**, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

**И. Н. Молодикова**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

**Т. З. Козлова**, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)

**Т. Н. Юдина**, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

**А. Ю. Мягков**, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)

**В. В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

**Т. М. Дадаева**, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

**О. Т. Лойко**, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)

**С. П. Парамонова**, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

**Г. В. Жигунова**, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

**Л. А. Осъмук**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

**В. П. Шалаев**, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)

**Е. А. Попов**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**О. Л. Сытых**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**М. И. Черепанова**, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**В. А. Должиков**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**В. С. Бойко**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

## EDITORIAL BOARD

**Alexandra Vacroux**, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

**Cynthia Buckley**, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

**Ardak M. Esdauletova**, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

**Nurlan O. Baigabylov**, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

**Olga V. Kaldybaeva**, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

**Irina N. Molodikova**, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

**Tatiana Z. Kozlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

**Tatiana N. Yudina**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

**Alexander Yu. Myagkov**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

**Vera V. Orlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

**Tatiana M. Dadaeva**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

**Olga T. Loiko**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

**Svetlana P. Paramonova**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

**Galina V. Zhigunova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

**Ludmila A. Osmuk**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

**Vladimir P. Shalaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

**Evgeniy A. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Olga L. Sythyk**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Marya I. Cherepanova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Vyacheslav A. Dolzhikov**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Vladimir S. Boiko**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**М. С. Имомзода** президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

**Е. Б. Сыдыков** ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

**М. М. Абишева** кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

**С. В. Землюков** президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

**С. Н. Бочаров** ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

**Р. И. Райкин** проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

**С. И. Межов** доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

## EDITORIAL COUNCIL

**Makhmadyusuf S. Imomov** President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Philosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

**Yerlan B. Sydykov** Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

**Madina M. Abischeva** Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

**Sergey V. Zemlyukov** Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Sergey N. Bocharov** Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

**Roman I. Raikin** Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

**Stepan I. Mezhov** Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

---

# СОДЕРЖАНИЕ

---

## ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

**Диспропорции в развитии национальных республик России  
в оценках российских социологов: этносоциальный аспект  
(на примере Азиатской России) .....13**

*Е. А. Ерохина*

**Библейский историзм: некоторые подходы к пониманию  
в русской культуры XIX века .....31**

*Л. И. Нехвядович*

**Многомерный подход к оценке религиозности населения  
в азиатском приграничье России .....39**

*С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко*

## ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

**Ценностные основания формирования и укрепления общероссийской  
идентичности в представлениях юношества .....61**

*Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Э. В. Садретдинова*

**Проблемы алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях  
депрессивного развития экономики региона .....81**

*Е. Ю. Башкуева*

**Социальные противоречия малых территорий Вологодской области:  
методика оценки.....91**

*Е. О. Смолева*

**Факторы профессионального выгорания учителей как системная  
управленческая проблема в сфере образования.....108**

*А. В. Столь*

<b>Развитие комфортной городской среды крупных городов в индексной оценке .....</b>	<b>125</b>
---	------------

*А. Э. Жданова*

## **СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ**

<b>Опыт трудовой деятельности молодежи Сибирского федерального округа .....</b>	<b>145</b>
---	------------

*А. В. Зинич, С. Г. Максимова*

<b>Оценка уровня цифровой зрелости сферы культуры: классификация регионов России.....</b>	<b>160</b>
---	------------

*Н. А. Кондакова, М. А. Груздева*

<b>Социально-профессиональная ориентация школьников республик Южной Сибири .....</b>	<b>178</b>
--	------------

*Т. М. Ойдуп, И. Н. Трошкина, С. Д. Дилекова*

---

# CONTENTS

---

## INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

- Disproportions in the Development of the National Republics of Russia in the Assessments of Russian Sociologists: the Ethnosocial Aspect (using the Example of Asian Russia).....13**

*E. A. Erokhina*

- Biblical Historicism: Some Approaches to Understanding in Russian Culture of the XIX Century.....31**

*L. I. Nekhvyadovich*

- Multidimensional Approach to Evaluation of Population Religiosity in Russia's Asian Borderlands.....39**

*S. G. Maximova, O. E. Noyanzina, D. A. Omelchenko*

## STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

- Value Bases of Formation and Strengthening of the All-Russian Identity in the Perceptions of Young People.....61**

*R. B. Shaikhislamov, G. R. Asadullina, E. V. Sadretdinova*

- Problems of Alcoholization of the Population of the Republic of Buryatia in the Conditions of Depressive Development of the Regional Economy.....81**

*Ye. Yu. Bashkueva*

- Social Contradictions of Small Territories of the Vologda Oblast: Assessment Methodology.....91**

*E. O. Smoleva*

- Factors of Professional Burnout of Teachers as a System Management Problem in the Sphere of Education .....108**

*A. V. Stol*

- Development of a Comfortable Urban Environment in large Cities in Index Assessment .....125**

*A. E. Zhdanova*

**SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY****Work Experience of Young People of the Siberian Federal District .....145***A. V. Zinich, S. G. Maximova***Assessment of the Level of Digital Maturity of the Sphere of Culture:  
Classification of Regions of Russia .....160***N. A. Kondakova, M. A. Gruzdeva***Social-professional orientation of schoolchildren  
in the republics of South Siberia .....178***T. M. Oidup, I. N. Troshkina, S. D. Dilekova*

---

# ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

---

## INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

---

Научная статья / Research Article

УДК 314

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-01

### Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России)

Елена Анатольевна Ерохина

---

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия;  
leroh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме диспропорций регионального развития национальных республик Азиатской России: Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Республики Хакасия. Рассматриваются проблемы демографического развития регионов (сокращение средней продолжительности жизни и численности населения, в том числе русского, «западный» миграционный тренд), качества жизни (снижения уровня доходов и занятости), перспектив развития промышленности и сельского хозяйства. Эмпирической базой исследования послужил сравнительный анализ показателей средней продолжительности жизни при рождении, среднедушевого дохода, уровней занятости и безработицы на основе данных Росстата. В качестве вторичных источников информации были задействованы результаты исследований российских социологов в регионах. Выявлено серьезное отставание национальных республик Сибирского и Дальневосточного округов от среднероссийских по качеству жизни. Делается вывод о необходимости преодоления взгляда на Азиатскую Россию как исключительно ресурсную кладовую.

**Ключевые слова:** Азиатская Россия, национальные республики, диспропорции развития, демографический потенциал, качество жизни, этносоциальные характеристики

**Для цитирования:** Ерохина Е.А. Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России) // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 4. С. 13–30. doi: 10.14258/ssi(2023)4-01.

## Disproportions in the Development of the National Republics of Russia in the Assessments of Russian Sociologists: the Ethnosocial Aspect (using the Example of Asian Russia)

Elena A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia; lero@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>

**Abstract.** The article is devoted to the problem of disproportion in the regional development of the national republics of Asian Russia: the Republic of Altai, the Republic of Buryatia, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia. The problems of demographic development of regions (decrease in average life expectancy and the share of the population, including Russian, “Western” migration trend), quality of life (decrease in income and employment), development of industry and agriculture are considered. The empirical basis of the study was a comparative analysis of indicators of average life expectancy at birth, average per capita income, employment and unemployment levels based on Rosstat data. The results of research by Russian sociologists studying these regions were used as secondary sources of information. A serious lag in the quality of life of the national regions of the Siberian and Far Eastern districts from the Russian average has been revealed. The conclusion is made about the need to overcome the view of Asian Russia as an exclusively resource storehouse.

**Keywords:** Asian Russia, national republics, development disproportions, demographic potential, quality of life, ethnosocial characteristics

**For citation:** Erokhina, E.A. (2023). Disproportions in the Development of the National Republics of Russia in the Assessments of Russian Sociologists: the Ethnosocial Aspect (using the Example of Asian Russia). *Society and Security Insights*, 6(4), 13–30. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-001.

### Введение

Актуальные проблемы этносоциального и этнокультурного развития современной России непосредственно связаны с социально-экономическими процессами развития страны и ее отдельных регионов. Несмотря на общие тенденции, обусловленные «догоняющим» характером модернизации и спецификой цивилизационного развития, разнообразие региональных вариантов социокультурной трансформации регионов остается существенным. В особенной мере это разнообразие присуще национальным республикам с полиэтничным составом населения.

Перспектива устойчивого развития Российской Федерации как многонационального государства в равной мере зависит от позитивного баланса межэтнических отношений и сохранения ее этнокультурного многообразия. Осно-

вой сохранения общего социокультурного пространства страны являются те экономические, политические и культурные блага, которые дает принадлежность к российскому согражданству. Однако условия доступа к общественным благам для граждан существенно различаются в столицах и на периферии. Чем дальше от федерального центра, тем больше факторов неопределенности оказывают влияние на возможности использования социальной инфраструктуры, доступа на рынок труда, приобщения к ценностям образования и культуры.

Наиболее отдаленной в географическом смысле периферией оказываются регионы Азиатской России. Термин «Азиатская Россия» был введен в оборот в позднеимперский период для обозначения Сибири, Дальнего Востока и Степного края. В XIX в. территориальная экспансия Российской империи и завоевание Средней Азии, с одной стороны, освоение Дальнего Востока и ранее становление дальневосточной идентичности, с другой стороны, предопределили, пусть и медленное, становление сибирского самосознания. В историко-культурном отношении этот процесс завершается в 20–30-х гг. XX в., когда советской властью был создан Сибирский край, впоследствии разделенный на две самостоятельные единицы: Западно-Сибирский край и Восточно-Сибирский край.

В настоящее время фронтальной между Сибирью и Дальним Востоком является территория Забайкальского края, который ныне вместе с Бурятией и Якутией входит в состав Дальневосточного федерального округа. Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа в составе Уральского федерального округа представляют ее западные фронтиры. Сибирь остается связующим звеном между Европейской Россией, чьи границы заканчиваются на Урале, и российским Дальним Востоком, что предопределяет ее функциональную роль «второго ядра» во внутренней геополитике современной РФ. Это положение прямо отражено в столичном статусе Новосибирска в Сибирском федеральном округе.

В ситуации текущей геополитической и социокультурной конъюнктуры обращение к концепту «Азиатская Россия» имеет эвристический смысл не только в теоретическом, но и в практическом плане. Планетарный масштаб и экономический потенциал ее территорий используется до обидного мало (Крюков, Сулов, Ягольницер, 2022). Ресурсный подход к ее управлению закрепляет низкоэффективные модели развития экономики и человеческого потенциала. Быстро развивающийся Китай и стремительно растущие экономики стран Юго-Восточной Азии уже стали новыми региональными центрами экономического влияния, что предопределяет сохранение «догоняющего» статуса России, но уже по отношению к восточным соседям.

Затянувшийся «поворот на Восток», разрушение прежних экономических связей в отсутствие новых заставляет более пристально оценить успехи рыночной модернизации и опыт советского планирования, учитывавшего не только ресурсный, но также индустриальный, инновационный и человеческий потенциал Азиатской России.

**Постановка задач.** Текущая геополитическая ситуация диктует необходимость усиления элементов экономического планирования и внедрения в ры-

ночные структуры мобилизационных подходов к управлению. Межэтническое согласие как фактор консолидации российского общества определяется не только цивилизационными связями народов, составляющих его основу, но и способностью государства ответственно подходить к вызовам, среди которых диспропорция регионального развития остается фундаментальным. Выявление особенностей (черт сходства и различия) регионального развития национальных республик Азиатской России (демографии, экономики, качества жизни населения), а также оценка его рисков являются задачами настоящей статьи.

### **Методика проведения исследования**

Сравнительный анализ национальных республик Азиатской России (Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тува, Хакасия) по показателям средней продолжительности жизни при рождении, среднедушевому доходу, уровню занятости и безработицы и другим значимым для воспроизводства человеческого потенциала параметрам на основе данных Росстата был дополнен результатами сравнительных исследований качества жизни населения упомянутых регионов сибирскими социологами.

### **Описание результатов**

В начале XX в. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, поднимая на заседании Императорского Русского географического общества проблему диспропорций регионального развития России, отмечал: «Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стремиться соединить их в одно географическое целое... Следует выделить, на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных границ государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии, не считая ее никоим образом за окраину, а говорить о ней уже как о коренной и равноправной во всем русской земле, как мы привыкли говорить об Европейской России» (Семенов-Тянь-Шанский, 2008: 145–146). Его аргумент в пользу данного проекта опирался на необходимость компенсировать геополитический дисбаланс, вызванный пространственной удаленностью столиц от большинства регионов страны.

Не только пространственная, но также экономическая и иерархическая выделенность столичных анклавов составляет одну из реалий внутренней геополитики России. «Серые зоны» управленческой коммуникации, недостаток обратной связи, отчуждение провинций от столиц осмысливаются обществом как угроза интеграции социокультурного пространства страны. Об этой угрозе предупреждал Г.Н. Потанин: «Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношении» (Потанин, 1995: 98).

В постсоветской России в начале XXI в. было разработано и принято к исполнению несколько документов стратегического планирования, направленных на снижение пространственных диспропорций развития. Самыми масштабными документами являются Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государ-

ственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года<sup>1</sup>. Ряд документов, относящихся непосредственно к Сибирскому федеральному округу (СФО) и Дальневосточному федеральному округу (ДФО), распоряжениями Правительства РФ были приняты к исполнению в качестве Стратегий: Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. и Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона до 2025 г.<sup>2</sup>

Тем не менее эффективность их реализации остается недостаточной с точки зрения остроты существующих проблем. В их числе — проблемы качества жизни населения, отраслевая структура экономики, развитие поселений и транспортно-логистической инфраструктуры. Все перечисленные проблемы относятся к республикам Азиатской России на территориях Сибирского (Республики Алтай, Тыва, Хакасия) и Дальневосточного (Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия) федеральных округов. Уровень и качество жизни оказывают серьезное влияние на этнодемографическую ситуацию в республиках, миграцию и трансформацию поселенческой структуры, диспропорции в развитии городских и сельских пространств (Бреславский, 2018: 6).

Указанные проблемы оказались в центре обсуждения серии конференций, прошедших на базе Института моноголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН («Что мы знаем о современных российских пригородах», 2017; «Республики на востоке России», 2018). Как отметил в итоговом резюме их организатор, канд. ист. наук А. С. Бреславский, «отсутствие благоприятных климатических условий, нерешенность проблем транспортной доступности, сохранение сырьевого характера экономик, отсутствие весомых конкурентных преимуществ на рынке товаров и услуг — все это поддерживает ситуацию регионального неравенства, в которой республики СФО и ДФО пока оказываются аутсайдерами, нуждающимися в крупных финансовых дотациях федерального правительства, даже для удовлетворения своих базовых потребностей» (Бреславский, 2018: 11–12).

Для этнического пространства Азиатской России характерны существенные различия в статусе национально-территориальных образований. Главенствующее место в иерархии занимают субъекты РФ, обладающие статусом национальных республик (Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Якутия (Саха)). За ними

.....  
<sup>1</sup> Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. (2017). URL: <http://government.ru/docs/27960/> (дата обращения 16.10.2023); Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Постановлением Правительства РФ 13.02.2019. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 16.10.2023).

<sup>2</sup> Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Утв. Постановлением Правительства РФ 26.01.2023. URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYvipBV3mBNArxTlxlgftuAM.pdf> (дата обращения 16.10.2023); Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона до 2025 года. Утв. Постановлением Правительства РФ 28.12.2009. URL: <http://government.ru/docs/33593> (дата обращения 16.10.2023).

следуют субъекты, имеющие статус национального округа (Чукотский автономный округ) или области (Еврейская автономная область). Менее конкретизировано положение административно-территориальных единиц с особым статусом, бывших автономных округов — Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского муниципального районов в составе Красноярского края, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в составе Иркутской области, Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края. На нижнем уровне иерархии находятся места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС), имеющие некоторые льготы в социально-экономической сфере. Различия в статусе определяют долю представительства в законодательных органах региона, а соответственно — возможность принятия решений на уровне субъекта (Размахнина, 2021: 12).

Сложная иерархия национально-территориальных единиц в составе РФ позволяет национальным республикам сохранять статус «государства в государстве», хотя по Конституции РФ все ее субъекты равны. Национальные республики имеют свои конституции (остальные субъекты — только уставы) и законодательство, государственные символы (герб, флаг, гимн), вправе устанавливать свой государственный язык, наряду с русским. Однако даже несколько больший объем прав не дает им существенных экономических преференций. Все национально-территориальные субъекты Сибирского и Дальневосточного федеральных округов являются получателями дотаций из федерального бюджета.

Этническая структура населения в национальных республиках Азиатской России в постсоветские годы претерпела определенные изменения. Рост демографической массы показали коренные народы Сибири (в том числе КМНС), народы Кавказа и Средней Азии. В то же время сократилась общая доля русских (Размахнина, 2021: 12). И хотя эта группа по-прежнему численно доминирует в макрорегионе, в некоторых республиках, например в Тыве и Якутии (см. табл. 1), показатели сокращения достаточно значимы<sup>1</sup>.

По типам динамики этнического состава Ю.С. Размахнина на примере Восточной Сибири выделила следующие типы регионов: 1) «русские» регионы, где при снижении численности русских растет их доля в структуре населения (в основном края и области); 2) «этнические» регионы, в которых растут численность и доля коренных народов при снижении этих показателей у русских (Республики Бурятия, Саха, Тыва); 3) «промежуточные» регионы, где растут доли русского и титульного населения при общей потере его численности, как, например, в Хакасии (Размахнина, 2021: 12–14).

.....  
<sup>1</sup> Национальный состав населения по субъектам РФ (табл. 4.2) // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения 16.10.2023); Национальный состав населения по субъектам РФ (табл. 7) // Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/results.html](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html) (дата обращения 16.10.2023); Национальный состав и владение языками (табл. 5.1) // Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т. 5, табл. 1. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5\\_Nacionalnyj\\_sostav\\_i\\_vladenie\\_yazykami](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami) (дата обращения 16.10.2023)

Таблица 1

Table 1

Численность русского населения по данным  
Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.  
(чел., процент от общей численности населения субъекта РФ)

Population of Russian population  
All-Russian population censuses 2002, 2010, 2020  
(persons; % of total population of subject of the Russian Federation)

Субъекты РФ	Численность русских в субъектах РФ — национальных республиках			Доля русских в субъектах РФ — национальных республиках (по отношению к численности указавших национальность)		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Алтай	116 510	114 802	106 258	57,5	56,6	53,7
Бурятия	665 512	630 783	581 764	67,9	66,1	64,0
Тыва	61 442	49 434	31 927	20,1	16,3	10,1
Хакасия	438 395	427 647	356 325	80,3	81,7	82,1
Саха (Якутия)	390 671	353 649	276 986	41,3	37,8	32,6

Таблица 2

Table 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении  
в Сибирском федеральном округе, лет

Life expectancy at birth in the Siberian Federal District, years

	2010	2015	2019	2021	Место, занимаемое в РФ в 2021
По округу в целом	<b>67,10</b>	<b>69,31</b>	<b>71,12</b>	<b>68,30</b>	7
Республика Алтай	<b>65,68</b>	<b>68,44</b>	<b>70,29</b>	<b>67,86</b>	75
Республика Тыва	<b>60,45</b>	<b>63,13</b>	<b>67,57</b>	<b>66,87</b>	82
Республика Хакасия	67,10	68,68	71,05	68,49	64
Алтайский край	68,36	70,44	71,61	68,60	60
Красноярский край	67,57	69,69	71,16	68,34	66
Иркутская область	65,26	67,37	69,55	66,80	84
Кемеровская область	65,42	68,31	69,78	67,61	79
Новосибирская область	69,28	70,86	72,25	69,19	42
Омская область	68,78	70,41	72,32	69,02	50
Томская область	68,83	71,25	72,85	69,70	34

Динамика численности населения Сибирского и Дальневосточного округов показывает тенденцию к убыванию населения после незначительной флуктуации в середине 2010-х гг. Процесс сокращения населения стал устойчивым трендом. По этому показателю Сибирский федеральный округ (далее — СФО) входит в тройку аутсайдеров, которую замыкает Дальневосточный федеральный округ (Регионы России, 2022: 44, 2.1). Еще более красноречива статистика в отношении средней продолжительности жизни. СФО по этому показателю уступает всем федеральным округам, кроме Дальневосточного, который находится на последнем, 8-м месте (68,06 года). Ожидаемая средняя продолжительность жизни в СФО, по данным Росстата, в 2021 г. составила 68,3 года, показав снижение не только по отношению к допандемийному 2019 г., но и к более раннему 2015-му (Регионы России, 2022: 80, 2.15). Тенденция сокращения средней продолжительности жизни населения относится ко всем его субъектам (табл. 2).

Аналогичные тенденции наблюдаются и в Дальневосточном федеральном округе (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении  
в Дальневосточном федеральном округе, лет

Life expectancy at birth in the Far Eastern Federal District, years

	2010	2015	2019	2021	Место, занимаемое в РФ в 2021
По округу в целом	<b>65,76</b>	<b>68,68</b>	<b>70,22</b>	<b>68,06</b>	8
Республика Бурятия	<b>66,05</b>	<b>69,15</b>	<b>70,77</b>	<b>68,91</b>	54
Республика Саха (Якутия)	<b>66,75</b>	<b>70,29</b>	<b>73,00</b>	<b>69,98</b>	26
Забайкальский край	64,82	67,34	68,88	66,82	83
Камчатский край	65,82	68,56	70,57	68,09	72
Приморский край	66,63	69,21	70,54	68,61	59
Хабаровский край	65,68	68,72	70,05	67,85	76
Амурская область	64,36	67,27	68,66	66,30	85
Магаданская область	65,07	68,11	69,66	67,41	80
Сахалинская область	64,90	67,99	70,28	68,42	65
Еврейская автономная область	63,67	65,04	68,08	66,12	86
Чукотский автономный округ	57,49	64,16	68,09	64,87	87

Таким образом, в обоих округах нет ни одного региона, который смог бы выйти на российские показатели ожидаемой продолжительности жизни в 70,06 года. Отталкиваясь от ожидаемой в 2021 г. продолжительности жизни в СФО, которая составила 68,30 года, мы обнаружим четыре субъекта, где эти показатели су-

щественно ниже. В их числе Республика Алтай и Республика Тыва. Если в Тыве низкая продолжительность жизни компенсируется высокой рождаемостью, то в других регионах Сибири даже миграция вряд ли сможет заместить сокращающееся население.

Немногим лучше демографические показатели в национальных республиках Дальневосточного федерального округа. При более высокой ожидаемой, в сравнении с тюркскими республиками Южной Сибири СФО, средней продолжительности жизни, отрицательные показатели коэффициента естественного прироста населения национальных республик вполне сопоставимы (Регионы России, 2022: 76, 2.13). По данным Росстата на 2021 г. естественная убыль составила 7,8 чел. на 1000 чел. населения в Республике Алтай, 6,5 чел. — в Республике Саха (Якутия). Рекордные показатели убыли (–10,8 чел.) зафиксированы в Республике Бурятия (табл. 4).

Таблица 4

Table 4

Коэффициент естественного прироста населения  
(на 1000 чел. населения)

Natural population growth rate  
(per 1,000 population)

	2005	2015	2021
Сибирский федеральный округ	<b>–5,1</b>	<b>1,2</b>	<b>–11,5</b>
Республика Алтай	<b>1,6</b>	<b>7,9</b>	<b>–7,8</b>
Республика Тыва	5,4	13,5	1,5
Республика Хакасия	–6	1,3	Нет данных
Дальневосточный федеральный округ	<b>–3,9</b>	<b>1,3</b>	<b>–6,2</b>
Республика Бурятия	<b>–1,6</b>	<b>5,9</b>	<b>–10,8</b>
Республика Саха (Якутия)	<b>4</b>	<b>8,6</b>	<b>–6,5</b>

Среди причин столь тревожной демографической ситуации важно отметить характерные для подавляющего большинства сибирских и дальневосточных регионов процессы: 1) негативные тенденции в уровне и качестве жизни населения (снижение реальных доходов и рост цен на товары и услуги); 2) ухудшение состояния социальной инфраструктуры (снижение доступа к качественному жилью, бесплатной медицине, услугам учреждений образования и т.п.); 3) усиление проблем трудовой занятости; 4) рост дифференциации внутри- и межрегиональных доходов (Винокурова, 2018: 16).

Текущая ситуация не могла не сказаться на уровне благосостояния населения, который отражает величина среднедушевого дохода. В 2021 г. величина общероссийского среднедушевого денежного дохода составила 40 272 руб., в Сибирском федеральном округе — 30 770 руб. Только в трех субъектах СФО — Крас-

ноярском крае (23-е место среди субъектов РФ), Новосибирской и Томской областях (25-е и 43-е места рейтинга соответственно) эта сумма оказалась выше, чем в среднем по округу. Остальные регионы, в том числе три национальные республики (Алтай, Тыва и Хакасия), не смогли дотянуть до показателя в 29 тыс. руб. Антирейтинг самых низких показателей среднедушевого дохода в СФО возглавили Алтайский край (74-е место, 26 010 руб.) и три национальные республики — Республика Хакасия (73-е место, 26 068 руб.), Республика Алтай (77-е место, 23 798 руб.), Республика Тыва (83-е место, 20 652 руб.). Ни один из регионов округа не добился общероссийских показателей, несмотря на положительную динамику в абсолютных значениях (Регионы России, 2022: 199, 4.4).

Величина среднедушевого дохода в Дальневосточном федеральном округе оказалась выше общероссийских показателей и составила 42 455 руб. Если на этом фоне Республика Саха (Якутия) выглядит как весьма успешный регион с показателями в 50 369 руб. среднедушевого дохода, то Республика Бурятия — как супердепрессивный, с самым низким по ДФО показателем 28 314 руб. (Регионы России, 2022: 199, 4.4).

Здоровье и благополучие в решающей степени зависят от жизненных перспектив, прежде всего от творческой, приносящей удовлетворение, хорошо оплачиваемой работы. Обращаясь к показателям социально-экономического развития, отражающим место регионов округа среди других субъектов РФ по уровню занятости и безработицы, отметим следующее. Три национальные республики, а именно Республика Алтай, Республика Бурятия и Республика Тыва, дают самый низкий уровень занятости (77, 78 и 84-е места в рейтинге регионов) и самый высокий уровень безработицы (79, 77 и 83-е места соответственно) в своих округах (Регионы России, 2022: 169, 3.24).

На этом фоне заметными явлениями оказываются миграционный отток и субурбанизация. По данным А.В. Винокуровой, практически во всех сибирских и дальневосточных республиках имеет место миграционная убыль населения. Исключение составляет Хакасия, где миграционный прирост положительный. Однако его показатели столь незначительны, что говорить о существенном приросте региона не приходится. В других субъектах отток весьма внушителен, что позволяет сделать вывод об устойчивости миграционного тренда с восточных регионов России в западные. Риск обезлюдения Азиатской России остается серьезным, несмотря на реализацию крупных инвестиционных проектов на территориях СФО и ДФО (Винокурова, 2018: 17–18).

Те, кто не имеет возможности реализовать масштабные миграционные намерения, делают выбор в пользу переезда в крупные города или пригороды. По мнению А.С. Бреславского, старая и новая периферия городских пространств переживает взрывной рост, обусловленный снятием ограничений с частной застройки. Он выделяет ряд движущих факторов, имеющих противоречивый характер. Наряду с положительными моментами, такими как демократизация управления городским хозяйством, доступные ипотечные кредиты и др., обращают на себя внимание деиндустриализация и массовые внутренние миграции

с сельских территорий, рост диспропорций в развитии сельских и городских территорий (Бреславский, 2020: 17). Привнесение практик сельской жизни в городское пространство может иметь как положительный эффект в виде укрепления горизонтальных связей, так и возможное усиление негативной архаизации. Это придает развитию субурбий турбулентный характер.

Анализируя основные компоненты качества жизни населения в Бурятии, Тыве, Хакасии и на Алтае, Д. Б. Дугаржапова делает вывод о том, что самой острой проблемой в этой сфере остается бедность. Бедность выражается в низкой покупательной способности заработной платы и пенсии, росте денежных доходов населения преимущественно за счет социальных выплат, высоком уровне внутрирегионального экономического неравенства. Уровень доходов населения остается достаточно низким, при этом в структуре среднедушевых потребительских расходов наибольшую долю занимают продукты питания и непродовольственные товары (Дугаржапова, 2018: 35).

Стоит отметить положительные тенденции, которые демонстрируют показатели социально-экономического развития Республики Саха (Якутия). На основе анализа их динамики А. В. Михайловой выявлен существенный, в 13,15 раза, рост валового регионального продукта (ВРП) на душу населения с 1998 по 2018 г. В указанный период одновременно с ростом численности населения ею отмечены повышение среднедушевых денежных доходов населения (3968 руб. в 2000 г. против 42 669 руб. в 2018 г.), рост среднегодовой численности занятых (459,7 тыс. чел. в 2000 г. против 497 тыс. чел. в 2018 г.), сокращение числа безработных (54,5 тыс. чел. в 2000 г. против 34,7 тыс. чел. в 2018 г.). Вместе с тем исследователь отмечает устойчивость таких негативных тенденций, как разрыв в доходах и дифференциация населения по уровню жизни, высокая безработица в сельской местности Якутии, где уровень жизни ниже уровня жизни в муниципальных образованиях с промышленной специализацией (Этносоциальные процессы в современной Якутии, 2022: 33–34).

Исследуя потенциал реиндустриализации национальных республик Восточной Сибири в 2010-е гг., В. А. Руднева отмечает некоторый подъем промышленного производства в 2008–2009-х гг. Тем не менее этого потенциала оказывается недостаточно для ответа на текущие вызовы в силу ряда причин: низкого уровня транспортной и инженерной инфраструктуры, периферийного положения в экономическом пространстве, отдаления от крупных промышленных центров. Реиндустриализация преимущественно за счет сырьевых проектов приводит к экстерриториальности интересов для большей части бизнеса. Местные администрации не имеют собственных средств, вынуждены пользоваться субсидиями и дотациями государства, а крупный бизнес заинтересован в получении прибыли, но не в развитии территорий. Для использования имеющихся преимуществ реиндустриализации регионам необходимы меры по укреплению населения, налаживанию межрегиональных связей, в том числе с сопредельными государствами. Однако в настоящее время можно говорить лишь об усилении неравенства в развитии регионов (Руднева, 2018: 275–276).

Наименьший потенциал реиндустриализации принадлежит Туве. На ее территории не реализуется крупных инвестиционных проектов. Туристическая инфраструктура и сельскохозяйственный сектор республики в силу транспортной удаленности существенно уступает в развитии аналогичному по структуре занятости и условиям жизни населения субъекту — Республике Алтай. И явным лидером на фоне середняков, Бурятии и Хакасии, выглядит Якутия, регион, где реализуются крупные индустриальные проекты, связанные с добычей, переработкой и транспортировкой природных ресурсов.

В последнее десятилетие Арктика становится местом особой заботы государства. Внимание и интерес к ее регионам, в число которых входит Республика Саха, прямым (через рост инвестиций в крупные индустриальные проекты) и косвенным (благодаря реализации крупных государственных программ арктического развития) образом предопределили некоторые положительные сдвиги. Однако негативные тенденции предшествующих лет продолжают сохранять свое значение. В их числе отставание прироста заработной платы по Якутии от средних показателей по РФ и ДФО в 2002–2010 гг. (Попова, Рац, 2012: 18; Игнатъева и др., 2022б: 79). Уровень зарплат, по мнению Е. Г. Маклашевой, не компенсирует физических затрат на работу и жизнь в тяжелых климатических условиях, если сравнивать их с аналогичными в более благоприятных районах. Она также соглашается с выводами Е.В. Петровой о неблагоприятном прогнозе демографического развития русского населения Сибири (Петрова, 2008: 325–329). «Несмотря на многолетнее проживание в этноконтактной зоне с интернациональной идеологией и сформированным иммунитетом к сепаратистским и экстремистским лозунгам, на выезд из Якутии настроены не только представители русского и русскоязычного населения, но и народов, близких к якутской культуре по своему языку и традициям (татары, башкиры)», — отмечает она (Игнатъева и др., 2022б: 79).

Кроме того, необходимо отметить, что развитие индустриальных проектов сопряжено с рисками для сохранения и развития традиционного образа жизни коренных этносов Сибири. Различие между традиционным жизнеобеспечением и индустриальным производством связано с различными представлениями о взаимоотношениях человека и природы. Недостаточное понимание самоценности традиционного хозяйствования вызывает чувство тревоги за будущее коренных народов.

Коренные народы Алтая, Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии сохраняют традиции жизнеобеспечения в качестве сельхозпроизводителей, мастеров народных ремесел и промыслов, организаторов рекреационного туризма. Позиции традиционного хозяйства коренных народов закреплены в практиках скотоводства: оленеводства (Якутия и Тоджинский район Республики Тыва), коневодства и разведения крупного и мелкого рогатого скота повсеместно. По данным Росстата за 2021 г., сельское население Республики Алтай составляет 70,9%, Республики Бурятия — 40%, Республики Тыва — 45,1%, Республики Хакасия — 29,9%, Республики Саха (Якутия) — 33% (Регионы России, 2022: 48, 2.3).

Как показало исследование Я. М. Санниковой, главы крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальные предприниматели, члены их семей и помощники составляют преобладающую долю работников в хозяйстве. При этом, как отмечает автор, согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 2016 г., сельскохозяйственные угодья принадлежат преимущественно крестьянским, личным и индивидуальным хозяйствам только в Республиках Алтай, Хакасия и Саха (Санникова, 2018: 255).

Сохранение традиционного образа жизни остается основным движущим фактором сохранения этнической культуры и родного языка. Однако серьезной проблемой остается поляризация сельского пространства: растет число малых поселений при концентрации жителей в крупных населенных пунктах. При этом в дискурсе публичной власти все чаще звучат голоса сторонников стягивания сельского населения в те или иные центры, как это было в 1950–1960-е гг. (Гурьянов, 2023). Апофеозом такой политики стали попытки «ликвидации» неперспективных деревень и переселение жителей из мелких населенных пунктов, отнесенных к неперспективным из-за недостатка населения и отсутствия инфраструктуры, в более крупные. Понятно, что это породило огромное количество социальных проблем, в том числе в плане ухудшения воспроизводства традиционного образа жизни. Сегодня принудительным перемещением населения в очаги продвинутой инфраструктуры никто заниматься не будет. Тем не менее схожесть замыслов не может не обращать на себя внимания (Фадеева, Нефёдкин, 2023: 255–256).

Несмотря на травматичный характер модернизации, положительным эффектом можно считать разнообразие жизненных стилей. Однако, как и всякое социальное изменение, данный процесс существенно повлиял на факторы этнической идентификации. Приняв образ жизни и ценности доминирующего большинства, представители недоминантных меньшинств оказались в ситуации необходимости переинтерпретации правил членства, в которых знание языка и компетентность в осведомленности о своей родовой принадлежности, равно как и степень владения навыками традиционного хозяйства, не являются «ядерными» (Игнатьева и др., 2022а: 45).

На смену «традиционным» формам идентичности, основанным на национальном языке, общем историческом прошлом и этнических стереотипах, приходят новые опоры, которые строятся вокруг акцентированной идентичности. Речь идет о территориализации этничности, усилении общественной активности по контролю за использованием природных ресурсов, развитию хозяйственных и предпринимательских практик, ориентированных на традиционные занятия (Игнатьева и др., 2022а: 221–222).

Наконец, потенциал межэтнических конфликтов, который формируется в сфере неконтролируемой миграции, указывает на экономические проблемы как ключевой узел противоречий. Вызывает беспокойство замещение качественного населения, «дрейфующего» в западном направлении, низкоквалифицированной рабочей силой из постсоветских государств. В этом свете представ-

ляется необходимым пересмотр управленческих стратегий развития Азиатской России, в которых ведущими факторами должны стать инновационное развитие и развитие человеческого потенциала. Речь идет о сферах, тесно связанных с наукой и внедрением технологических разработок в те отрасли производства, где сегодня наблюдается прогресс знания. Сибирь и Север остаются идеальными территориями для экспериментов, позволяющих сочетать опыт традиционного природопользования с уникальными инновациями, изобретениями под конкретную нужду, но востребованными впоследствии в различных областях. Такие инновации укрепляют базис технологического суверенитета страны, формируют новые потребительские рынки, рождают привлекательный, открывающий возможности для самореализации образ желаемого будущего.

### **Вывод**

Качество жизни населения Азиатской России является одним из ключевых показателей интеграции российского общества. Его рост усиливает экономические возможности макрорегиона, способствует повышению его инновационного и человеческого потенциала. В условиях «поворота на Восток» и необходимости расширения трансграничного сотрудничества требуется усиление государственного участия в развитии территорий, привычно воспринимаемых как «ресурсная кладовая».

Сопоставление данных сравнительного анализа отдельных субъектов Сибирского и Дальневосточного округов (на основе показателей Росстата) с результатами исследований российских социологов в национальных республиках Азиатской России позволяет сделать вывод о сохранении инерционного сценария регионального развития. Между тем геополитическая ситуация кардинальным образом изменилась. Перед лицом новых вызовов требуется изменение и самого сценария, и механизмов управляющего воздействия.

Все субъекты Азиатской России отличаются активностью своих политических элит. Однако элиты национальных республик традиционно предъявляют федеральному центру особые требования, связанные с возможностью реализовать право народов соответствующих субъектов, в первую очередь титульных и коренных малочисленных народов, на обеспечение условий для этнического развития. Это не только сохранение родного языка и традиционного образа жизни, но и качественные условия жизни, включающие возможность получать хорошо оплачиваемую и творческую работу, допуск к социальным лифтам, общественным благам, медицине, образованию. Кроме того, рост качества жизни позволит удержать в национальных регионах русское население. Однако добиться его только усилиями субъектов РФ невозможно. Это делает необходимым условием продуктивного диалога между центром и регионами участие центральной власти в региональном развитии.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бреславский А. С. Республики на востоке России в панораме регионального неравенства // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2018. С. 5-12.

Бреславский А. С. Кто и как изучает пригороды крупных городов современной России // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5, № 4. С. 16–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>

Винокурова А. В. Республики в Сибири и на Дальнем Востоке: где жить хорошо? // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2018. С. 14–24.

Гурьянов С. Расселись тут: в России появится почти 2 тыс. сельских агломераций. Как реализуют инициативу по развитию опорных населенных пунктов и прилегающих территорий // Известия. 2023. 26 апреля.

Дугаржапова Д. Б. Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2018. С. 25–37.

Игнатьева В. Б., Васильева О. В., Томаска А. Г., Маклашева Е. Г., Степанова Ю. Г., Данилов И. А. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии. Новосибирск : Наука, 2022а. 272 с.

Игнатьева В. Б., Маклашева Е. Г., Томаска А. Г., Ермолаев Т. С., Баишева С. М., Васильева О. В., Охлопков В. Е., Санникова Я. М., Федотова Н. Д., Иванова Н. И., Михайлова А. В., Панина С. В., Залуцкая С. Ю. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Новосибирск : Наука, 2022б. 296 с.

Крюков В. А., Суслов Н. И., Ягольницер М. А. Об основах развития экономики Азиатской России // ЭКО. 2022. № 1. С. 121–140. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-141](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-141)

Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: демографические аспекты развития // Вестник Тамбовского университета. 2008. Серия: Гуманитарные науки. № 1 (57). С. 325–329.

Попова О. В., Рац Г. И. Заработная плата как фактор конкурентоспособности экономики Республики Саха (Якутии) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 1. С. 17–20.

Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири // Отечество : краеведческий альманах. Сибирский краеведческий выпуск. Вып. 6. 1995 С. 84–98.

Размахнина, Ю. С. Этнический фактор политико-географических процессов в Восточной Сибири: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2021. 24 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сб. М. : Росстат, 2022.1122 с.

Руднева В. А. Оценка потенциала реиндустриализации республик Восточной Сибири // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2018. С. 266–278.

Санникова Я. М. Динамика современного развития сельского хозяйства в национальных республиках Сибири // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2018. С. 248–265.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 144–160.

Фадеева О. П., Нефёдкин В. И. (2023). Сельские агломерации в сибирских реалиях: аргументы «за» и «против» // Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциалов регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В.М. Торосова, 2023. С. 253–260.

## REFERENCES

Breslavsky, A. S. (2018). Republics in the East of Russia in the panorama of regional inequality. In: *Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar* (pp. 5–12). Ulan-Ude : IMBiT SO RAN. (In Russ.).

Breslavsky, A. S. (2020). Who and how studies the suburbs of large cities in modern Russia. *Urban Research and Practice*, 5(4), 16–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>. (In Russ.).

Vinokurova, A. V. (2018). Republics in Siberia and the Far East: where is it good to live? In: *Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar* (pp. 14–24). Ulan-Ude : IMBiT SO RAN. (In Russ.).

Guryanov, S. (2023). Settle here: almost 2 thousand rural agglomerations will appear in Russia. How to implement the initiative to develop support settlements and adjacent territories. *Izvestiya*. 26 April.

Dugarzhapova, D. B. (2018). Socio-economic aspects of the level and quality of life of the population of the republics of the Siberian Federal District. In: *Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar* (pp. 25–37). Ulan-Ude : IMBiT SO RAN. (In Russ.).

Ignatyeva, V. B., Vasileva, O. V., Tomaska, A. G., Maklashova, E. G., Stepanova, Yu. G., Danilov, I. A. (2022). *Identity, Language and Culture of Youth of the Indigenous Minorities of the North: Results of a Study in Yakutia*. Novosibirsk, Nauka. 272 p. (In Russ.).

Ignatyeva, V. B., Maklashova, E. G., Tomaska, A. G., Ermolaev, T. S., Baisheva, S. M., Vasileva, O. V., Okhlopkov, V. E., Sannikova, Ya. M., Fedotova, N. D., Ivanova, N. I., Mikhailova, A. V., Panina, S. V., Zalutskaya, S. Yu. (2022). *Ethno-social processes in Yakutia: modern perspective and development prospects*. Novosibirsk, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Kryukov, V. A., Susliv, N. I., Yagolnitser, M. A. (2022). On the fundamentals of economic development in Asian Russia. *ECO*, 1, 121–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-121-141 (In Russ.).

Petrova, E. V. (2008). Russian population in the ethnosocial structure of the republics of Siberia: demographic aspects of development. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 1(57), 325–329. (In Russ.).

Popova, O. V., Rats, G. I. (2012). Salary as Economic Competitiveness Factor of the Republic of Sakha (Yakutia). *News of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 1, 17–20. (In Russ.).

Potanin, G. N. (1995). Regional trend in Siberia. *Fatherland. Local history almanac. Siberian local history issue*, 6, 84–98. (In Russ.).

Razmakhnina, Yu. S. (2021). *Ethnic Factor of Political-Geographical Processes in Eastern Siberia*. Abstract of the dissertation for the scientific degree of Candidate of Geographical Sciences. Irkutsk. 24 p. (In Russ.).

*Regions of Russia. Socio-economic indicators*. Statistical collection (2022). Moscow, Rosstat. 1122 p. (In Russ.).

Rudneva, V. A. (2018). Assessment of the potential for reindustrialization of the republics of Eastern Siberia. In: *Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar* (pp. 266–278). Ulan-Ude : IMBiT SO RAN.. (In Russ.).

Sannikova, Ya. M. (2018). Dynamics of modern agricultural development in the national republics of Siberia. In: *Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar* (pp. 248–265). Ulan-Ude, Ulan-Ude : IMBiT SO RAN.. Ulan-Ude, IMBiT SB RAS. (In Russ.).

Semenov-Tyan-Shansky, V. P. (2008). About Powerful Territorial Possession in Relation to Russia. Outline of Political Geography. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2, 144–160. (In Russ.).

Fadeeva, O. P., Nefyodkin, V. I. (2023). Rural Agglomerations in Siberian Realities: Pros and Cons. *Development of socio-economic, scientific and technological potentials of regions as a factor in strengthening Russia's position in the modern world*. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo im. V. M. Torosova (pp. 253–260). (In Russ.).

#### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елена Анатольевна Ерохина — д-р филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия.

Elena A. Erokhina — Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023;  
одобрена после рецензирования 21.11.2023;  
принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023;  
approved after reviewing 21.11.2023;  
accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 930.85:22 316.34

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-02

## **Библейский историзм: некоторые подходы к пониманию в русской культуре XIX века**

Лариса Ивановна Нехвядович

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;  
lar.nex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-9554>

**Аннотация.** В статье рассматривается специфика понимания библейского историзма в русской культуре XIX в. с позиции православного христианского мировоззрения, отмечается влияние религии, текстов Священного Писания на идейно-художественную драматургию произведений. Установлено, что в социально-гуманитарном знании отсутствует общий подход, который позволял бы определить формы и результаты рецепции этого феномена в искусстве. Цель статьи заключается в стремлении проиллюстрировать тезис о том, что в русской культуре библейский историзм вытекает из восприятия истории как драмы взаимоотношений человека с Творцом. Исторический путь священных отношений Бога и человека представляется как историческое событие о выходе Бога к человеку и восхождении человека к Богу. Рассматриваются факторы формирования представлений о Священном Писании в России. Отмечается, что особенность ситуации состояла в том, что XIX век был временем профессионализации исторических исследований. Однако именно в этот период определяется отличительная черта в интерпретации текстов Священного Писания в России — выход понимания за пределы строго научного изучения, преобразование христианской традиции в одно из базовых оснований российского историографического, теологического и художественного дискурсов.

**Ключевые слова:** русская культура XIX века, социология религии, библейский историзм, Священное Писание, ветхозаветные сюжеты

**Финансирование:** исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22–28–00551 «Библейский историзм в западноевропейской и русской опере XIX века»).

**Для цитирования:** Нехвядович Л.И. Библейский историзм: некоторые подходы к пониманию в русской культуре XIX века // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 31–38. doi: 10.14258/ssi(2023)4-02.

## **Biblical Historicism: Some Approaches to Understanding in the Russian Culture of the XIX Century**

Larisa I. Nekhvyadovich

Altai State University, Barnaul, Russia,  
lar.nex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-9554>

**Abstract.** The article studies the specifics of understanding biblical historicism in the Russian culture of the XIX century from the perspective of the Orthodox Christian worldview, notes the role of religion, the texts of Holy Scripture on the ideological and artistic dramaturgy of works. It is established that there is no general approach in social and humanitarian knowledge that would allow determining the forms and results of the reception of this phenomenon in art. The purpose of the article is to illustrate the thesis that in Russian culture biblical historicism follows from the perception of history as a drama of human relations with the Creator. The historical path of the sacred relationship between God and man is presented as a historical event about the exit of God to man and the ascent of man to God. The factors of formation of ideas about the Holy Scripture in Russia are considered. It is noted that the peculiarity of the situation was that the XIX century was a time of professionalization of historical research. However, it is during this period that the difference is determined.

**Keywords:** Russian culture of the XIX century, sociology of religion, biblical historicism, Holy Scripture, Old Testament stories

**Financial Support:** The research was carried out with the financial support of the Russian Scientific Foundation (project No. 22-28-00551 “Biblical Historicism in Western European and Russian opera of the XIX century”).

**For citation:** Nekhvyadovich, L.I. (2023). Biblical Historicism: Some Approaches to Understanding in Russian Culture of the XIX Century. *Society and Security Insights*, 6(4), 31–38. doi: 10.14258/ssi(2023)4-02.

### **Введение**

В современном социально-гуманитарном знании сложилась ситуация, заявляющая о необходимости пересмотра некоторых положений, объясняющих природу взаимоотношений между религией и обществом. Проблемой в описании оказался феномен библейского историзма, который до сих пор слабо концептуализирован и изучается в рамках монодисциплинарных подходов в социологии, истории, богословии, культурологии. Симптоматичным является и то, что центр теоретической проблематики все чаще переносится с онтологического вопроса о творении мира на аксиологический вопрос о создании духовных ценностей. В научном знании нет однозначных решений данных проблем, но в контексте социально-философского дискурса существуют теоретические подходы, способные выявить основное содержание и границы понятия библейского историзма. В частности, в русской культуре XIX в. предложена попытка решить

вопрос о значении библейского историзма, а также тесно связанных с ним понятий сакрального, священного, исторического. Именно в это время библейский историзм обретает новую интерпретацию, затрагивающую два наиболее существенных аспекта, которые и будут представлены в настоящей статье. Во-первых, идеи русских православных мыслителей в отношении проблемы библейского осмысления истории, во-вторых, художественная трактовка текстов Священного Писания в искусстве.

Изучение основных направлений библейского осмысления истории в России имеет основательную научную традицию. В статье мы развиваем направление, у истоков которого стояли С. П. Шевырев, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, для них характерно сочетание христианско-религиозного подхода к истории с глубиной философских и исторических познаний. При работе с текстами первоисточников использованы теоретические подходы, содержащиеся в работах таких авторов, как А. Мень, А. Б. Сомов, С. С. Хоружий, В. Я. Саврей, Б. А. Тихомиров, А. И. Есюков, О. В. Самылов, О. В. Хазанов, В. В. Кузь. Диапазон проблем, связанных с библейской тематикой в искусстве А. Г. Рубинштейна в контексте истории отечественного музыкального театра, исследуется в трудах Л. А. Баренбойма, Т. А. Хопрова, О. С. Михайловой, А. А. Скирдовой.

### **Методы исследования**

Выбор методов исследования обусловлен обращением к библейскому историзму как самостоятельному предмету научной рефлексии. Используются историко-философский и культурологический материал, компаративистский подход, позволяющий в результате сравнения выявить некоторые подходы к пониманию данного явления в русской культуре XIX в.

### **Результаты**

В общих трудах по истории культуры библейский историзм употребляется в широком значении. Однако неявное давление корректного, в сущности, понимания библейского как относящегося к Библии отчетливо дает себя знать. В качестве такого определения, можно взять, например, утверждение, сформулированное исследователем А. Ю. Милитарёвым: «Именно в Библии засвидетельствовано явление, которое можно назвать рождением историзма. ...библейский историзм вытекает из восприятия истории как драмы взаимоотношений человека с Творцом. У этой драмы есть завязка, начало (сотворение мира и человека); целый ряд последующих актов еще внутри «мифического времени», «священной истории» (грехопадение, изгнание из рая, потоп, Вавилонское рассеяние); выход в «историческое время» с острым осознанием не меньшей уникальности и значимости исторических событий для всей драмы (назовем хотя бы исход из Египта или строительство Соломоном храма), чем событий мифологических; и, наконец, ожидаемая эсхатологическая развязка (приход Израиля или всех народов под водительством Израиля к Богу)» (Милитарев, 2008: 99–100). Развивая эту мысль, библиист Г. В. Синило отмечает: «История истинного — осмысленно и доброволь-

но принятого человеком — Завета начинается с Авраама, которого библейский текст определяет как „друга Божьего“. ...В тот момент, когда Господь впервые открывается Аврааму, звучит важная формула, которая будет повторена каждому из патриархов: „...и благословятся в тебе все племена земные“ (Бытие, 12:3). Это означает, что через духовное усилие Авраама и его потомков к Единому богу, под сень Божьего благословения придут все народы Земли. В этом Библия полагает смысл и цель истории...» (Синило, 1999: 47–49). Следование по этому пути в понимании дефиниции приводит к выводу о том, что Библия, как первоисточник представлений об истории, предполагает наличие таких характеристик, как развитие и общественный прогресс, целесообразность и осмысленность, взаимодействие процессов. А. Островский предлагает обратить внимание и на такие особенности: «1) различие физического и исторического времени; 2) различие таких категорий, как правление праотца и правление патриарха; 3) участие Всевышнего как в событиях, определяющих физическое время, так и в событиях, определяющих историческое время» (Островский, 1998: 10–11). Обобщая анализ философской и историко-богословской литературы, можно определить библейский историзм как форму исторического сознания, предполагающую богословское осмысление истории, анализ многообразных социокультурных явлений в связи с текстами Священного Писания. Библейский историзм сосредоточен на интерпретации конкретных библейских пророчеств, которые связывают символы с историческими фактами и событиями. И здесь нельзя не остановиться на глубоко продуманном высказывании историка М.И. Даймонта, который утверждал, что «то, что происходит между человеком и Богом, — это и есть история» (Даймонт, 1989: 8).

В формировании представлений о Священном Писании в России исследователь Б.А. Тихомиров выделяет следующие этапы: «1) издание славянской Библии; 2) богословские определения, сделанные в XIX веке. Общеизвестно, что первая целостная рукописная Библия на славянском языке была подготовлена к 1499 году (Геннадиевская Библия). В дальнейшем состав книг Священного Писания был сформирован еще тремя изданиями: первым печатным изданием Острожской Библии 1580–1581 годов, Московской Библией 1663 года и Елизаветинской Библией как заключительной редакции славянской Библии в 1751 году» (Тихомиров, 2020:141).

## Обсуждение

Итак, какие же особенности характеризуют библейский историзм как явление русской культуры XIX в.? Оценивая состояние духовной культуры этого времени, А.И. Герцен в «Былом и думах» (1852–1868) писал: «Поразительное сходство современного состояния человечества с предшествующими Христу годами придает удвоенную важность истории развития церкви и времени, предварившего евангельское учение. С одной стороны, древний мир был весь собран в один узел, в один царящий орган, с другой — в самом этом средоточии обличилась ярко необходимость возрождения. ... В настоящее время мы переживаем одну из фаз

такого столь редкого в истории народов превращения» (Герцен, 1976: 22). Деятели культуры придавали этим факторам глубокое значение. Особенность ситуации состояла и в том, что XIX в. был периодом профессионализации исторических исследований. Вместе с тем именно в это время формируется отличительная черта в интерпретации текстов Священного Писания в России — выход понимания за пределы строго научного изучения, преобразование христианской традиции в одно из базовых оснований российского историографического, теологического и художественного дискурсов. Такой ход позволил отечественным исследователям обосновать тезис о том, что именно в XIX в. христианство начинает рассматриваться как неотъемлемый элемент русской духовной культуры. Это явление рассматривается мыслителями в контексте изучения проблем исторической судьбы России и русской идеи, представленной ключевым понятием «всечеловеческий», объяснявшим характер русской истории и русского человека. Здесь, по-видимому, не лишним будет авторитетное замечание Г.В. Флоровского, который считал, что Ф.М. Достоевский «был гениальным мыслителем-философом и богословом» (Флоровский, 1998: 68), который основательно развернул идеал православных ценностей в культуре на основе метода «христианского реализма» (Флоровский, 1998: 5). Развивая данное положение, О.А. Богданова отмечает, что Ф.М. Достоевский «...единственный из больших русских писателей увидел и признательно воплотил в крупных художественных произведениях (прежде всего в романе „Братья Карамазовы“) культурные потенции и антропологический идеал исихазма — древней духовной традиции византийского и русского православия...» (Богданова, 2008: 13-14).

Идеи Ф.М. Достоевского оказали влияние на концепцию всеединства В.С. Соловьева. Поставив перед собой задачу «ввести религиозную истину в форму свободно-разумного мышления и реализовать ее в данных опытной науки» (Соловьев, 2001: 350), русский философ обращается к интерпретации тем Всеединства, Богочеловечества, Софийности. По словам Е.Б. Рашковского, «...за этими тремя темами — три основные взаимосвязанные измерения соловьевской мысли: теоцентрическое — христоцентрическое — антропоцентрическое (или, точнее сказать, гуманистическое)» (Рашковский, 2011). Вслед за исследователем мы считаем возможным обозначить их как Бог — История — Человек. По мысли В.С. Соловьева, Ветхий Завет необходимо рассматривать как монументальное предвосхищение идеального человеческого образа, вбирающего в себя все лучшее, что только созерцается или мыслится в человеке. Исходя из вышесказанного, основными характеристиками библейского историзма в интерпретации русских православных мыслителей XIX в. можно считать представление о богочеловечестве как о достигаемом в конце истории состоянии общества, которое связано с нравственными законами. При этом христианская идея уникальности события боговоплощения придает личностный характер истории.

Для огромного корпуса русской литературы XIX в. актуальна именно репрезентативность текстов Священного Писания. Достаточно вспомнить произведения «Соломон и Суламита» Г.Р. Державина, «Когда владыка ассирийский...»,

«Вертоград моей сестры...», «В крови горит огонь желанья...» А. С. Пушкина, «Не дивись, что я черна...» А. А. Фета, «Еврейские песни», «Юдифь», «Сампсон» Л. А. Мея. Приемы обращения с первоисточниками «Книги Судей Израилевых», «Книги Иудифи», «Книги Песни Песней Соломона» были относительно едиными. Индивидуализация затрагивает выбор первоисточника, оригинальную семантику поэтики как основы в развитии творческой мысли. В целом же христианский гуманизм — ведущий идейно-эстетический аспект русской литературной поэтики.

В этом смысле важно ответить еще на один вопрос: какое положение занимает принцип рецепции библейского историзма в русской эстетике и композиторской практике XIX в.? В качестве яркого примера можно привести оперные произведения А. Г. Рубинштейна на тексты Священного Писания. По мысли историка музыки Л. А. Баренбойма, в музыкальном мире композитора именно жанру «духовной оперы» на библейские сюжеты принадлежит миссия морально-облагораживающего воздействия для пробуждения высоких душевных переживаний (Баренбойм, 2012: 56). Художественные принципы А. Г. Рубинштейна изложены в аналитических письмах составителю театрального сборника «Von den Coullissen» И. Левинскому и немецкому писателю Р. Лёвинштейну. Мы видим, что обозначились следующие смысловые аспекты в понимании библейской истории: Бог — единственный центр истории, его участие в исторических процессах — благословляющее, назидательное и укрепляющее в вере. Из числа музыкально-выразительных и интонационно-драматургических приемов композитор особое значение придает широкой форме композиции, полифоническим разработкам, возвышенной декламации. В музыкально-театральном претворении идея нашла воплощение в творческом замысле произведений «Вавилонское столпотворение», «Суламифь и Соломон», «Иов», «Каин и Авель», оратория «Христос», «Маккавеи». Особое отношение к хорам, возможное использование танцев применяется для отражения национальных признаков места действия. Трактовка библейского историзма, предложенная А. Г. Рубинштейном в опере «Нерон» (1875–1876) на либретто Ж. Барбьеиза, подтверждает, что, с одной стороны, опера на библейские сюжеты тяготеет к исторической достоверности; с другой стороны, очевидна опора на духовно-нравственную концепцию просвещения современников, раскрываемую через духовный конфликт языческой и христианской культур.

### **Заключение**

Обозначение библейского историзма, объединяющего понятия священного, сакрального, исторического, позволяет определить его как форму исторического сознания, предполагающую богословское осмысление истории, анализ многообразных социокультурных явлений в связи с текстами Священного Писания. С позиции русской культуры XIX в., религиозность укоренена в историко-культурном становлении общества, ее целью является установление священного порядка, поддержание норм высшего порядка, основанных на понимании человечности Бога и божественного предназначения человека.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ**

- Баренбойм Л. А. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Т. II. 1867–1894. М. : Директ-Медиа, 2012. 1124 с.
- Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж : YMCA-Press, 1989. 714 с.
- Богданова О. А. Под созвездием Достоевского (художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы). М. : Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. 311 с.
- Герцен А. И. Об атеизме, религии и церкви. М., 1976. с. 22.
- Даймонт М. И. Евреи, Бог и история. Иерусалим, 1989.
- Легеев М., Добыкина А. А. Богословское осмысление историзма Ветхого Завета: ключевые темы // Христианские чтения. 2019. № 2(85). С. 19–30
- Милитарёв А. Ю. Воплощенный миф: «Еврейская идея» в цивилизации. М. : Наталис, 2003. 249 с.
- Островский А. Представление об историческом времени в книге Берешит (опыт семиотического анализа) // Еврейская цивилизация: проблемы и исследования. М., 1998.
- Рашковский Е. Б. Владимир Соловьёв и протоиерей Александр Мень в динамике истории российской // Соловьёвские исследования. 2011. №2 (30). С. 33–44.
- Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: в 3-х томах. Статьи. Книги. Докладные записки. Речи. Т. 1. М. : Музыка, 1983. 214 с.
- Саврей В. Я. Методы интерпретации текста Священного Писания // Идеи и Идеалы. 2016. Т. 1, № 4(30). С. 9–22.
- Соловьёв В. С. Сочинения: в двух томах. Т. 2. М. : Мысль, 1988. 822 с.
- Синило Г. В. Библия как памятник культуры. Ч. I. Минск : БГУ, 1999.
- Тихомиров Б. А. Решения по канону Ветхого Завета в русском академическом православном богословии XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (6). С. 140–154
- Флоровский Г. В. Блаженство страждущей любви (К 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) // Из прошлого русской мысли. М. : Аграф, 1998. С. 68–73.

**REFERENCES**

- Barenboim, L. A. (2012). *Anton Grigorievich Rubinstein. Life, artistic path, creativity, musical and social activity*. Vol. II. 1867–1894 Moscow : Director-Media. (In Russ).
- Berdyayev, N. A. (1989). *Types of religious thought in Russia*. Paris : YMCA-Press. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2008). *Under the constellation of Dostoevsky (artistic prose of the turn of the XIX–XX centuries in terms of genre poetry of Russian classical literature)*. Moscow : Izd-vo Kulagina Intrada. (In Russ.).

- Gerzen, A. I. (1976). *About atheism, religion and church*. Moscow. (In Russ.).
- Daimont, M. I. (1989). *Jews, God and history*. Jerusalem. (In Russ.).
- Legeev, M., Dobykina, A. A. (2019). Theological Comprehension of Old Testament Historism: Key Themes. *Christian Readings*, 2(85), 19–30. (In Russ.).
- Militarev, A. (2003). *Embodied myth: "The Jewish idea" in civilization*. Moscow : Natalis. (In Russ.).
- Ostrovsky, A. (1998). Presentation of historical time in the book Bereshit (experience of semiotic analysis). In: *Jewish civilization: problems and studies*. Moscow (In Russ.).
- Rashkovsky, E. B. (2011). Vladimir Solovyov and Archpriest Alexander Men in the dynamics of the history of Russian. *Solov'evskie issledovaniya*, 2(30), 33–44. (In Russ.).
- Rubinstein, A. G. (1983). *Literary Heritage: in 3 volumes. Articles. Books. Memoirs. Speeches*. Vol. 1. Moscow : Music. (In Russ.).
- Savray, V. Ya. (2016). Methods of Interpretation of the Text of the Holy Scriptures. *Ideas and Ideals*, 4(30), 9–22. (In Russ.).
- Soloviev, V. S. (1988). *Essays: in two volumes*. Vol. 2. Moscow : Mysl'. 822 p. (In Russ.).
- Sinilo, G. V. (1999). *The Bible as a Cultural Monument*. Part 1. Minsk: BGU. (In Russ.).
- Tikhomirov, B. A. (2020). Decisions on the canon of the Old Testament in the Russian academic Orthodox theology of the nineteenth century. *Works of the Department of Theology of the Saint Petersburg Spiritual Academy*, 2(6), 140–154. (In Russ.).
- Florovsky, G. V. (1998). Bliss of suffering love (To the 100th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky). In: *From the past of Russian thought*. Moscow : Agraf. (In Russ.).

#### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

Лариса Ивановна Нехвядович — д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Larisa I. Nekhvyadovich — Dr. Sci. (Art History), Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023;  
одобрена после рецензирования 11.11.2023;  
принята к публикации 12.11.2023.

The article was submitted 25.09.2023;  
approved after reviewing 11.11.2023;  
accepted for publication 12.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 291.11

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-03

## Многомерный подход к оценке религиозности населения в азиатском приграничье России

Светлана Геннадьевна Максимова<sup>1</sup>

Оксана Евгеньевна Ноянзина<sup>2</sup>

Дарья Алексеевна Омельченко<sup>3</sup>

<sup>1,3</sup> Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

<sup>2</sup> Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации, Москва, Россия

<sup>1</sup> svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

<sup>2</sup> noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

<sup>3</sup> daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

**Аннотация.** В фокусе статьи — анализ социологических методов оценки религиозности в контексте актуальных трансформаций религиозного сознания и мировоззрения, размывания границ между секулярным и религиозным, распространенности гибридных вариантов религиозной идентичности, предполагающих религиозность «вне конфессиональности» и пассивные религиозные практики. Авторы отстаивают видение религиозности как многомерного конструкта, сочетающего объективные и субъективные, статические и динамические, внутренние и внешние характеристики и проявления. Представлены результаты социологических исследований религиозности населения в четырех приграничных регионах России — Алтайском крае, Новосибирской области, Республике Алтай, Республике Тыва (n = 400 в каждом регионе). В качестве основного инструмента анализа религиозности используется индекс центральности религиозности (Centrality CRS III. Хубера), позволяющий провести оценку по пяти измерениям (уровням) — когний (информации), веры (идеологии), личных и публичных практик и религиозного опыта с учетом поликонфессиональности региональных социумов. Задачи исследования заключались в сопоставлении результатов, полученных на национальной выборке, с результатами в условиях приграничья и его отдельных регионов, отличающихся этноконфессиональным своеобразием, анализе отдельных измерений религиозности и их взаимоувязке с общим индексом на основе факторного анализа. Показано, что индекс обладает хорошими психометрическими свойствами, и его отдельные измерения хорошо описываются однофакторной структурой. Уровень религиозности по всем четырем регионам в целом соответствует общероссийскому уровню, при этом между регионами наблюдаются серьезные различия, обусловленные не только по оси национальные (этнические) регионы — полиэтничные регионы с «русским ядром», традиционно тяготеющим к православию, но по отдельным измерениям.

**Ключевые слова:** религиозность, приграничные регионы, индекс центральности религиозности, интеллектуальный компонент религиозности, идеологический компонент религиозности, компонент публичных религиозных практик, компонент личных религиозных практик, компонент религиозного опыта, многомерный подход к анализу религиозности

**Финансирование:** публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

**Для цитирования:** Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Многомерный подход к оценке религиозности населения в азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 39–60. doi: 10.14258/ssi(2023)4-03.

## Multidimensional Approach to Evaluation of Population Religiosity in Russia's Asian Borderlands

Svetlana G. Maximova<sup>1</sup>

Oksana E. Noyanzina<sup>2</sup>

Daria A. Omelchenko<sup>3</sup>

---

<sup>1,3</sup>Altai State University, Barnaul, Russia

<sup>2</sup>Main information and computing center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

<sup>1</sup>svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

<sup>2</sup>noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

<sup>3</sup>daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

**Abstract:** The article is focused on an analysis of sociological methods of evaluation of religiosity in the context of current transformations of religious consciousness and worldview, the blurring of boundaries between the secular and the religious, and the prevalence of hybrid variants of religious identity, which imply religiosity “beyond confession” and passive religious practices. The authors defend the vision of religiosity as a multidimensional construct that combines objective and subjective, static and dynamic, internal and external characteristics and manifestations. The authors present the results of sociological studies of the population's religiosity in four border regions of Russia — Altai Krai, Novosibirsk Oblast, Republic of Altai, and Republic of Tyva (n = 400 in each region). The Centrality CRS index (Centrality CRS Sh. Huber) is used as the main tool for analyzing religiosity, which allows for an assessment on five dimensions (levels) — cognitions (information), belief (ideology), personal and public practices and religious experience, taking into account the polyconfessional nature of regional societies. The objectives of the study were to compare the results obtained on the national sample with the results in the conditions of the border region and its separate regions characterized by ethno-confessional uniqueness, to analyze the individual dimensions of religiosity and their interrelation with the general index on the basis of factor analysis. It is shown that the index has good psychometric properties, and its individual

dimensions are well described by a single-factor structure. The level of religiosity in all four regions generally corresponds to the all-Russian level, while there are serious differences between the regions, caused not only by the axis national (ethnic) regions — multi-ethnic regions with a dominant Russian and Orthodox population, but also by individual dimensions.

**Keywords:** religiosity, border regions, Centrality of Religiosity Scale (CRS), intellectual component of religiosity, ideological component of religiosity, component of public religious practices, component of personal religious practices, component of religious experience, multidimensional approach to religiosity

**Financial Support:** the article was prepared as part of Russian Science Foundation project №22-28-01120, “Models of Constructing Religious Identity in Borderland Regions of Russia: Institutional Mechanisms, Strategies, and Practices” (2022-2023).

**For citation:** Maximova, S.G., Noyanzina, O.E., Omelchenko, D.A. (2023). Multidimensional Approach to Evaluation of Population Religiosity in Russia’s Asian Borderlands. *Society and Security Insights*, 6(4), 39–60. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)4-04.

## Введение

Вопрос оценки религиозности населения, несмотря на кажущуюся прозрачность и разработанность концепта, в отечественной и зарубежной науке до сих пор носит дискуссионный характер. Религиозность в современном обществе является одной из важных характеристик социального поведения индивидов и фактора жизни общества (Berger, 1974), по выражению С. Д. Лебедева, «атакующих современный секуляризованный мир извне и изнутри» (Лебедев, 2020). Именно этот факт побуждает ученых при поиске критериев и типологий религиозности ориентироваться на определение границ между миром секулярного и религиозного. Наряду с этим вопросом ставятся задачи разграничения носителей и проводников религиозности, учета факторов профессиональной этики, экономического поведения, поиска корреляций с семейными, демографическими, политическими, иными установками и социальными характеристиками личности (Lenski, 1961; Богачёв, 2016; Борисова, Павлюткин, 2019), поиска измерения составляющих религиозности, их эмпирической интерпретации, а также поиска интегральной стратегии измерения религиозности (Бреская, 2011; Хлопкова, 2020).

Методики прикладных исследований религиозности эволюционируют и отходят от «традиционной» концентрации на оценке принадлежности к религии, степени усвоения ее установок, ценностей, образцов поведения и в целом религиозности/нерелигиозности индивида. В частности, Г. Буллارد пишет о необходимости анализа социальных различий и социальных установок референтной группы (Bullard, 2016), Г. Дейви акцентирует внимание на таком явлении, как «вера без принадлежности» (Davie, 2006), выделяются особенности конструирования «гетеродоксального», внеконфессионального мировоззрения (Voas, Day, 2010). Так, например, в рамках Европейского социального обследования<sup>1</sup>, помимо выделения категорий верующих/неверующих, выделяют группу лиц с «расплывчатой»

<sup>1</sup> ESS Data Portal. URL://www.europeansocialsurvey.org.

религиозностью, к которой на основе параметров самоидентификации, следования предписаниям и верований относят всех тех, кто находится вне конфессий, считает себя «духовным, но не религиозным», является «пассивным» или «этническим» верующим, следующим культурной традиции. Как в европейском обследовании, так и в других международных обследованиях (например, Всемирный обзор ценностей, Международная программа социальных исследований<sup>1</sup> и т.п.) используются индикаторы самоидентификации, теистические/нетеистические характеристики религиозных верований, самооценки ценности религии, религиозного поведения. Таким образом, предлагаемые зарубежной наукой подходы к оценке религиозности многомерны (см., напр., Glock, 1962; Фолкнер, Де Йонг, 2011; Hill, Hood, 1999; King, Hunt, 1972), среди них наибольший «охват» имеет методика «Инструментарий религиозной вовлеченности» (Hilty, Morgan, 1985), представляющая собой набор переработанных шкал, предложенных в 1968, 1969, 1972 и 1975 гг. М. Кингом и Р. Хантом. Данный инструментарий, наряду с традиционными критериями религиозности, учитывает оценку степени включенности в жизнь религиозной общины, частоту взаимодействия с общиной, удовлетворенность церковной жизнью.

Отечественная наука в целом опирается на предложенный международными агентствами состав индикаторов. В наиболее цитируемых отечественных работах в сфере измерения религиозности (см., напр., труды М. П. Мчедлова, Ю. Ю. Синелиной, Д. Е. Фурмана, В. Ф. Чесноковой) анализ проводится в разрезе индивидуальных характеристик индивидов, при этом крайне скудно представлено описание религиозных общин (и соответствующая методология), ставшее уже традиционным для западной социологии (Забаяев, Пруцкова, 2012; Орешина, 2014, 2016; Подлесная, 2014; Подлесная, Мельникова, 2015), оценка связи религиозности и социального благополучия, безопасности, хотя на наличие такой взаимосвязи — прямой или опосредованной различными медиаторами — указывают зарубежные авторы (Holt, Clark, Wang, et al., 2014; Joshanloo, Daemi, 2015).

Многочисленны и разнообразны не только подходы к определению методологии исследования и оценки религиозности, но и подходы к типологизации и агрегации социологических методик анализа. Такие попытки, а также основания для типологизации представлены в работах классиков социологии Э. Гидденса, Г. Гегеля, Н. Лумана, Э. Дюркгейма, М. Вебера и других, современных, включая отечественных, авторов (Е. Гришаева, С. Лебедев, Ю. Синелина). В частности, идеи Э. Гидденса о саморефлексии общества, рефлексивности через оценку и интерпретацию наблюдателя в понимании Н. Лумана, социальном воображаемом (Тейлор, 2007) являются хорошей базой для изучения взаимоотношений между носителями религиозности и референтными религиозными группами.

С. Лебедев (2020), исходя из того, что условной «моделью» верующего для социолога является традиционный, включенный в жизнь религиозной общины индивид, соотносящий свои мысли и поведение с референтной группой и ее установками, предлагает в социологическом исследовании опираться на один

<sup>1</sup> www.worldvaluesurvey.org, www.issp.org.

из трех подходов, названных им «классическим», «неклассическим» и «постклассическим», относительно которых проводится идентификация религиозности населения. Первый подход подразумевает религиозность как непосредственную включенность индивида в жизнь общины, внешний контроль и наличие конфессиональных общин, состоящих из верующих традиционного типа. Второй подразумевает наличие дистанции или же выпадение индивида из системы общественных связей религиозного сообщества, внутренний контроль на основе религиозных норм и кризисное состояние верующего. Третий описывает состояние верующего в отрыве от реального религиозного сообщества (виртуализация религиозной общины), ориентацию исключительно на внутренний контроль, и группу внеконфессиональных (слабо воцерковленных, не активных) верующих (Glock, 1962; Фолкнер, Де Йонг, 2011; Allport, Ross, 1967; Хубер, Хубер, 2018).

Первый подход вполне справедлив при условии неразделимости религиозного верования и оценки его «регулярности», т.е. отпавлений культовых действий в соответствии с религиозным сознанием и формализованными религиозными нормами. Предполагается, что при соблюдении такого «целостного» условия соблюдается некая «норма» религиозности, такое условие С. Лебедев называет «религиозным синдромом», антиподом ему является атеизм или же неверие. Филатов и Лункин (2005) обращают внимание на то, что в общей оценке религиозности преобладают поведенческие практики, т.е. следование религиозным предписаниям, что они считают ее более «надежным» признаком, нежели «простые» самоидентификации (например, самоотнесение индивидом к той или иной конфессии). Г. Ле Бра к таким поведенческим практикам относил, например, посещение религиозных служб или месс, причащение — по случаю религиозных праздников или, в предписанных случаях, участие в религиозной жизни общины и тому подобные, аналогичным образом Ю. Синелина (2011) рассматривает практики участия в религиозной жизни и обрядах в качестве ключевого индикатора воцерковленности населения.

Рассмотрение особенностей религиозного поведения целесообразно проводить наряду с анализом уклада жизни верующих, повседневной погруженности индивидов в жизнь конфессиональной общины, т.е. религиозной рутинизации жизни (по Э. Гидденсу). В данном случае анализу подлежат повседневные контексты как механизмы трансляции религиозных ценностей, социальные сети коммуникаций и взаимодействий в связи с принадлежностью к общине, включенность культовых практик с внекультовой активностью (бытом, профессиональными связями и т.п.), наличие и характер контроля относительно религиозных канонов, а также механизмы самоконтроля.

Мы понимаем, что такой подход к оценке религиозности населения хорошо вписывается в картину «традиционного» верующего, однако не всегда имеет потенциал в отношении оценки принадлежности к новым религиозным течениям и культурам, таким как виртуальные, заместительные, квазирелигии, и нетрадиционным укладам жизни в целом (Каргина, 2014). В этом отношении позиции неклассического и постклассического подходов к анализу воцерков-

ленности, предложенные С. Лебедевым, имеют больший потенциал в условиях непрерывно и нелинейно изменяющейся, модернизирующейся социальной реальности. К числу авторов, развивающих такой подход, можно отнести Б. Фолкнера и Г. Де Йонга, включающих в перечень индикаторов религиозности шкалы, фиксирующие их подвижность (Фолкнер, Де Йонг, 2011), а также Ш. и О. Хуберов, предлагающих проводить оценку степени «отдаленности» значений индикаторов религиозности от некоего усредненного критерия (Хубер, Хубер, 2018). Постклассический подход в принципе усиливает такое предположение — оценка проводится на основе гипотезы о полном удалении индивида от общего «признака религиозности» (Лебедев, 2020).

Оценки, проводимые в рамках первого, традиционного, и второго-третьего подходов, варьируются относительно того, насколько жесткой (или каноничной) является картина традиционного верующего. Одним из примеров такой картины является концепция В. Чесноковой, ориентированная на описание традиционного православного верующего и определяющая границу воцерковленности на уровне самоидентификации — принятия или непринятия канонических требований конфессии и соответствующее им строгое следование, при этом в первом случае (принятие и следование) степень воцерковленности может отличаться. В максимальном выражении (5 баллов по шкале, предложенной В. Чесноковой) воцерковленность присуща «церковному народу», а в нулевой — также может описывать православных верующих (Чеснокова, 2005). Схожим образом М. Мчедлов опирается на критерий самоидентификации индивида и его активность в конфессиональном (религиозном) поведении (Мчедлов, 2005), но не предлагает проводить оценки выраженности религиозности, а в целом характеризует индивида как религиозного или нет, т.е. в итоге сводя оценку до бинарной шкалы. Хотя автор и вводил в своих работах понятие «глубины религиозности», он рассматривал ее скорее как описательную характеристику религиозной части населения. Как видим, такой подход далеко не всегда применим в условиях нестандартных, неклассических ситуаций, выносит за пределы принципиального анализа атрибутивные параметры религиозности населения или вообще приводит исследователя к ошибочному допущению о нерелигиозности неканоничных духовных (религиозных) практик. Попыткой преодолеть методологические сложности стало введение многомерного шкалирования в методологию оценки религиозности индивидов, как например, в концепциях, предложенных Ю. Синелиной (2011), Е. Пруцковой (2012).

Принципиальным моментом измерения религиозности является определение ее критериев, показателей и индикаторов, позволяющих выделять группы населения по уровню выраженности и отдельным проявлениям. В рамках разных подходов используются объективные и субъективные, внутренние и внешние (например, благочестие и религиозное участие, индивидуальные характеристики и параметры социальной среды), статичные и динамичные признаки религиозности, описывающие содержание и уровень религиозного сознания, а также религиозное поведение индивидов, что обуславливает необходимость

разработки комплексного инструментария, отражающего ее многомерный и динамичный характер. Например, Ч. Глок и Р. Старк предложили проводить оценку религиозности на базе пяти критериев: религиозный опыт (как формы экстатических состояний), религиозная вера (разделяемые догматы), культ (культовое и некультовое поведение), информированность по вопросам религии (знание догматов и мифов, умение разбираться в религиозной проблематике), влияние религии на поведение (влияние на социальные взаимодействия, функция в качестве стимула к действию). Мотивационная функция религии наиболее сложна в оценке, однако может быть диагностирована в том числе и через участие в религиозных обрядах и выполнение религиозных предписаний (например, ношение предписанной одежды, отказ от определенной пищи, использования оружия и т.п.) (Glock, Stark, 1968). И. Задорин и А. Хомякова, с целью избегания проблемы недостоверных и недостаточно информативных индикаторов, предлагают опираться на сочетание проективных, психосемантических и социологических методов (Задорин, Хомякова 2019), а также предлагают направлять оценку религиозности по двум направлениям: 1) измерение содержания и уровня религиозного сознания и 2) изучение религиозного поведения. Первое характеризуется верой в сверхъестественное (то есть в наличие продуктов гипостазирования, возможность взаимодействия со сверхъестественным, истинность догматов (иных религиозных предпочтений), в причастность к религиозным событиям, религиозным авторитетам) и следующими параметрами: содержание, интенсивность веры, степень информированности по вопросам веры. Второе связано с оценкой культового поведения и внекультовой деятельности, измеряемыми через акты молитвы, исповеди, пропаганды (миссионерства), религиозную мотивацию.

Однако современное общество столь динамично, что существующие подходы к оценке религиозности, к сожалению, не предлагают единого и обоснованного видения в условиях изменений социального пространства, распространения виртуальных религий, трансформации самого отношения человека к религии, виртуализации референтных религиозных групп («воображаемых сообществ, в терминах Б. Андерсона), изменения социализационной функции семьи, индивидуализации личного религиозного выбора, современной «внесинституциональности» религии (Эрвьё-Леже, 2015), распространенности «веры без принадлежности» (Davie, 2006), внецерковной религиозности (Мчедлов, 2005), новых религий (Руткевич, 2014) и духовных псевдорелигиозных практик и прочих явлений модернизирующегося общества. Для российского общества эти проблемы еще более актуальны, с учетом высокой степени конфессионального разнообразия и поколенческих различий, возникших в результате разрывов в религиозной социализации, вызванных кардинальными общественно-политическими и социокультурными трансформациями, проходящими в последние десятилетия. Исследование, представленное в данной статье, сфокусировано на анализе российских регионов, географически расположенных вблизи государственных границ и в силу этого статуса обладающих уникальными свойствами приграничья, в том числе в религиозной сфере, где интенсифицируются, актуализируются

и кристаллизуются идентификационные процессы и возникает особое социальное пространство, где религиозные ценности, знания и опыт переформируются в результате интенсивных межкультурных контактов и миграционных процессов (Machado, Turner, Trygve, 2018). Авторы представляют результаты социологических опросов в четырех приграничных регионах и анализируют их с опорой на международный и российский исследовательский опыт оценки религиозности. Полученные данные, с одной стороны, подтверждают выводы о значительной дифференцированности российских регионов, в том числе в духовной сфере, с другой, — позволяют провести более глубокий анализ отдельных измерений религиозности с учетом региональной специфики.

### Методы и материалы

В нашем исследовании мы использовали методику «Шкала центральности религиозности» (далее — CRS), обоснованную и апробированную на примере 25 стран с участием более чем 100 000 респондентов (включая представителей России) (Хубер, Хубер, 2018; Huber et al., 2020). Данная методика измеряет центральность (выраженность) пяти измерений религиозности — публичной религиозной практики, личной религиозной практики, религиозного опыта, идеологического и интеллектуального измерений религиозности.

CRS опирается на многомерную модель, разработанную Ч. Глоком (Glock, 1962, 1973) и Р. Старком (Glok, Stark, 1968), а также на идеи Уимберли, теории идентичности Страйкера и теории обмена Хоманса (Wimberley, 1989; Stryker, 1980; Homans, 1974), представляющие теоретическое обоснование эмпирического набора переменных, описывающих религиозную жизнь. Авторами методики проведена работа по операционализации понятий, используемых в основе шкал теста, с целью обеспечения их автономности и релевантности разным религиозным традициям. Тест имеет вероятностную логику, т.е. чем более высокий балл у индивида, тем более важной, центральной для него является система религиозных конструктов, а также, как показали тесты в рамках международных опросов, выше корреляции с самооценкой выраженности религиозной идентичности, самооценкой важности религии в повседневности. Шкала имеет несколько вариантов: с 15, 10 и пятью вопросами с целью понижения затрат на измерения. Хотя изначально методика была направлена на измерение религиозности в авраамической традиции, где доминирует монотеистическая концепция Бога, современные варианты адаптированы для применения в условиях обществ с разными религиозными традициями, в них учтены традиции мистического опыта, присутствующие обществам, где присутствует диалогический тип духовности. Для целей исследования была отобрана версия CRS-15, которая содержит по три вопроса для каждого измерения и пять дополнительных вопросов, учитывающих поликонфессиональный состав выборки. Как подчеркивает Ш. Хубер, «это версия с наибольшей способностью различения измерений, т.е. она позволяет оценивать основные измерения религиозности с наиболее высокой надежностью и точностью... В трех исследованиях надежность оценки отдельных измерений колеба-

лась от 0,80 до 0,93 и от 0,92 до 0,96 для всей шкалы CRS-15» (цит. по (Хубер, Хубер, 2018: 156). Автором были рассчитаны тестовые нормы, для России составляющие 2,45 балла при стандартном отклонении 0,96 балла.

После необходимой преобработки индикаторов (перекодировка и инверсия переменных) проводится процедура по расчету общего шкального балла центральности религиозности (на основе деления суммы баллов по отдельным вопросам на количество вопросов) с целью получения итогового диапазона индекса CRS от 1,0 до 5,0 балла. Ш. Хубером предложена следующая система пороговых отсечек для категоризации групп индивидов: «высокорелигиозные» — от 4,0 до 5,0 балла, «религиозные» — от 2,1 до 3,9 балла, «нерелигиозные» — от 1,0 до 2,0 балла.

Исследование религиозности проводилось в четырех приграничных регионах, географически относящихся к зоне азиатского приграничья России: Алтайском крае, Новосибирской области, Республике Алтай, Республике Тыва. Выбор регионов определялся критериями географической близости и одновременно конфессионального разнообразия, которое априори определялось исходя из показателей этнического состава населения. Авторам было важно сравнить регионы с различными религиозными и этнокультурными ландшафтами, репрезентирующими историко-культурную среду обитания конкретных народов, и при этом остаться в рамках одной зоны приграничья, чтобы исключить слишком большое влияние географического фактора. Сбор эмпирических данных проводился в мае — ноябре 2022 г. с помощью онлайн- и офлайн-методов (самостоятельное анкетирование в электронном формате и классические личные интервью,  $n = 400$  в каждом регионе) с контролем социально-демографических параметров генеральной совокупности, охватывающей взрослое население регионов в возрасте от 18 до 70 лет, проживающее на момент опроса в указанных регионах. Инструментарий исследования, помимо рассмотренного выше индекса центральности религиозности, включал блок социально-демографических показателей и широкий спектр вопросов, исследующих показатели ценностных ориентаций и мировоззренческих позиций, религиозной идентификации и практик, оценок этноконфессиональных отношений и духовной безопасности.

### Результаты исследования

Прежде чем обратиться к оценке уровня религиозности населения четырех приграничных регионов, обратим внимание, что не считают себя верующими только треть опрошенных жителей (в совокупности 31%), все прочие относят себя к последователям той или иной религии либо являются носителями размытой религиозной идентичности. В целом население приграничья тяготеет к православию (36%), однако в региональном преломлении выражены существенные дифференциации религиозной мозаики<sup>1</sup>. Так, в Алтайском крае и Новосибирской области схожая религиозная картина с преобладанием православного населения:

.....  
<sup>1</sup> Здесь и далее для оценки значимости региональных различий представленные выводы о достоверности вариаций сделаны на основе проведения процедуры тестирования по критерию хи-квадрат, все выявленные различия достоверны — 2,  $p \leq 0,005$ .

в Алтайском крае 51%, а в области — 37% населения считают себя православными верующими, однако в крае, в отличие от соседнего региона, доля православных составила более половины респондентов, тогда как в Новосибирской области преобладают неверующие (49%). В этнических республиках приграничья доли неверующих меньше, однако в Республике Тыва их доля минимальная — всего 9%, в этом смысле Тыва более отлична от других охваченных исследованием территорий своей традиционностью, погруженностью в духовное пространство жизни. И если в Республике Алтай наряду с православными, которые также составляют большинство (36%), широко представлена так называемая «алтайская вера» (бурханизм) (16%), то в Тыве православных всего 5%, а доминантами в религиозной сфере являются ориентиры шаманизма (52%) либо его сочетание с буддизмом (16%). Следует отметить, что шаманизм присущ глубинной культуре тувинцев, является основой их быта и миропонимания, вместе с тем буддизм, тесно связанный с формированием государственности Тывы, укоренен в тувинском обществе не менее глубоко, а шаманистские боги присутствуют и в буддийском пантеоне. До сих пор основное количество верующих в Тыве являются буддистами и шаманистами одновременно, прибегают к духовной помощи и ламы, и шамана, что сохраняет уже сформированный и сохраняющийся феномен синкретизма шаманизма и буддизма в Тыве.

Довольно хорошими внешними маркерами религиозности населения, а также индикаторами формирования социального образа духовно и религиозно развитой личности являются некоторые виды культового или сопряженного с религиозными взглядами поведения. Так, например, в совокупности почти пятая часть жителей приграничья (19,9%) имеют опыт совершения религиозных паломничеств, путешествий к святым местам в религиозных целях, а еще 15,2% имеют стремление к сакральному путешествию. Больше всего жителей с таким опытом в Республике Тыва — 38,8%, существенно меньше в Республике Алтай — 19,7%, а в Алтайском крае и Новосибирской области — примерно на одном уровне: 14,4% и 13,4% соответственно. Сходным образом распределены и доли жителей, желающих отправиться в паломничество.

При этом только пятая часть жителей не отмечают религиозных праздников, не следуют и тем традициям, которые уже стали частью светской культуры общества (например, Рождество, Пасха и т.п.). Доля тех, кто хорошо знает и всегда следует религиозным традициям празднования, в целом составила 11%, наиболее велика она в Тыве (18,6%) и Республике Алтай (15,3%) (рис. 1).

Разные религии и верования, религиозные представления могут существенно отличаться друг от друга — сложностью религиозных систем и институтов, содержанием, формами обрядности, степенью регламентации жизни верующих, однако всем религиям присуща общность, которая заключается, например, в разделении мира на земной и «небесный» (или же посюсторонний и потусторонний). Однако, помимо этого, основу всякой религии составляет вера — в Бога или богов, божественные сущности, сверхъестественные силы, а также в их участие в «земных», «естественных» процессах, в жизни людей.

Именно эта вера отражается в понятии «религиозность» и выступает мерой центральности, важности или выраженности религиозных смыслов для личности, т.е. является чертой характера. Религиозность маркирует мировоззрение, поведение, образ жизни, опосредует оценки социальных процессов и явлений. Соответственно степень религиозности описывает то, в какой мере индивид усвоил религиозные идеи и нормы, ценности религии.

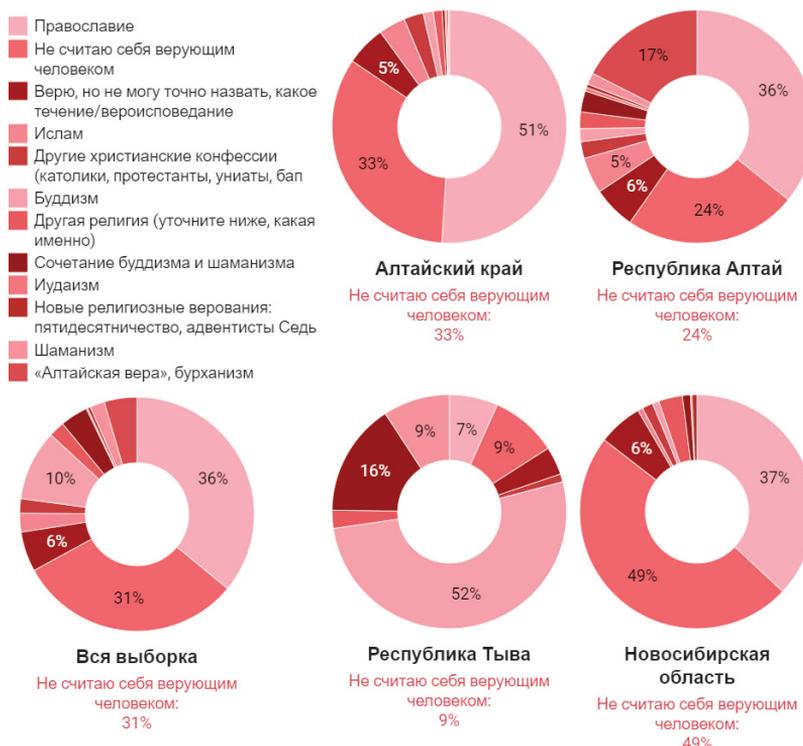


Рисунок 1 — Религиозное самоопределение респондентов, %.

Figure 1 — Respondents' religious auto-identification, %.

На основе суммирования частотных оценок по всем 20 шкалам компонентов и расчета средних значений для всех четырех регионов были рассчитаны значения индекса религиозности населения. В целом по общей выборке регионов индекс религиозности населения составил 2,41 ( $sd = 0,86$ ), что несколько ниже тестовой нормы для Российской Федерации, зафиксированной в исследовании Ш. Хубера (Хубер и Хубер, 2018). Наиболее религиозным является население Республики Тыва, где религиозность выражена на уровне 2,75 балла ( $sd = 0,75$ ), на втором месте — Республика Алтай, где значение индекса составило 2,52 балла ( $sd = 0,87$ ). Значения индекса ниже тестовой нормы зафиксированы в Алтайском крае — 2,36 балла ( $sd = 0,87$ ) и Новосибирской области, где религиозность населения выражена в меньшей степени — на уровне 2,16 балла ( $sd = 0,82$ ) (рис. 2).

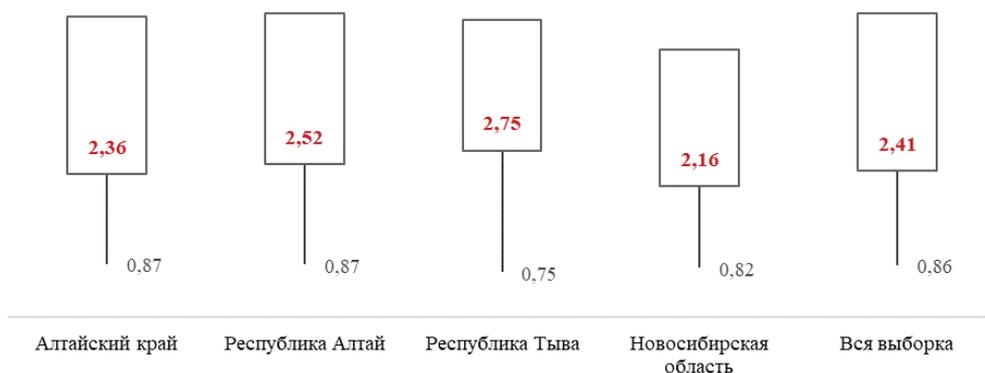


Рисунок 2 — Значения индекса религиозности населения четырех приграничных регионов, средние значения и стандартные отклонения.

Figure 2 — Centrality of Religiosity Scale (CRS) index in four border regions, mean values and standard deviations.

На основе значений индекса выделены группы населения с разной степенью центральности религиозности. В целом по выборке 3,9% всех опрошенных жителей приграничных регионов можно назвать высокорелигиозными людьми. Базируясь на разных подходах, исследователи называют их «воцерковленными», «истово» или «исступленно» верующими. Это те индивиды, для которых религия имеет центральное и определяющее значение в системе личностных конструктов, глубоко интегрирована в личностное «Я», служит основой саморегуляции поведения и ценностного отношения к миру. К нерелигиозным жителям можно отнести в совокупности 38,9% населения четырех регионов, а большинство же (57,2%) являются религиозными людьми, для которых религия и вера в божественное, духовная жизнь имеют определенное, но не самое главное значение.

Выраженность религиозности населения по-разному проявляется во всех охваченных исследованием регионах. Противопоставление наблюдается не только по оси этнических республик — полиэтничных регионов с «русским ядром», традиционно тяготеющим к православию, но представляет собой и более сложное разнообразие.

Так, в Республике Тыва наблюдается самая большая доля религиозного населения (79,6% с учетом высокорелигиозных), однако деятельностное, поведенческое воплощение веры и религиозного мировоззрения носит «ровный» характер и является частью повседневной культуры и быта тувинцев, глубоко «проросшей» в светские практики и во многом уже неотличимой от них. Хотя только пятую часть населения Республики Тыва можно отнести к категории нерелигиозных людей (20,4%), доля высокорелигиозных там ниже, чем, например, в Республике Алтай (4,3% против 6%).

В Республике Алтай самая высокая доля высокорелигиозного населения — 6%, что может быть связано с возрождением и усилением этнического самосознания коренных жителей республики, происходящими в последние годы. Высока в данном регионе и доля религиозного населения — более половины населения республики (54,9%), однако почти треть (32,5%) отнесены к категории нерелигиозных.

В Алтайском крае несколько ниже доля высокорелигиозного населения — 3,3%, однако существенно выше доля нерелигиозных — 41,8%, а чуть более половины (54,9%) можно назвать религиозными людьми. Новосибирская область, по сравнению с этническими республиками и даже Алтайским краем, занимает оппозиционное положение с преимущественно нерелигиозным населением, к которому относятся 52,9% жителей, принявших участие в исследовании, доля высокорелигиозных здесь составила всего 2,4%, религиозных — 44,7%.

Вместе с тем мы увидели, что религиозное мировоззрение, духовность в целом имеют большое значение в жизни населения российских регионов, что, несомненно, требует более внимательного и глубокого изучения.

В целом по выборке полученный индекс центральности религиозности соответствует тестовой норме, апробированной разработчиками на материалах Российской Федерации ( $\Delta = -0,04$ ), ниже тестовой нормы значения Новосибирской области ( $\Delta = -0,29$ ) и Алтайского края ( $\Delta = -0,09$ ), выше — в Республике Алтай ( $\Delta = 0,07$ ) и Тыве ( $\Delta = 0,3$ ). Таким образом, использованная методика показала свою надежность и воспроизводимость результатов (рис. 3).

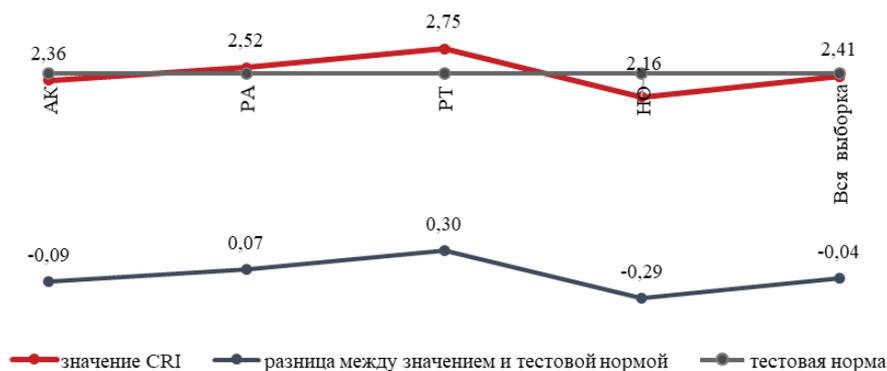


Рисунок 3 — Разница между тестовой нормой для России (Хуберт, Хуберт 2018) и рассчитанными значениями индекса центральности религиозности в приграничных регионах России.

Figure 3 — Difference between the test norm for Russia (Hubert, Hubert 2018) and the calculated values of the religiosity centrality index in the border regions of Russia.

Психометрические характеристики показали хорошие результаты на выборке каждого из четырех регионов. Корреляции между пятью основными измере-

ниями религиозности варьировали от 0,515 для PRPC3/IdC2<sup>1</sup> в Республике Алтай до 0,797 для ROC5/LRPC4 в Алтайском крае, ни один коэффициент не превышает соответствующего коэффициента корреляции с общим баллом,  $\Delta \max = 0,18$  для ROC5/PRPC3 для Республики Тыва (корреляции религиозного опыта с публичными религиозными практиками). Полученные результаты согласуются с предшествующими выводами о том, что религиозное учение и личные установки индивида не обязательно обуславливают высокий уровень публичной декларации религиозности, с одной стороны, а с другой стороны, могут быть отражением особого переплетения религиозной и светской культур в повседневности.

Результаты факторного анализа позволили<sup>2</sup> протестировать гипотезу о том, что взаимосвязи между отдельными шкалами соответствуют единому фактору «индекса центральности религиозности». Во всех четырех регионах была получена сходная факторная структура — везде выделен только один значимый фактор, все шкалы имели высокие положительные нагрузки ( $\lambda > 0,7$ ), максимальную нагрузку во всех регионах имело измерение личных религиозных практик (табл.). Общий фактор «центральности религиозности» описывал от 69,5% (в Новосибирской области) до 72–73% (в Алтайском крае и Республике Алтай) дисперсии переменных, включенных в факторный анализ. Анализ остаточных корреляций показал, что все корреляции компонентов индекса хорошо воспроизводились факторной моделью, большинство остатков находились в пределах от 0 до 0,05, максимальное значение не превышало 0,13 (IdC2/ PRPC3, Алтайский край).

Факторные веса в структуре шкал центральности религиозности (полужирным выделены компоненты с самой высокой нагрузкой)

Factor weights in the structure of religiosity centrality scales (components with the highest loadings are marked in bold)

	AK	PA	PT	HO
IC1	0,858	0,862	0,858	0,753
IdC2	0,845	0,845	0,803	0,881
PRPC3	0,812	0,779	0,799	0,798
LRPC4	<b>0,911</b>	<b>0,897</b>	<b>0,880</b>	<b>0,879</b>
ROC5	0,896	0,879	0,848	0,851

## Дискуссия и заключение

Полученные данные позволили не только в целом оценить уровень религиозности населения приграничных регионов России, но и подробно исследовать

<sup>1</sup> Здесь и далее в таблицах использованы аббревиатуры: IC1 — интеллектуальный компонент религиозности, IdC2 — идеологический компонент религиозности, PRPC3 — компонент публичных религиозных практик, LRPC4 — компонент личных религиозных практик, ROC5 — компонент религиозного опыта, RCI — индекс центральности религиозности.

<sup>2</sup> Значения меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) — [0,8; 0,9] и теста сферичности Бартлетта ( $p < 0,0001$ ) свидетельствуют о высокой адекватности факторного анализа к эмпирическим данным.

отдельные измерения религиозности и взаимосвязи между ними с учетом региональной специфики. Наибольшая доля религиозного населения проживает в Республике Тыва — одном из традиционных буддийских регионов России с многовековой историей, в которой религия тесным образом переплетена с кочевым образом жизни и повседневной культурой, а высокорелигиозного (со средними значениями по объединенной шкале более 4 баллов) — в Республике Алтай, занимающей особое положение в цивилизационном культурном пространстве Евразии как центр мировых религий и традиционных верований. Меньше всего высокорелигиозных жителей охвачено в Алтайском крае, в Новосибирской области выше доля нерелигиозного населения, что позиционирует их как регионы, в которых религиозность населения принимает чаще всего «размытые», тесно связанные с секулярной культурой формы.

Средние значения интеллектуального компонента по всей выборке для четырех регионов российского приграничья составили 2,57 балла, идеологического компонента — 3,01 балла. Наиболее информированными в духовных вопросах можно назвать жителей Республики Тыва, для которых выраженность этого компонента была оценена в 2,83 балла, на второй позиции по выраженности — представители Республики Алтай, третьей — Новосибирской области, наименее выраженным данный компонент был в Алтайском крае (2,41 балла). По идеологическому компоненту распределение было сходным: в Республике Тыва значения также оказались самыми высокими — 3,33 балла, немногим менее выраженным этот компонент был в Республике Алтай, тогда как в Алтайском крае и Новосибирской области его выраженность находилась на среднем уровне. В идеологическом смысле население Новосибирской области в большей степени не относится к группе религиозных жителей страны — 43,3% из жителей этого региона, согласно критериям Ш. Хубера, следует отнести к нерелигиозной части населения, тогда как примерно около трети новосибирцев являются религиозными либо высокорелигиозными в идеологическом отношении людьми.

По сравнению с двумя первыми компонентами религиозности, средние оценки выраженности публичных религиозных практик более низки, что, возможно, и отражает реальную действительность: с одной стороны, далеко не все религиозные предписания требуют публичности религиозной жизни, опираясь на совершение таинств, медитацию, духовность и праведную (у буддистов — правильную) жизнь, с другой стороны, в секулярном обществе приоритет получают социальные ритуалы — важность принадлежности к религиозной общине в целом в четырех регионах выражена на уровне 2,07 балла, значимость участия в религиозных службах — 2,12 балла, частота участия в них — на низком уровне в 1,98 балла. По критерию публичных религиозных практик население всех четырех сибирских регионов сложно назвать религиозным: только 5,4% всех опрошенных имеют высокие показатели религиозности по данному компоненту, 63,7% участников исследования можно отнести к группе нерелигиозных и только чуть менее трети — 30,9% — к религиозной части населения. Хотя, конечно же, такой вывод весьма условен, так как публичная демонстрация веры

(пусть и в рамках ритуальных действий) в меньшей степени входит в состав элементов религиозных культов, определяющих соответствие верующего религиозным канонам. Распределение групп населения, дифференцированных по выраженности публичных религиозных практик, в Алтайском крае и Республике Алтай схоже: треть религиозного населения и более 60% нерелигиозного, хотя доля высокорелигиозного населения в Республике Алтай в полтора раза выше, чем в Алтайском крае (7% против 4,5%). Республика Тыва и Новосибирская область в этом смысле являются зеркальным отражением друг друга: в области абсолютно преобладает нерелигиозная часть населения — 80,4%, а в республике — религиозная (63,8%).

В отличие от публичных религиозных действий, личные религиозные практики в целом выражены на среднем уровне 2,53 балла, в Республике Тыва ожидаемо зафиксирована максимальная выраженность, на второй позиции Республика Алтай, на третьей — Алтайский край, а наименьшие средние значения — в Новосибирской области. И по данному компоненту Тыва продолжает демонстрировать большую значимость религиозности и религиозных практик в духовной жизни своих жителей, а Новосибирская область — ориентиры светских жителей секулярного государства, Республика Алтай и Алтайский край демонстрируют срединное положение, тяготея, первая — к позиции Республики Тыва, а вторая — к ориентирам и ценностям населения Новосибирской области. В рамках общего распределения для всех четырех регионов по компоненту личных религиозных практик лишь 8,2% жителей приграничья демонстрируют высокорелигиозную модель личной жизни, тогда как более половины можно отнести к категории религиозных и более трети — нерелигиозных в частной жизни индивидов.

Религиозный опыт в большей степени субъективен, однако выраженность религиозного опыта населения Сибири довольно высока: более всего выражен в Республике Алтай, менее — в Новосибирской области. Стремление к единению с миром наиболее ярко проявилось в Республике Тыва, менее — Новосибирской области, направление жизни божественной волей — в Тыве, а менее всего — в Новосибирской области, частота прикосновения божественной силы максимальна в Тыве и Алтайском крае, присутствие Бога более часто ощущается жителями Тывы и Республики Алтай, реже — Новосибирской области. По итогам группировки значений индекса религиозного опыта как структурного элемента религиозности личности наибольшая доля религиозных людей зафиксирована в Республике Алтай (7,9%) и в Алтайском крае (6,9%), а наименьшая — в Новосибирской области (3,3%). Для общей выборки это значение составило 5,9%, во всех четырех территориях доля религиозных людей практически равна доле нерелигиозной части населения (45% и 49,4% соответственно). Распределение населения по значению средней выраженности религиозного опыта в трех регионах, за исключением Новосибирской области, схоже — практически равные доли религиозного и нерелигиозного населения (с незначительным превышением нерелигиозных жителей в Алтайском крае, а религиозных — в Тыве), в области же существенно доминирует нерелигиозное население (60,8%).

В целом по общей выборке регионов индекс религиозности населения составил 2,41. На основе группировки значения индекса выделены группы населения с разной выраженностью центральности религиозности. В целом по выборке 3,9% всех опрошенных жителей приграничных регионов можно назвать высокорелигиозными людьми. Выраженность религиозности населения по-разному проявляется во всех охваченных исследованием регионах. Таким образом, религиозное мировоззрение, духовность в целом имеют большое значение в жизни населения российских регионов, что, несомненно, требует более внимательного и глубокого изучения.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Богачёв М. И. К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2016. № 18. С. 9–26.
- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. № 4. С. 128–151.
- Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 77–87.
- Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 3. С. 57–67.
- Задорин И. В., Хомякова А. П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах // Полития. 2019. № 3. С. 161–184.
- Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. Москва : МГИМО-Университет, 2014. 278 с.
- Лебедев С. Д. Социологическое измерение религиозности: к типологии основных подходов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всероссийского социологического конгресса. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 4962–4979.
- Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М. : Научная книга, 2005. 447 с.
- Орешина Д. А. «Партнерский приход»: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской православной церкви // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 5. С. 99–120.
- Орешина Д. А. Изучение приходских общин в социологии: контексты исследования и основные подходы к концептуализации // Социология: 4М. 2014. № 39. С. 99–126.
- Подлесная М. А. Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 93–105.

Подлесная М. А., Мельникова В. В. Религиозная община в жизни инвалидов // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 145–151.

Пруцкова Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3. С. 62–80.

Руткевич Е. Д. От «Религиозности» к «Духовности»: Европейский контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 1. С. 5–25.

Синелина Ю. Ю. Циклы секуляризации в истории России. Социологический анализ: конец XVII — начало XXI века. Saarbrücken: LAP Lambert Academia Publishing, 2011. 382 с.

Тейлор Ч. Секулярный век. Москва : ББИ, 2017. 967 с.

Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 35–45.

Фолкнер Д., Де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69–76.

Хлопкова О. В. Трансформация подходов к исследованию религиозности в социальных науках // Человек. Социум. Общество. 2020. № 2. С. 122–130.

Хубер Ш., Хубер О. Шкала центральности религиозности (CRS) // Социология: 4М. 2018. № 47. С. 144–171.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 304 с.

Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 254–268.

Allport G. W., Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5, No. 4. P. 432–443.

Berger P. L. Modern identity: Crisis and continuity // W. S. Dillon (Ed.), The cultural drama: Modern identities and social ferment. Washington, DC : Smithsonian Institution Press, 1974. P. 158–181.

Bullard G. The World's Newest Major Religion: No Religion // The New York Times. April, 22. 2016. URL: <http://news.nationalgeographic.com/2016/04/160422-atheism-agnostic-secular-nones-rising-religion.html> (Accessed 1 October 2023).

Davie G. Is Europe an Exceptional Case? // The Hedgehog Review. 2006. P. 23–34.

Davie G. New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective // Social Compass. 2004. No. 53. P. 73–84.

Glock C. Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education. 1962. Vol. 57. No. 4. P. 98–110.

- Glock C. Y. *Religion in Sociological Perspective: Essays in the Empirical Study of Religion*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Co., 1973. 315 p.
- Glock C. Y. On the Study of Religious Commitment // *Religious Education, Research Supplement*. 1962. No. 42. P. 99–100.
- Glock Ch., Stark R. *The Nature of Religious Commitment*. Berkley, 1968. 230 p.
- Hill P. C., Hood R. W. *Measures of religiosity*. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999. 531 p.
- Hilty D. M., Morgan R. L. Construct validation for the Religious Involvement Inventory: Replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1985. Vol. 24, No. 1. P. 75–86.
- Holt C. L., Clark E. M., Wang M. Q., Williams B. R., Schulz E. The Religion-Health Connection Among African Americans: What Is the Role of Social Capital? // *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2014. No. 25. P. 1–18.
- Homans G. C. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. 404 p.
- Huber S., Ackert M., Scheiblich H. Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale // *Cultura & psyche*. 2020. Vol. 1, No. 1–2. P. 171–185. Springer Nature Switzerland 10.1007/s43638-020-00007-3.
- Joshanloo M., Daemi F. Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran // *International Journal of Psychology*. 2015. Vol. 50, No. 2. P. 115–120.
- King M. B., Hunt R. A. Measuring the Religious Variable: Replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972. Vol. 11, No. 3. P. 240–251.
- Lenski G. *The Religious Factor: A Sociological Study of Religion's Impact on Politics, Economics, And Family Life*. Garden City, N. Y. : Doubleday, 1961. 381 p.
- Machado D. L., Turner B. S., Trygve E. W. *Borderland Religion: Ambiguous practices of difference, hope and beyond*. Routledge, 2018. 188 p.
- Stark R., Glock C. Y. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Los Angeles, CA : Berkeley Univ. Press, 1968, 230 p.
- Stryker S. *Symbolic Interactionism: A Social Structural Version*. Menlo Park, CA : Benjamin/Cummings, 1980, 161 p.
- Voas D., Day A. Recognizing Secular Christians: Toward and Unexcluded Middle in the Study of Religion // *The Arda Association of Religion Data Archives Guiding Paper Series*. 2010. No. 1–20. P. 115–120.
- Wimberley D. W. Religion and Role-Identity: A Structural Symbolic Interactionist Conceptualization of Religiosity // *The Sociological Quarterly*. 1989. Vol. 30, No. 1. P. 125–142.

## REFERENCES

- Bogachev, M. I. (2016). On the formation of an integral approach to the conceptualization of religiosity. *The Light of Christ Enlightens All: Almanac of St. Philaret's Orthodox*

*Christian Institute*, 18, 9–26. (In Russ.).

Borisova, O. N., Pavlyutkin I. B. (2019). Variability of models of modern urban polygyny: revival of tradition, new marriages or network effects? *Mir Rossii*, 4, 128–151. (In Russ.).

Breskaya, O. Yu. (2011). Studying religiosity: to the need for an integral approach. *Sociological Studies*, 12, 77–87. (In Russ.).

Zabaev, I. V., Prutskova, E. V. (2012). Community of the Orthodox church: spatial localization and factors of formation (on the example of Moscow). *Vestnik PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 3, 57–67. (In Russ.).

Zadorin, I. V., Khomyakova, A. P. (2019). Religious self-identification of respondents in mass surveys. *Politiya*, 3, 161–184. (In Russ.).

Kargina, I. G. (2014). *Sociological reflexions of modern religious pluralism*. Moscow : MGIMO-University. (In Russ.).

Lebedev, S. D. (2020). Sociological dimension of religiosity: to the typology of the main approaches. In: *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress* (pp. 4962–4979). Tyumen : Rossijskoe obshchestvo sociologov. (In Russ.) DOI 10.19181/kongress.2020.584.

Mchedlov, M. P. (2005). *Religious studies essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia*. Moscow: Nauchnaya Kniga. (In Russ.).

Oreshina, D. A. (2016). “Partner parish”: cooperation of clergy and laity as a factor in the development of social activity in modern parishes of the Russian Orthodox Church. *Vestnik PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 5, 99–120. (In Russ.).

Oreshina, D. A. (2014). Studying parish communities in sociology: research contexts and main approaches to conceptualization. *Sociology: 4M*, 39, 99–126. (In Russ.).

Podlesnaya, M. A. (2014). Features of network and niche approaches in the study of the Orthodox parish in Russia and abroad. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11, 93–105. (In Russ.).

Podlesnaya, M. A., Melnikova, V. V. (2015). Religious community in the life of the disabled. *Sociological studies*, 10, 145–151. (In Russ.).

Prutskova, E. V. (2015). Relation of religiosity and value-normative indicators: a factor of religious socialization. *Bulletin of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University. Series I: Theology. Philosophy*, 3, 62–80. (In Russ.).

Rutkevich, E. D. (2014). From “Religiosity” to “Spirituality”: European context. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 1, 5–25. (In Russ.).

Sinelina, Yu. Yu. (2017). *Cycles of secularization in the history of Russia. Sociological analysis: the end of XVII — the beginning of XXI century*. Saarbrücken: LAP Lambert Academia Publishing. (In Russ.).

Taylor, C. (2017). *Secular Age*. Moscow : BBI. (In Russ.).

Filatov, S. B., Lunkin, R. N. (2005). Statistics of Russian religiosity: magic numbers and ambiguous reality. *Sociological Studies*, 4, 35–45. (In Russ.).

- Faulkner, D., De Jong, G. (2011). Religiosity in five dimensions: an empirical analysis. *Sociological Research*, 12, 69–76. (In Russ.).
- Khlopkova, O. V. (2020). Transformation of approaches to the study of religiosity in social sciences. *Man. Sotsium. Society*, 2, 122–130. (In Russ.).
- Huber, S., Huber, O. (2018). Religiosity Centrality Scale (CRS) / Translated from English by E. V. Prutskova, K. V. Markin. *Sociology: 4M*, 47, 144–171. (In Russ.).
- Chesnokova, V. F. (2005). *Tight path: The Process of Russian Population's Voterization at the End of the 20th Century*. Moscow : Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
- Hervieux-Leger, D. (2015). In Search of Certainty: Paradoxes of Religiosity in Developed Modern Societies. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 1, 254–268. (In Russ.).
- Allport, G. W., Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432–443.
- Berger, P. L. (1974). Modern identity: Crisis and continuity. In: W. S. Dillon (Ed.), *The cultural drama: Modern identities and social ferment* (pp. 158–181). Washington, DC : Smithsonian Institution Press.
- Bullard, G. (2016). The World's Newest Major Religion: No Religion. *The New York Times*. April, 22. URL: <http://news.nationalgeographic.com/2016/04/160422-atheism-agnostic-secular-nones-rising-religion.html>.
- Davie, G. (2006). Is Europe an Exceptional Case? *The Hedgehog Review*, Spring & Summer, 23–34.
- Davie, G. (2004). New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective. *Social Compass*, 53, 73–84.
- Glock, C. Y. (1962). On the Study of Religious Commitment. *Religious Education*, 57(4), 98–110.
- Glock, C. Y. (1973). *Religion in Sociological Perspective: Essays in the Empirical Study of Religion*. Belmont, CA : Wadsworth Publishing Co.
- Glock, C. Y. (1962). On the Study of Religious Commitment. *Religious Education, Research Supplement*, 42, 99–100.
- Glock, Ch., Stark, R. (1968). *The Nature of Religious Commitment*. Berkley.
- Hill, P. C., Hood, R. W. (1999). *Measures of religiosity*. Birmingham, Alabama : Religious Education Press.
- Hilty, D. M., Morgan, R. L. (1985). Construct validation for the Religious Involvement Inventory: Replication. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 24(1), 75–86.
- Holt, C. L., Clark, E. M., Wang, M. Q., Williams B. R., Schulz E. (2014). The Religion-Health Connection Among African Americans: What Is the Role of Social Capital? *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 25, 1–18.
- Homans, G. C. (1974). *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York : Harcourt Brace Jovanovich.
- Huber, S., Ackert, M., Scheiblich, H. (2020). Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. *Cultura & psy-*

*ché*, 1(1–2), 171–185. Springer Nature Switzerland 10.1007/s43638-020-00007-3.

Joshanloo, M., Daemi, F. (2015). Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran. *International Journal of Psychology*, 50(2), 115–120.

King, M. B., Hunt, R. A. (1972). Measuring the Religious Variable: Replication. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 11(3), 240–251.

Lenski, G. (1961). *The Religious Factor: A Sociological Study of Religion's Impact on Politics, Economics, And Family Life*. Garden City, N.Y. : Doubleday.

Machado, D. L., Turner, B. S., Trygve, E. W. (2018). *Borderland Religion: Ambiguous practices of difference, hope and beyond*. Routledge.

Stark, R., Glock, C. Y. (1968). *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Los Angeles, CA: Berkeley Univ. Press.

Stryker, S. (1980). *Symbolic Interactionism: A Social Structural Version*. Menlo Park, CA: Benjamin/Cummings.

Voas, D., Day, A. (2010). Recognizing Secular Christians: Toward and Unexcluded Middle in the Study of Religion. *The Arda Association of Religion Data Archives Guiding Paper Series*, 1–20, 115–120.

Wimberley, D.W. (1989). Religion and Role-Identity: A Structural Symbolic Interactionist Conceptualization of Religiosity. *The Sociological Quarterly*, 30(1), 125–142.

#### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, head. Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia

Оксана Евгеньевна Ноянзина — канд. социол. наук, Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации, Москва, Россия.

Oksana E. Noyanzina — Cand. Sci. (Sociology), Main information and computing center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Дарья Алексеевна Омельченко — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Daria A. Omelchenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023;  
одобрена после рецензирования 18.11.2023;  
принята к публикации 18.11.2023.

The article was submitted 25.10.2023;  
approved after reviewing 18.11.2023;  
accepted for publication 18.11.2023.

---

# ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

---

## STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

---

Научная статья / Research Article

УДК 316.74

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-04

### Ценностные основания формирования и укрепления общероссийской идентичности в представлениях юношества

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов<sup>1</sup>

Гузелия Рауфовна Асадуллина<sup>2</sup>

Эвеллина Винеровна Садретдинова<sup>3</sup>

---

<sup>1-3</sup>Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

<sup>1</sup>rafaelbadretdinovich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>

<sup>2</sup>asadullina-guzeliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0137-7219>

<sup>3</sup>golichev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1665-5370>

**Аннотация.** В статье представлены некоторые результаты авторских социологических исследований по проблемам определения ценностных оснований формирования и укрепления общероссийской идентичности в представлениях юношества, проведенных в рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в 2020, 2021 и 2022 гг. В фокусе внимания данной работы — анализ аксиологических оснований общенациональной идеи как основы общероссийской идентичности в оценках молодежи 16–21 года. Обосновано, что в представлениях юношества об общенациональных целях отражаются как интересы, связанные непосредственно с жизнедеятельностью самих молодых людей (образование, условия жизни и пр.), так и общенациональные интересы (экология, здоровье, искоренение коррупции, дружба народов страны и т.д.). Выявлено, что большинство представителей юношества независимо от пола и возраста, места (город/село) и региона проживания осознают необходимость

существования общенародных идей, интегрирующих россиян, а также в целом позитивно оценивают возможность социальной интеграции. Проанализированы ведущие идеи-интеграторы, среди которых — терминальные ценности: здоровье, достойная, комфортная жизнь, а также ценности, символизирующие важнейшие социальные проблемы российского общества: имущественное расслоение и неравенство, бедность, образование, коррупция. Охарактеризованы гендерные и региональные различия в оценках юношеством значимости интегрирующих ценностей для укрепления общероссийской идентичности. Осуществлено оценивание интегративного потенциала молодежи. Выявлены особенности отношения молодых людей к транслируемым государством общенациональным целям, а также перспективы и степень социальной субъектности юношества в контексте решения задач социальной интеграции.

**Ключевые слова:** молодежь, юношество, общероссийская идентичность, общенациональные идеи, ценности-интеграторы, ценности-дезинтеграторы, интегративный потенциал юношества, социальные вызовы и возможности.

**Финансирование:** исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020) (рук. акад. РАН В.А. Тишков) по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. проф. Р.Б. Шайхисламов).

**Для цитирования:** Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Ценностные основания формирования и укрепления общероссийской идентичности в представлениях юношества // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 61–80. doi: 10.14258/ssi(2023)4-04.

## Value Bases of Formation and Strengthening of the All-Russian Identity in the Perceptions of Young People

Rafael B. Shaikhislamov<sup>1</sup>

Guzelia R. Asadullina<sup>2</sup>

Evellina V. Sadretdinova<sup>3</sup>

---

<sup>1-3</sup>Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

<sup>1</sup>rafaelbadretdinovich@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>

<sup>2</sup>asadullina-guzeliya@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0002-0137-7219>

<sup>3</sup>golichev@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0003-1665-5370>

**Abstract.** The article presents some results of the author's sociological research on the problems of determining the value bases for the formation and strengthening of the all-Russian identity in the perceptions of young people, conducted within the framework of the project "Youth in Interethnic Communications: Intolerance, Tolerance, Dialogue" in 2020, 2021 and 2022. The focus of this paper is the analysis of the axiological foundations of the national idea as the basis of all-Russian identity in the assessments of young people aged 16-21. It has been substantiat-

ed that young people's ideas about national goals reflect both interests directly related to the life of young people themselves (education, living conditions, etc.) and national interests (ecology, health, eradication of corruption, friendship of the country's peoples, etc.). It was revealed that the majority of young people, regardless of gender and age, place (urban/rural) and region of residence, realize the need for the existence of national ideas that integrate Russians, and in general positively assess the possibility of social integration. The leading ideas-integrators were analyzed, including terminal values: health, decent and comfortable life, as well as values symbolizing the most important social problems of Russian society: property stratification and inequality, poverty, education, corruption. Gender and regional differences in young people's assessments of the importance of integrative values for strengthening the all-Russian identity were characterized. The integrative potential of young people was assessed. The article reveals the peculiarities of young people's attitude to the national goals broadcast by the state, as well as the prospects and the degree of social subjectivity of young people in the context of solving the problems of social integration.

**Keywords:** youth, youth, all-Russian identity, national ideas, values-integrators, values-disintegrators, integrative potential of young people social challenges and opportunities

**Financial Support:** the research was carried out within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity" (Instruction of the President of the Russian Federation No. PR-71 dated 16.01.2020) (hands of the Academy. RAS V.A. Tishkov) on the project "Youth in interethnic communications: tolerance, tolerance, dialogue" (by Prof. R.B. Shaikhislamov).

**For citation:** Shaikhislamov, R.B., Asadullina, G.R., Sadretdinova, E.V. (2023). Value Bases of Formation and Strengthening of the All-Russian Identity in the Perceptions of Young People. *Society and Security Insights*, 6(4), 61–80. (In Russ.) doi: 10.14258/ssi(2023)4-04.

## Введение

Решение задач укрепления общероссийской идентичности побуждает обращаться к поиску символических оснований общенациональной идеи — основы общероссийской идентичности.

Общенациональная идея должна отвечать на ряд вопросов: что представляет собой Россия сегодня; каков потенциал ее развития; каковы движущие силы достижения цели развития; каким представляется ее реальное воплощение.

Вопрос о содержании общенациональной идеи является одним из самых сложных и дискуссионных в практике любого государства. Представители правящей политической элиты вслед за Президентом Российской Федерации предлагают раскрывать ее через ценности патриотизма. «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея», — отметил В. В. Путин в 2013 г.

В последние десятилетия ряд авторов (Дробижева, 2003, 2020, 2021; Мнацканян, 2008; Паин, 2004; Тишков, 2021 и др.) анализируют особенности формирования общероссийской идентичности как в контексте преодоления идентификационного вакуума, так и в контексте решения задач обеспечения социальной стабильности многонационального, поликультурного федеративного государства.

При этом подчеркивается, что в структуре общероссийской идентичности содержатся объективные (предписанные как формально — государством и правом, так и неформально — доминирующими культурными и социальными стандартами и нормами) и субъективные (относительно произвольно конструируемые индивидом) составляющие, по-разному проявляющиеся в условиях социальной стабильности/нестабильности. Анализ ценностных оснований конструирования идентичности представлен М. Р. Деметрадзе (2012).

Базисом общероссийской идентичности некоторые исследователи (Гришина, 2003) называют идентификацию с обществом, государством и страной. Гражданство ассоциируется с государством, гражданственность — с Родиной, Отечеством и патриотизмом. При этом российская идентичность динамична, зависит от политических и социально-экономических условий в стране и регионах, отражает актуальные общественные настроения. Наибольший вклад в смысловое содержание общероссийской идентичности вносят представления об общем государстве, русском языке, родной земле, территории, меньше — об историческом прошлом, культуре и ответственности за судьбу страны (Дробижева, Рыжова, 2021).

Вопросы формирования и устойчивости общероссийской идентичности молодежи рассматриваются В. А. Авксентьевым, Б. В. Аксюмовым (2022); Е. А. Авдеевым, С. М. Воробьевым (2023).

Вместе с тем, несмотря на то что российская идентичность — уже реальность, которая может усиливаться со временем по мере укрепления доверия к действиям властей, представляется, однако, что «общероссийская государственная идентичность — это еще не гражданская идентичность. Когда интересы и права граждан, независимо от национальности, защищены государством, а институты гражданского общества ведут диалог с государством от имени конкретных групп, сообществ, тогда только можно надеяться на гибкую и прочную общероссийскую консолидацию, соответствующую реалиям современного общества» (Дробижева, 2003).

Иначе говоря, определенная размытость и неоднозначность категории «патриотизм» в общественном мнении и публичном пространстве порождает осознание того, что навязанная «сверху» властями общенациональная идея не может быть успешной, она должна отражать ценности и устремления самого русского народа. В фокусе нашего внимания в данной работе — оценки и мнения юношества в силу его роли в будущем.

## Методы исследования

Эмпирической базой анализа при подготовке статьи послужили данные, полученные авторским коллективом:

1. Социологический опрос по проблемам формирования идентичности молодежи Башкортостана «Мои представления о себе и других» методом интернет-анкетирования в 2020 г. среди молодежи 16–30 лет. Выборка районированная (по регионам, типам поселений, возрастным группам молодежи) с последующим случайным отбором. Погрешность выборки не превышает 3%. В соответствии

- с целью и задачами данной работы использованы результаты обследования младших возрастных групп молодежи — 16–18 лет и 19–21 года.
2. Социологический опрос по проблемам формирования общероссийской идентичности молодежи «О России и россиянах» методом интернет-анкетирования. Опрос проведен осенью 2021 г. в семи регионах страны: Алтайский край, Белгородская область, республики Алтай, Башкортостан, Татарстан, Тюменская область, ХМАО + ЯНАО. Общее количество респондентов — 4100 в возрасте 16–30 лет. В данной работе в контексте заявленной темы в основном использованы результаты обследования младших возрастных групп молодежи (16–18 лет и 19–21 года) по пяти регионам страны: Алтайский край, Белгородская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область. Выборка районированная (по регионам, типам поселений, возрастным группам молодежи) с последующим случайным отбором. Погрешность выборки не превышает 3%.
  3. Социологический опрос «Молодежь: новые вызовы, новые возможности» методом интернет-анкетирования. Опрос проведен в октябре — ноябре 2022 г. среди молодежи 16–21 года в пяти регионах страны: Алтайский край, Белгородская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область. Общее количество респондентов — 3194 человека. Выборка районированная (по регионам, типам поселений, возрастным группам молодежи) с последующим случайным отбором. Погрешность выборки не превышает 3%.

### Результаты исследования

Реальная, деятельная российская идентичность основана на установках социальной солидарности, совместных действий во имя достижения общенациональных целей. В представлениях молодежи о таких целях отражаются как интересы, связанные непосредственно с их жизнедеятельностью (образование, условия жизни, научные и технологические прорывы), так и общенациональные интересы (экология, здоровье, искоренение коррупции, дружба народов страны, уважительное отношение других стран к России, демократические свободы и т.п.).

Эти цели могут быть общенациональными, если они, во-первых, обладают объединительным потенциалом; во-вторых, сами интегрированы в единое целое, в понятную для всех миссию; в-третьих, приобретают форму меседжа в коммуникативном пространстве страны.

В ходе исследования 2021 г. респондентам было предложено ответить на вопрос о необходимости общенациональных идей, общенародной мечты, ради воплощения которых в жизнь могут объединиться россияне. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Как видим, абсолютное большинство опрошенных представителей юношества осознают необходимость существования общенародных идей, интегрирующих россиян. Разброс оценок принятия не слишком значительный, составляет среди 16–18-летних от 76,2% по Республике Татарстан до 80,1% по Белгородской области; среди 19–21-летних — от 74,6% по Белгородской области до 79,5% по Республике Татарстан. О невозможности и/или не востребоваемости общенациональных идей

заявили от 4,0% до 12,3% информантов. При этом, во-первых, чаще скептическое отношение демонстрирует молодежь более старшего возраста (19–21 года), что может свидетельствовать о формировании у представителей данной возрастной когорты российской идентичности по типу индифферентной гиподентичности. Для юношества Белгородской области характерны также наиболее высокие показатели признания невозможности формирования общенародных идей, что свидетельствует о гетерогенности юношества именно этого региона. Средний показатель затрудняющихся с ответом на данный вопрос по всем обследуемым регионам составил 14,5%. Иными словами, на момент опроса примерно каждый 6–7-й информант в целом по выборке не имел однозначного мнения. Это может быть обусловлено, во-первых, сомнениями в необходимости подобных идей в силу индивидуализма установок современного юношества, когда «каждый — сам за себя». Во-вторых, разнородность и поляризация социума, наличие многообразных социально-экономических, социально-политических, социокультурных проблем способны порождать неуверенность в возможности социальной интеграции.

Таблица 1.

Table 1.

Должны ли быть общенациональные идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых в жизнь россияне могут объединиться? (по регионам, %, 2021)

Should there be a national idea, a national dream, for the realization of which Russians can unite? (by region, in %, 2021)

	Алтайский край		Белгородская область		Республика Башкортостан		Республика Татарстан		Тюменская область	
	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год
Да, вполне	31,4	29,4	41,0	34,4	41,4	38,1	42,9	45,1	35,8	34,1
Да, возможно	48,3	48,1	39,1	40,2	36,9	40,2	33,3	34,4	41,0	40,9
Скорее всего, нет	3,2	5,0	10,9	8,2	5,4	5,4	3,2	6,4	4,0	4,1
Однозначно нет	1,2	1,6	1,3	4,1	2,1	4,6	0,8	2,4	1,3	3,2
Затрудняюсь ответить	15,8	15,9	7,7	13,1	14,3	11,7	19,7	11,7	17,8	17,8

Однако, поскольку большинство молодых людей независимо от типа и направленности этнической идентификации, места (город/село) и региона проживания в целом позитивно оценивают возможность социальной интеграции, в ходе опросов 2021, а затем и 2022 г. было предложено определить спектр возможных идей (целей), которые могут быть общими для большинства россиян. Результаты оценивания представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Table 2.

Общенациональные идеи, объединяющие россиян, % (2021, 2022)<sup>1</sup>

## Nationwide ideas uniting Russians, % (2021, 2022)

Вариант ответа	2021 г.		2022 г.	
	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год
Страна здорового народа	57,8	56,9	46,6	41,1
Страна без бедности	67,9	69,0	58,1	55,4
Спортивная держава	34,0	31,5	26,4	21,6
Образованная страна	61,6	62,1	55,8	52,0
Страна талантов	36,8	34,4	33,7	28,1
Страна научных открытий и разработок	42,3	45,0	40,3	38,3
Страна высокой культуры и духовности	–	–	34,3	30,6
Страна высокой культуры	37,6	37,5	–	–
Страна духовности	21,7	20,5	–	–
Страна свобод человека	–	–	43,1	44,1
Страна комфортной жизни	53,1	55,2	44,8	45,2
Страна с чистой окружающей средой	57,2	54,6	36,8	34,8
Страна равенства всех без исключения перед законом	–	–	24,4	26,9
Демократическая страна	–	–	22,5	23,7
Страна доброжелательных/добрых людей	34,8	31,0	32,1	29,2
Страна без коррупции	47,2	52,7	37,4	41,2
Страна с сильной и авторитетной властью	–	–	14,0	10,9
Великая военная держава	18,7	18,7	26,6	21,1
Великая экономическая держава	–	–	25,5	24,4
Страна дружественных народов	40,4	37,2	31,1	31,1
Страна, которую в мире уважают за достижения	–	–	20,9	18,1
Страна, где власть и народ — одно целое	–	–	35,8	34,1
Страна, к которой дружески относятся народы других стран	–	–	28,6	26,2
Страна, где все понимают друг друга	40,0	33,4	–	–
Другое	–	–	0,8	1,0

<sup>1</sup> Данный вопрос в 2022 г. был скорректирован: с учетом анализа социальных процессов внесены новые основания для оценки и анализа. В связи с коррекцией вопроса полученные результаты сравниваются не в абсолютных количественных значениях, а на основе вычленения ведущих факторов — интеграторов и дезинтеграторов. Вопрос с множественным выбором вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Несмотря на разнообразие возможных вариантов ответа и множественность выборов информантов, и в 2021, и в 2022 г. удалось выявить топ интегрирующих общенациональных идей, способных объединить россиян, по мнению юношества.

Таблица 3.

Table 3.

Топ-6 ценностей (интегрирующих идей) в представлениях юношества (2021, 2022)

Top 6 values (integrating ideas) in the perceptions of young people (2021, 2022)

2021 г.		2022 г.	
16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год
Страна без бедности	Страна без бедности	Страна без бедности	Страна без бедности
Образованная страна	Образованная страна	Образованная страна	Образованная страна
Страна здорового народа	Страна здорового народа	Страна здорового народа	Страна комфортной жизни
Страна с чистой окружающей средой	Страна комфортной жизни	Страна комфортной жизни	Страна свобод человека
Страна комфортной жизни	Страна с чистой окружающей средой	Страна свобод человека	Страна без коррупции
Страна без коррупции	Страна без коррупции	Страна научных открытий и разработок	Страна здорового народа

Несмотря на некоторые различия в предпочтениях респондентов, набор интегрирующих ценностей стабилен, независимо от возраста опрошенных и времени проведения опроса. В число ведущих включены значимые терминальные ценности: здоровье, достойная, комфортная жизнь, а также ценности, символизирующие важнейшие социальные проблемы российского общества: имущественное расслоение и неравенство, образование, коррупция. Отметим, что и в 2021, и в 2022 г. ключевыми ценностями молодые люди называют преодоление бедности в стране и развитие системы образования. Характерно, что в 2021 г., когда опрос затрагивал и более старшие возрастные группы молодежи (до 30 лет), эти ценности вошли в топ-3 ведущих ценностей молодежи всех возрастов.

Очень большое внимание юношество уделяет проблемам здоровья, распространению ценностей здорового образа жизни. Эта ценность вошла в тройку наиболее значимых, за исключением молодежи 19–21 года, в опросе 2022 г.

О стремлении учитывать не только социальные, но и индивидуально-личностные потребности свидетельствует включение в перечень ведущих ценностей-интеграторов обеспечение комфортных условий жизни людям.

Примечательно, что в опросе 2022 г. в список ведущих ценностей включается обеспечение свобод человека (пятое место среди 16–18-летних, четвертое место среди 19–21-летних). Возможно, это свидетельствует об определенной депривации, ухудшении социального самочувствия юношества.

Характерно, что ценности, традиционно артикулируемые в публичном пространстве в качестве факторов-интеграторов и с которыми сами представители юношества ассоциируют образ России (Шайхисламов, Асадуллина, Садретдинова, 2023) — многонациональный состав и дружба народов, высокие достижения культуры и спорта, сильная, авторитетная власть, военная мощь, — хотя и включены и иерархию ценностей юношества, однако в качестве ведущих не рассматриваются. Следовательно, возникают вопросы о тщательном продумывании и планировании молодежной политики страны, а также о разработке социальных идеологем-интеграторов.

Гендерные различия в представлениях юношества отражены в таблице 4.

Таблица 4.

Table 4.

Иерархия ценностей-интеграторов в зависимости от пола, % (2022)

Hierarchy of values-integrators depending on gender, % (2022)

Ценности	Юноши	Девушки
Страна здорового народа	<b>47,8</b>	42,1
Страна без бедности	54,2	<b>58,6</b>
Спортивная держава	32,1	19,6
Образованная страна	53,3	54,8
Страна талантов	31,6	31,2
Страна научных открытий и разработок	<b>44,9</b>	36,1
Страна высокой культуры и духовности	31,8	33,3
Страна свобод человека	38,5	<b>46,7</b>
Страна комфортной жизни	41,9	<b>46,9</b>
Страна с чистой окружающей средой	30,0	<b>39,6</b>
Страна равенства всех без исключения перед законом	25,7	25,3
Демократическая страна	22,3	23,5
Страна добрых людей	29,7	31,6
Страна без коррупции	40,7	38,0
Страна с сильной и авторитетной властью	15,2	11,1
Великая военная держава	29,5	21,1
Великая экономическая держава	30,8	21,5
Страна дружественных народов	27,6	33,2
Страна, которую в мире уважают за достижения	22,5	18,0
Страна, где власть и народ — одно целое	33,3	36,2
Страна, к которой дружески относятся народы других стран	23,1	30,4
Другое	1,1	0,7

Анализируя различия в представлениях юношей и девушек об интегрирующих основаниях общенациональной идеи, отметим, что среди ценностей, рассматриваемых в качестве ведущих оснований-интеграторов, можно выделить гендерно-нейтральные и гендерно-ориентированные ценности. К числу гендерно-нейтральных ценностей, когда различия в оценках девушек и юношей невелики, можно отнести *развитие образования и борьбу с коррупцией*. К числу ценностей, на которые ориентируются юноши, прежде всего относится *укрепление здоровья народа* (47,8% среди юношей против 42,1% среди девушек). Возможно, это объясняется различиями в практиках самосохранительного поведения, а также более осознанным отношением девушек к своему здоровью, которым должен заниматься сам человек, а не государство. Кроме того, юноши гораздо активнее ратуют за *поддержку научных открытий и разработок* (44,9% у юношей к 36,1% у девушек). Что касается оценок девушек, к числу гендерно-значимых ведущих ценностей можно отнести *борьбу с бедностью* (58,6% у девушек к 54,2% у юношей), *обеспечение свобод человека* (46,7% к 38,5%), *обеспечение комфортных условий жизни граждан* (46,9% к 41,9%), а также *защиту окружающей среды* (39,6% к 30,0%).

Что касается ценностей, не вошедших в топ ведущих интегративных оснований, к числу «мужских» ценностей можно отнести: поддержку спортивных достижений, сильную и авторитетную власть в стране, сохранение позиций великой экономической и военной державы, а также достижение мирового признания и уважения.

Среди «женских» ценностей назовем сохранение дружбы между народами страны, дружеские отношения с народами других стран и единство власти и народа.

Гендерно-нейтральные ценности: поддержка и развитие талантов, сохранение статуса страны высокой культуры и духовности, равенство перед законом и демократизация общества, доброта людей.

Таким образом, отмечается определенная корреляция между иерархией ценностей молодых людей и осмыслением социальных ролей мужчины и женщины. Девушки в большей степени ориентированы «на себя» и свое ближайшее окружение, обеспечение собственного благополучия, прав и свобод, тогда как юноши чаще демонстрируют ориентацию на реализацию общесоциальных задач и интересов.

Учитывая, что выявленные ценностно-символические основания единения российского народа отражают не только мечты и чаяния молодых людей, но и характеризуют обеспокоенность социальным неблагополучием, нерешенными социальными проблемами, на примере региональных различий определим иерархию ведущих ценностей в зависимости от региона проживания информантов (табл. 5).

Несмотря на то обстоятельство, что в обследуемых регионах и в 2021, и в 2022 г. в принципе сохраняются выявленные в целом по выборке тенденции оценивания значимости ведущих ценностей-интеграторов, можно заметить ряд отличий. Во-первых, на наш взгляд, подтверждается предположение о том, что при выборе ведущих ценностно-символических оснований единения молодые люди вы-

ражают обеспокоенность нерешенными социальными проблемами. Так, во всех регионах в 2021 г. в качестве ключевой проблемы молодежь видит неблагоприятное социально-экономическое положение. Вместе с тем жителей Алтайского края и Тюменской области в большей мере беспокоит данная проблема. Возможно, это можно объяснить общим социально-экономическим неблагоприятием региона, невысоким уровнем доходов и качества жизни населения (Алтайский край) или высоким уровнем социальной дифференциации (Тюменская область). Кроме того, в Тюменской области и Белгородской области юношество чаще беспокоят проблемы коррупции.

Таблица 5.

Table 5.

Иерархия ведущих ценностных оснований-интеграторов  
(региональные различия), % (2021, 2022)

Hierarchy of leading value bases-integrators (regional differences), % (2021, 2022)

	Страна без бедности		Образованная страна		Страна здорового народа		Страна с чистой окружающей средой		Страна комфортной жизни		Страна без коррупции	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Алтайский край												
16–18 лет	75,1	64,3	61,4	54,4	55,4	41,1	59,9	34,9	51,5	43,0	44,6	41,1
19–21 год	74,6	57,1	58,5	54,6	56,9	42,4	63,0	42,0	57,9	41,5	57,1	41,5
Белгородская область												
16–18 лет	69,2	54,0	60,3	56,0	54,5	49,6	50,6	35,9	53,2	41,5	53,8	38,3
19–21 год	68,9	62,9	59,0	54,3	51,6	35,5	47,5	31,2	49,2	46,8	63,1	48,9
Республика Башкортостан												
16–18 лет	66,1	57,5	61,9	51,9	51,2	53,5	59,2	39,8	54,2	46,0	49,4	37,4
19–21 год	65,7	54,6	62,3	48,7	46,4	44,3	52,3	33,9	54,4	48,5	48,5	42,0
Республика Татарстан												
16–18 лет	66,1	53,8	58,7	58,7	58,4	41,5	53,9	36,2	51,5	45,5	46,7	36,9
19–21 год	67,7	56,1	60,0	54,9	58,7	42,4	48,0	35,0	54,1	39,5	47,7	38,0
Тюменская область												
16–18 лет	74,4	59,6	78,2	57,7	63,3	49,0	60,6	37,1	59,3	46,7	50,9	34,0
19–21 год	68,8	52,5	72,0	49,0	58,9	37,9	55,3	32,6	59,4	49,8	57,6	38,7

В 2022 г. в условиях общей социальной турбулентности и неоднозначности социальных вызовов проблемы сохранения чистой окружающей среды и вопросы коррупции несколько уходят на второй план. Возможно, распространение

социального беспокойства о будущем и рост социальной напряженности как бы «уводят» решение этих проблем на перспективу, когда «наступят лучшие времена». Также во всех регионах практически во всех рассматриваемых возрастных группах юношества меньшую озабоченность вызывают вопросы поддержания здорового образа жизни. Либо молодые люди осознают, что в текущих условиях данные вопросы государству, может быть, решать недосуг и необходимо заботу о здоровье брать в собственные руки, либо распространяются представления, что решение этих вопросов также можно отложить на перспективу, пока «у нас есть поважнее дела».

Кроме того, обращает на себя внимание увеличивающийся разрыв в оценке значимости ряда ценностей среди юношества разных возрастных групп. Это касается прежде всего ценностей здоровья, преодоления коррупции и сохранения чистой окружающей среды. Полагаем, это связано с тем, что, во-первых, неоднородность молодежных групп усиливается в периоды социальных вызовов в силу социально-классовых и региональных различий (внутрипоколенные различия). Во-вторых, известно, что социальные вызовы содействуют возникновению аномии, размыванию и трансформации нормативно-ценностных оснований общественной жизни. В этих условиях меняются и представления юношества как наиболее мобильной части социума.

В связи с этим значимым представляется вопрос: насколько ценности, обозначенные молодыми людьми в качестве интегративных оснований единения российского народа, действительно могут выполнять свои функции, объединяя людей независимо от уровня доступа к общественным благам (имущественным, властным и др.), межпоколенных и внутрипоколенных различий, а также социокультурных различий? Соответственно в 2021 г. респондентам было предложено ответить на вопрос: в какой мере обозначенные ими идеи действительно могут объединять представителей различных социальных групп российского общества? Поскольку опрос предполагал изучение разных возрастных групп молодежи от 16 до 30 лет, для полноты анализа представим полученные результаты в табл. 6.

Как видим, в целом по выборке наименее значимыми в решении проблем социальной интеграции опрошенные молодые люди всех возрастных групп считают межнациональные различия (57,2% в целом по выборке; 53,3% среди 16–18-летних, 58,8% среди 19–21-летних). Несмотря на то что сам по себе фактор многонациональности и дружественных межэтнических отношений не является интегрирующей ценностью, данный фактор воспринимается как значимое условие объединения людей, возможно, в силу представлений, что «не бывает этносов плохих или хороших, бывают плохие люди», а при решении социальных проблем национальность не имеет особого значения.

На втором месте по значимости — межпоколенные различия. Молодежь чаще признает, что межпоколенные различия могут препятствовать социальной интеграции по сравнению с различиями межнациональными, тем не менее каждый второй представитель молодежи отмечает, что можно найти идеи, объединяющие людей независимо от возраста.

Таблица 6.

Table 6.

Насколько, на Ваш взгляд, выбранные Вами идеи (мечты) могут быть общими для разных социальных групп, % (2021)

To what extent, in your opinion, the ideas (dreams) you have chosen can be common for different social groups, % (2021)

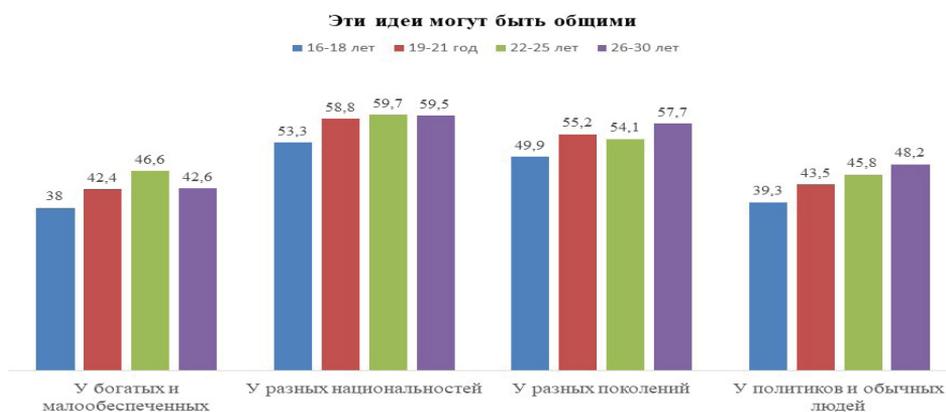
	Эти идеи могут быть общими	Отдельные идеи могут быть общими	Эти идеи не могут быть общими	Затрудняюсь ответить
Богатых и малообеспеченных людей				
16–18 лет	38,0	25,4	8,3	28,3
19–21 год	42,4	24,8	7,7	25,2
22–25 лет	46,6	19,6	9,8	24,0
26–30 лет	42,2	21,5	10,6	25,6
<b>Всего</b>	<b>41,6</b>	<b>23,5</b>	<b>8,8</b>	<b>26,1</b>
Людей разных национальностей				
16–18 лет	53,3	14,3	6,8	25,6
19–21 год	58,8	12,8	5,7	22,7
22–25 лет	59,7	14,2	5,5	20,7
26–30 лет	59,5	11,8	6,2	22,5
<b>Всего</b>	<b>57,2</b>	<b>13,3</b>	<b>6,1</b>	<b>23,3</b>
Людей разных поколений				
16–18 лет	49,9	15,6	13,2	21,2
19–21 год	55,2	16,4	8,7	19,7
22–25 лет	54,1	16,2	11,0	18,6
26–30 лет	57,7	16,6	7,8	17,9
<b>Всего</b>	<b>53,7</b>	<b>16,1</b>	<b>10,5</b>	<b>19,7</b>
Политиков и обычных людей				
16–18 лет	39,3	16,8	16,5	27,4
19–21 год	43,5	15,2	16,4	25,0
22–25 лет	45,8	15,5	15,2	23,5
26–30 лет	48,2	13,6	17,4	20,8
<b>Всего</b>	<b>43,4</b>	<b>15,5</b>	<b>16,4</b>	<b>24,7</b>

Наибольший скепсис в решении вопросов интеграции современная молодежь связывает с проблемами неравного доступа к общественным благам (властным и имущественным). Таким образом, находят отражение функционирующие

в общественном сознании представления о значимости социально-статусных барьеров в коммуникациях, об отдаленности власти от народа, а также о «пропасти» между бедными и богатыми. Не удивительно, что наибольшее беспокойство среди молодежи всех обследуемых регионов вызывают именно проблемы социального неравенства.

При этом настораживает позиция младшей возрастной группы, 16–18-летних молодых людей, которые по всем заявленным позициям выражают скепсис в решении проблем интеграции различных социальных групп, что, вероятно, негативно характеризует интегративный потенциал данной возрастной группы (рис.).

#### Интегративный потенциал молодежи (различия по возрастным группам, в %, 2021)



Интегративный потенциал молодежи (различия по возрастным группам), %, (2021).

Integrative potential of youth (differences by age groups), % (2021).

В результате возникает определенный парадокс: молодежь 16–18 лет, в большей мере демонстрируя альтруизм и готовность к решению общесоциальных проблем, активно сомневается в возможностях социальной интеграции. Чем обусловлена сложившаяся ситуация: психолого-возрастными особенностями, социально-статусными характеристиками, амбивалентностью ценностных ориентаций, неуверенностью в собственных силах («я готов, но меня никто не будет слушать»)?

В целях поиска ответа на этот вопрос обратимся к некоторым результатам авторского исследования 2020 г. «Мои представления о себе и других».

В ходе исследования информантам было предложено охарактеризовать свои представления о себе лично и о своих сверстниках по 12 показателям (Шайхисламов, Асадуллина, Садретдинова, 2021: 199–200) (активность, энергичность, жизнерадостность, передовые позиции, демократичность, дисциплинированность, ум, справедливость, ориентация на собственные силы, деловые качества, ответственность, богатство/бедность). Для анализа применялась шкала отно-

шений, включающая нулевое, положительные и отрицательные значения (от –3 до +3). По результатам анализа рассчитывались средние индексы выраженности каждого качества. Результаты ответов юношества отражены в табл. 7.

Таблица 7.

Table 7.

## Представления юношества о себе и своих сверстниках

## Young people's perceptions of themselves and their peers

Представления о себе		Представления о сверстниках	
<b>Справедливость</b>	1,5	<b>Активность</b>	1,0
<b>Ориентация на собственные силы (надежда на себя)</b>	1,4	<b>Энергичность</b>	1,0
<b>Ответственность</b>	1,4	Жизнерадостность	0,9
<b>Дисциплинированность</b>	1,2	Передовые позиции (передовой)	0,9
<b>Жизнерадостность</b>	1,1	Демократичность	0,8
<b>Ум</b>	1,1	Дисциплинированность	0,7
<b>Демократичность</b>	1,0	Ум	0,7
<b>Передовые позиции (передовой)</b>	1,0	Справедливость	0,6
Энергичность	0,9	Ориентация на собственные силы (надежда на себя)	0,6
Активность	0,6	Деловые качества	0,5
Деловые качества	0,5	Ответственность	0,5
Богатство	0,1	Богатство	0,1

Как видим, представления о себе и своих сверстниках в юношеской среде существенно разнятся. Отметим высокую степень комплиментарности в оценках себя по сравнению с оценками сверстников. Вероятно, таким образом проявляется индивидуализм современных молодых людей. В качестве ведущих показателей своего поведения молодые люди указывают принципы справедливости (ощущение социальной несправедливости как источник реализации протестного поведения), ориентацию на собственные силы («кто, если не мы»), ответственность, демократичность. Вместе с тем осознание этих принципов в качестве ведущих оснований деятельности слабо согласуется с признанием невысокой степени личной активности.

Сверстникам, напротив, в первую очередь приписываются качества активности и энергичности. Иными словами, складывается парадоксальная ситуация: молодые люди ратуют за соблюдение прав и свобод, борьбу за справедливость и достижение передовых позиций, но стремятся переложить достижение всех названных целей на плечи друг друга.

Вызывает беспокойство тот факт, что к числу показателей, в оценке которых молодые люди солидарны у себя и у других представителей юношества, отно-

сится неблагополучное социально-экономическое положение — это важнейший источник социального беспокойства и напряженности.

В опросе 2021 г. мы также изучали мнения молодежи относительно *национальных целей развития страны до 2035 года*, декларируемых в Указе Президента РФ<sup>1</sup>. Если эти цели являются общенациональными, то они должны быть восприняты обществом и конкретным человеком не только как предпринимаемые государством меры. Цели становятся общенациональными тогда, когда они понимаются и как личные, и как общие, требующие совместных усилий по их достижению. Воспринимаются ли молодежью эти цели как собственные? Респондентам было предложено выбрать следующие варианты ответов:

- Эти цели могут и должны быть реализованы только государственными органами.
- Эти цели могут и должны быть реализованы не только государством, нужны совместные усилия всех россиян.
- Эти цели не могут и не должны быть реализованы только государством и гражданами страны; нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы.
- Эти цели важны, но они недостижимы при всех усилиях государства, общества и отдельного человека.
- Такие цели нельзя ставить, пусть все идет как идет.

Большинство информантов практически по всем названным целям выбрали два первых варианта ответа. Национальные цели молодежью воспринимаются или как цели государственных органов власти, или как цели всего общества. Что касается личной вовлеченности в реализацию общенациональных целей, то подобное стремление характеризует незначительную часть юношества (от 6,3% в вопросах обеспечения комфортной и безопасной среды для жизни до 11,8% в обеспечении возможностей для самореализации и развития талантов).

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем иждивенческие установки значительной части молодежи. С другой стороны, сами национальные цели развития страны до 2035 г. адресованы государственному аппарату для исполнения. Поэтому, вероятно, в общественном сознании эти цели воспринимаются как «для народа», но не «самого народа» (Шайхисламов, Асадуллина, Садретдинова, 2023: 23–25).

В условиях новых вызовов и новых возможностей 2022 г. на первый план вышла задача успешного преодоления этих вызовов и реализация возможностей. Но эта задача может рассматриваться молодежью и как исключительно государственная, и как общенациональная, и как конкретного человека. Укрепление российской идентичности молодежи возможно на основе объединения общества в условиях новых вызовов и новых возможностей. Рассмотрим эту ситуацию в контексте анализа оценок, считает ли молодежь преодоление новых вызовов и реализацию новых возможностей интенцией становления общенациональной цели, задачей всех слоев и групп российского общества (табл. 8).

<sup>1</sup> О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/128943/>

Таблица 8.

Table 8.

Преодоление новых вызовов и реализация новых возможностей как общенациональная цель, % (2022)

Overcoming new challenges and realizing new opportunities as a national goal, % (2022)

В качестве общей задачи для людей разных национальностей страны	
вполне могут быть	52,4
в какой-то степени могут быть	16,6
не могут быть	2,6
затруднились ответить	28,4
В качестве общей задачи для политиков и простых людей	
вполне могут быть	38,2
в какой-то степени могут быть	25,1
не могут быть	6,1
затруднились ответить	30,6

Эти данные сопоставимы с оценками 2021 г., приведенными в таблице 6 (насколько объединительные идеи могут быть общими для разных людей). Доля тех, кто исключает возможность появления таких общих задач для людей разных национальностей, для политической элиты и граждан, заметно уменьшилась по сравнению с 2021 г. Однако остается большой (28–30%) доля тех, для кого этот вопрос остается неопределенным.

### Обсуждение и заключение

Одним из важнейших компонентов российской идентичности молодых людей являются органически взаимосвязанные образы и концепции «Я в будущем» и «Мы в будущем». Без этих компонентов российская идентичность, будучи лишенной смысловых ориентиров, становится неустойчивой, нестабильной, подверженной колебаниям. По выражению М. Делягина, «главное оружие — не танки, а образ будущего» (Делягин, 2022). Победы в истории страны, как показывает политик, всегда были связаны с образом будущего страны, ради которого объединялся весь народ.

Образ будущего нашей страны не только для общества в целом, но и среди элиты и интеллектуалов остается неопределенным. Отсутствует концептуализация будущего страны и в политических документах. Эксперты — философы, социологи, политологи, психологи — видят основные причины в «разночтениях» будущего в политической и деловой элите, низком уровне социального доверия, социально-экономической поляризации, ценностно-идеологической неопределенности в обществе. Экспертами отмечается, что привлекательная для большей части общества идея, образ будущего страны должны быть предложены общественными авторитетами и политическими лидерами.

При всей важности конструирования образа будущего России сверху он является в конечном счете результатом формальных и неформальных дискуссий в самом обществе. Образ будущего страны является частью самоидентификации общества — процесса коллективного осмысления.

Современная ситуация — это время испытаний для крепости российской идентичности. В юношеской среде наблюдаются противоречивые тенденции — снижение уровня номинальной (формальной) идентичности и рост неопределенности («затруднились ответить»).

Укрепление российской идентичности юношества и молодежи в целом на современном этапе возможно лишь в качестве реальной идентичности на основе реализации возможностей, в том числе новых, привлечения молодых людей к участию в общих делах.

Молодежь больше, чем другие поколения, идентифицирует себя с будущим страны, поэтому укрепление общероссийской идентичности невозможно без общенациональной идеи, общенародной мечты, без позитивного образа будущего России.

Общенациональные идеи, мечты, образы будущего должны не просто декларироваться, они должны быть основой нового политического, социально-экономического и социокультурного курса в качественно новых социальных реалиях. Тогда только эти идеи и образы станут основой укрепления общероссийской идентичности.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 37–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2>

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI [10.31857/S013216250019645-2](https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2).

Горшков М. К., Тюрина И. О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 44–57. DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57).

Гришина Е. А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 2003. С. 336–338.

Делягин М. Свобода ради справедливости // Свободная пресса. 2022. 12 апр.

Деметрадзе М. Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 120–127.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).

Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2. С. 39–52.

Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М. : Анкил, 2008. 408 с.

Паин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. : Новое издательство, 2004. 248 с.

Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Поиск национальной идеи в контексте укрепления российской идентичности: опыт регионального измерения проблемы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4. С. 56–60.

Тишков В. А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М. : АСТ, 2021. 416 с.

Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Протестные настроения и установки поколения Z // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения: коллективная монография / под общ. ред. д-ра социол. наук, проф. Р. Б. Шайхисламова Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 194–209.

Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогеми в условиях новых вызовов и возможностей // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 13–31. DOI: 10.14258/SSI (2023)1-01.

## REFERENCES

Avdeev, E. A., Vorobyev, S. M. (2023). Traditional value bases of the All-Russian identity: on the example of the youth of the North Caucasus. *Sociological Science and Social practice*, 11(3), 37–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2> (In Russ.).

Avksentiev, V. A., Aksyumov, B. V. (2022). “Portfolio of identities” of the youth of the South of Russia after 12 years. *Sociological research*, 7, 76–87. DOI 10.31857/S013216250019645-2. (In Russ.).

Gorshkov, M. K., Tyurina, I. O. (2018). Synthesis of ethnonational and civil as the basis of Russian identity. *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 18(1), 44–57. DOI 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57. (In Russ.).

Grishina, E. A. (2003). Civic identity. In: *The Sociological Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1.* Moscow : Mysl, pp. 336–338.

Delyagin, M. (2022). Freedom for justice. *Free press*. April 12. (In Russ.).

Demetradze, M. R. (2012). The core of traditional values as a phenomenon of post-Soviet societies. *Sociological Research*, 3, 120–127. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2003). *Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia.* Moscow : Centr obshchechelovecheskih cennostej. 376 p. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2020). Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution. *Sociological research*, 8, 37–50. DOI 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.).

Drobizheva, L. M., Ryzhova, S. V. (2021). All-Russian identity in the sociological dimen-

sion. *Bulletin of the Russian Nation*, 1–2, 39–52. (In Russ.).

Mnatsakanyan, M. O. (2008). *Nationalism and Globalism. National life in the modern world*. Moscow : Ankil, 408 p. (In Russ.).

Pain, E. A. (2004). *Between empire and nation. The Modernist project and its traditionalist alternative in the national policy of Russia*. Moscow : Novoe izdatel'stvo, 248 p. (In Russ.).

Sadretdinova, E. V., Korovkina, N. V. (2021). The search for a national idea in the context of strengthening Russian identity: the experience of the regional dimension of the problem. *Kazan Socio-Humanitarian Bulletin*, 4, 56–60. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2021). *The National Idea of Russia. The Russian people and their identity*. Moscow : AST, 416 p. (In Russ.).

Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R., Sadretdinova, E. V. (2021). Protest moods and attitudes of generation Z. Generation Z. In: *Shaikhislamov R. B. (Ed.). Diversity of identities, orientations, behavior* Ufa : RIC BASHGU. (pp. 194–209). (In Russ.).

Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R., Sadretdinova, E. V. (2023). The image of Russia of the present and the future in the representations of youth: semantic systems in conditions of new challenges and opportunities. *Society and Security Insights*, 6(1), 13–31. DOI: 10.14258/SSI (2023)1-01. (In Russ.).

#### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Гузелия Рауфовна Асадуллина — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия.

Guzelia R. Asadullina — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Эвеллина Винеровна Садретдинова — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия.

Evellina V. Sadretdinova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023;  
одобрена после рецензирования 16.11.2023;  
принята к публикации 18.11.2023.

The article was submitted 24.10.2023;  
approved after reviewing 16.11.2023;  
accepted for publication 18.11.2023.

Тип статьи / Type of the article  
Научная статья / Research Article  
УДК 304.3  
DOI: 10.14258/SSI(2023)4-05

## Проблемы алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях депрессивного развития экономики региона

Елена Юрьевна Башкуева

Бурятский научный центр, Улан-Удэ, Россия;  
frombear@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2160-4711>

**Аннотация.** Представлен анализ проблем алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях депрессивного развития экономики региона, проведенный на основе данных экспертных интервью с медицинскими специалистами различного профиля — терапевтом, профилактикологом, психиатром-наркологом, анестезиологом-реаниматологом, гастроэнтерологом. Выявлены социально-экономические факторы, обуславливающие алкоголизацию населения региона, в числе которых: безработица, отсутствие перспектив трудоустройства, работа вахтовым методом, закредитованность, использование доходов членов семей (пенсий и детских пособий) для покупки алкогольной продукции малоимущими слоями населения. В числе иных негативных факторов, способствующих алкоголизации населения, экспертами отмечены высокая доступность алкогольной продукции, использование алкоголя в целях повышения туристической привлекательности региона и в рекламе объектов общественного питания, формирование толерантного отношения к алкоголю с детского возраста. Обоснована необходимость усиления скоординированной работы государственных органов управления различных уровней, медицинского сообщества и общественных организаций в целях снижения потребления алкоголя различными социальными слоями населения.

**Ключевые слова:** алкоголь, алкоголизация, трезвость, Республика Бурятия, депрессивная экономика, экспертный опрос, эксперт

**Финансирование:** статья подготовлена в рамках госзадания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направления стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»).

**Для цитирования:** Башкуева Е.Ю. Проблемы алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях депрессивного развития экономики региона // Society and Security Insights. 2022. Т. 6, № 4. С. 81–90. doi: 10.14258/ssi(2023)4-05.

# Problems of Alcoholization of the Population of the Republic of Buryatia in the Conditions of Depressive Development of the Regional Economy

Yelena Yu. Bashkueva

Buryat Scientific Centre, Ulan-Ude, Russia;  
frombear@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2160-4711>

**Abstract.** The article presents the analysis of problems of alcoholization of the population of the Republic of Buryatia in the conditions of depressive development of the regional economy, conducted on the basis of expert interviews with medical specialists of different profiles — therapist, preventologist, psychiatrist-drug addict, anesthesiologist-reanimatologist, gastroenterologist. The socio-economic factors causing alcoholization of the population of the region have been identified, including unemployment, lack of employment prospects, shift work, borrowing, and the use of family income (pensions and child allowances) to buy alcoholic beverages by the poor. Among other negative factors contributing to the alcoholization of the population, experts noted the high availability of alcoholic beverages, the use of alcohol to increase the tourist attractiveness of the region and in the advertising of catering facilities, and the formation of a tolerant attitude to alcohol from childhood. The necessity of strengthening the coordinated work of state authorities of different levels, medical community and public organizations in order to reduce alcohol consumption in different social strata of the population is substantiated.

**Keywords:** alcohol, alcoholization, sobriety, Republic of Buryatia, depressed economy, expert survey, expert

**Financial Support:** the article was prepared within the framework of the state task No. 121030500092-7 (project “Development of methodology of justification of the direction of strategic development of a depressive region in the conditions of ecological and economic limitations”).

**For citation:** Bashkueva, Ye. Yu. (2023). Problems of Alcoholization of the Population of the Republic of Buryatia in the Conditions of Depressive Development of the Regional Economy. *Society and Security Insights*, 6(4), 81–90. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-05.

## Введение

Алкоголизация населения субъектов Российской Федерации является актуальнейшей проблемой современности, одной из ключевых угроз национальной безопасности нашей страны, имеющей негативный мультипликативный эффект на все важнейшие сферы общественной жизни — здравоохранение, демографию, экономику. Алкоголизация выступает фактором, существенно ограничивающим возможности общества обеспечивать реализацию прав граждан на жизнь и безопасность, защиту от преступных посягательств, от физического и морального насилия. Более того, алкоголизация серьезно подрывает социально-экономические и духовно-нравственные основы общества и государства, угрожает трудовому, военному и интеллектуальному потенциалу страны, а значит, является угрозой национального масштаба (Белова, 2012: 278). В Указе Президента Российской Фе-

дерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначены ключевые направления развития российского общества, в том числе увеличение ожидаемой средней продолжительности жизни населения до 78 лет, формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек.<sup>1</sup> Это подразумевает прежде всего снижение потребления населением алкогольной продукции.

Исследователь С. С. Гордеева отмечает, что высокий уровень злоупотребления алкоголем на страновом уровне детерминируется рядом макрофакторов, которые можно объединить в несколько групп: социально-экономические (неблагоприятные условия жизни, труда, быта людей, социальное неравенство и напряженность, бедность), социокультурные (низкий уровень общей культуры, духовных и культурных запросов и интересов, недостатки в нравственном воспитании) и социально-политические, разделяемые нами на а) собственно политические и б) политико-правовые (Гордеева, 2013: 73).

В настоящей работе мы сделаем акцент на социально-экономических и социокультурных факторах алкоголизации населения отдельно взятого региона Российской Федерации — Республики Бурятия.

Республика Бурятия — восточный приграничный регион Российской Федерации, для которого характерен низкий уровень социально-экономического развития, обусловленный в том числе «байкальским фактором» (Дондоков, Убонова, 2022: 47). Следует отметить, что общее депрессивное состояние региона, обусловленное нехваткой учреждений социальной инфраструктуры, определяет низкое положение Республики Бурятия по социальной устойчивости и является фоном для усугубления проблем алкоголизации населения региона (Дагбаева, 2019: 38–42).

Согласно рейтингу трезвости регионов России (составлен движением «Трезвая Россия») на 2022 г., Республика Бурятия входит в число самых «пьющих» регионов Российской Федерации, пропустив вперед только такие регионы, как Сахалин, Чукотка и Курганская область<sup>2</sup>.

Российские социологи Н. А. Лебедева-Несевря и С. С. Гордеева провели оценку потребления алкоголя и алкоголь-ассоциированной заболеваемости в субъектах РФ в «докризисный» (2017–2019 гг.) и «кризисный» (2020–2022 гг.) периоды. Республика Бурятия согласно проведенному исследованию отнесена к второму кластеру, который характеризуется относительно низкими объемами продажи алкогольной продукции (среднее значение по кластеру — 86,5 тыс. декалитров на 100 тысяч населения), наряду с критически высоким числом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (среднее значение по кластеру — 626,6 преступления на 100 тысяч населения). При этом показатель алко-

<sup>1</sup> О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

<sup>2</sup> «Трезвая Россия» назвала самые пьющие регионы. URL: <https://rg.ru/2022/12/20/reg-urfo/nazvany-samyetrezvyei-samyepiushchie-regiony-rossii.html>

голь-ассоциированной заболеваемости отмечается на уровне средних величин по РФ (среднее значение по кластеру — 70,7 случая на 100 тысяч населения) (Лебедева-Несевря, Гордеева, 2023).

Иными словами, в настоящее время оценки масштабов и проблем алкоголизации населения Республики Бурятия разнятся, что требует углубленных исследований, в том числе социологических. Цель настоящего исследования: выявление проблем алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях депрессивного развития региональной экономики на основе экспертных оценок.

### **Материалы и методы исследования**

Исследование базировалось на синтезе следующих методов: изучение и обобщение опыта, статистический, социологические (включенное наблюдение, экспертный опрос, контент-анализ), аналитический, монографическое описание и др.

Эмпирическую базу исследования составили официальные статданные Росстата, Бурятстата, ежегодные сводные отчеты Министерства здравоохранения Республики Бурятия (за 2014–2022 гг.), отчеты ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер» (за 2014–2022 гг.), ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В.Р. Бояновой» (за 2014–2022 гг.)

Данные социологических исследований: экспертного опроса с участием сотрудников Министерства здравоохранения Республики Бурятия и подведомственных организаций: ГАУЗ «Кабанская центральная районная больница», ГАУЗ «Баргузинская центральная районная больница», ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер», ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики им. В.Р. Бояновой», ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н.А. Семашко», ГАУЗ «Республиканская клиническая больница скорой медицинской помощи» на тему «Проблемы алкоголизации населения Республики Бурятия в условиях социально-экономической и геополитической нестабильности» (n = 20, эксперты: врачи — профилактикологи, терапевты, психиатры-наркологи, анестезиологи-реаниматологи, гастроэнтерологи), 2022 г. Критериями отбора экспертов являлись: стаж работы не менее 15 лет, общественное признание в качестве эксперта в области профессиональной деятельности, добровольное согласие участвовать в опросе. Гайд включал три тематических блока, в том числе оценку масштабов алкоголизации населения Республики Бурятия, оценку социально-экономических факторов, способствующих алкоголизации населения региона, и ее последствий. В исследовании использованы также материалы контент-анализа обращений и жалоб в Министерство здравоохранения Республики Бурятия (ведомственные материалы Министерства здравоохранения Республики Бурятия и социальной сети «ВКонтакте» за 2020–2022 гг.).

### **Результаты исследования**

Эксперты отметили, что в структуре наркологических расстройств по Республике Бурятия на протяжении многих лет наибольшее число составляют лица, состоящие на учете с хроническим алкоголизмом. Так, по данным ве-

домственной статистики Министерства здравоохранения Республики Бурятия за 2022 г. их число увеличилось по сравнению с 2021 г. на 3,1% (с 694,2 до 715,5), в т.ч. по г. Улан-Удэ — на 1,7 % (с 806,5 до 820,4). Распространенность алкогольного психоза за 2022 г. снизилась на 20,4% (с 25,0 на 100 тысяч населения до 19,9), но ниже показателя по ДФО в 1,9 раза (38,5), по РФ — на 21,0% (25,2). Высокий уровень алкогольного психоза на 100 тысяч населения зарегистрирован в г. Улан-Удэ (выше республиканского на 21,6% — 24,2) и в семи районах: Джидинском (22,1 — превышение республиканского показателя на 11,1%), Заиграевском (29,6 — превышение в 1,5 раза), Кижингинском (21,6 — превышение на 8,5%), Мухоршибирском (40,2 — превышение в 2,8 раза), Прибайкальском (30,9 — превышение в 1,6 раза), Тарбагатайском (67,3 — превышение в 3,4 раза) и Тункинском (78,9 — превышение в 4,0 раза)<sup>1</sup>.

За 2022 г. по республике отмечается увеличение количества потребителей алкоголя с вредными для здоровья последствиями на 100 тысяч населения на 2,5% (с 139,7 до 143,2), что на 0,4% ниже показателя 2021 года по ДФО (143,8) и выше РФ на 18,4% (120,9). По г. Улан-Удэ — увеличение показателя на 0,4% (с 95,4 до 95,8). Самый высокий уровень распространенности потребителей алкоголя регистрируется в Курумканском районе (777,5 на 100 тыс. нас. — увеличение на 16,0% по сравнению с 2021 г.) и превышает республиканский показатель в 5,4 раза. На втором месте — Тункинский район (587,0), выше республиканского в 4,1 раза. Высокие показатели болезненности (выше среднего) среди потребителей алкоголя на 100 тысяч населения отмечаются в Кижингинском (в 2,8 раза — 395,3), Заиграевском (в 2,4 раза — 348,3), Тарбагатайском (в 1,9 раза — 276,0), Хоринском (в 1,8 раза — 258,3), Закаменском (в 1,5 раза — 219,1), Джидинском (в 1,5 раза — 211,9) районах<sup>2</sup>.

Первичная заболеваемость хроническим алкоголизмом по республике на 100 тысяч населения увеличилась на 10,0% по сравнению с 2021 г. (с 22,0 до 24,2), по г. Улан-Удэ — снижение на 25,7% (с 19,1 до 14,2). В семи районах первичная заболеваемость по данной нозологии превышает республиканский показатель: Баргузинском — в 1,7 раза (с 32,8 до 56,9), Джидинском — в 1,7 раза (с 78,2 до 136,8), Закаменском — в 7,2 раза (с 4,0 до 28,9), Иволгинском — в 2,1 раза (с 11,3 до 23,3), Кабанском — в 1,8 раза (с 10,9 до 20,2), Кижингинском — на 6 случаев (с 0 до 43,1), Кяхтинском — в 3,0 раза (с 5,5 до 16,5), Муйском — на 2 случая (с 0 до 21,3), Мухоршибирском — в 2,5 раза (с 44,1 до 111,6), Тарбагатайском — на 49,7% (с 36,0 до 53,9), Тункинском — в 5,1 раза (с 4,9 до 24,9)<sup>3</sup>.

По отчетным данным Республиканского наркологического диспансера в данном учреждении на стационарном лечении за 2022 г. пролечено 2242 чел., что на 0,8% меньше, чем за 2021 г. (2259 чел.), это связано со сложившейся эпидемиологической обстановкой в условиях пандемии коронавируса. Несмотря на то что

<sup>1</sup> Ведомственные статистические данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия за 2022 г.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

количество лиц с алкогольным психозом снизилось на 15,3% (с 261 до 221 чел.), с алкогольной интоксикацией — увеличилось на 2,7% (со 147 до 151 чел.), абстинентным синдромом, вызванном зависимостью от алкоголя, — уменьшилось на 1,2% (с 1727 до 1707 чел.)<sup>1</sup>.

Рассмотрим мнения о проблемах и факторах алкоголизации населения Республики Бурятия участников экспертного опроса — врачей-практиков с многолетним стажем, представляющих различные медицинские специальности и организации. Так, эксперт — врач-профилактолог (стаж работы: 38 лет) Кабанской центральной районной больницы (далее — ЦРБ) отметила, что люди стали существенно больше пить за последнее время в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, обусловившей длительную изоляцию, повышение тревожности населения, переход на удаленный метод работы, а также в связи с началом СВО и объявлением мобилизации, что повлекло за собой общую невротизацию населения, увеличение депрессивных состояний. Эксперт отметил, что нередко люди пьют целыми семьями. В Кабанском районе Республики Бурятия, как и во многих других сельских районах региона, вследствие отсутствия возможности трудоустройства многие мужчины работают вахтовым методом, а после возвращения домой они уходят в запой. Кроме того, повсеместно в районе имеются семьи с малолетними детьми, в которых родители пьют на детские пособия. Они даже не боятся, что их ставят на учет, грозятся «отобрать» детей. Участник опроса считает, что нужно законодательно строго отрегулировать эти вопросы на федеральном уровне. Еще один эксперт — врач-терапевт Баргузинской ЦРБ (стаж работы — 30 лет) отметила, что основная причина пьянства среди мужчин — безработица и отсутствие перспектив. Людям, проживающим в прибрежных к озеру Байкал селах, запретили ловить рыбу омуль, рубить лес, они вынуждены заниматься мелкими сезонными «калымами», многие полученные деньги пропивают. Нередко работоспособные люди полностью живут за счет пенсий родителей или детских пособий. По мнению эксперта, сегодня непьющий мужчина в селе — большая редкость. За последнее время стали больше пить женщины, причем молодые, фертильные. Дети у таких женщин рождаются, как правило, ослабленные, имеющие различные тяжелые врожденные патологии (задержка психического развития, умственная отсталость и т.п.). Государство вынуждено тратить много средств на лечение, реабилитацию и содержание таких детей.

Важные сведения о проблеме алкоголизации населения получены в результате экспертного опроса врача-гастроэнтеролога, работающей в крупнейшей многопрофильной больнице региона — Республиканской клинической больнице им. Н.А. Семашко» (стаж работы — 25 лет). Она отметила, что гастроэнтерологическое отделение данного стационара переполнено больными с тяжелыми последствиями многолетнего злоупотребления алкогольной продукцией: циррозами печени, язвами желудка и двенадцатиперстной кишки, острыми и хроническими панкреатитами и панкреонекрозами. К тяжелейшим последствиям алкоголизма

<sup>1</sup> Ведомственные статистические данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия за 2022 г.

эксперт отнесла злокачественные новообразования органов пищеварения, в этих случаях выживаемость пациентов очень низкая, так как, к примеру, рак печени, желудка, поджелудочной железы относятся к быстро прогрессирующим заболеваниям. В больнице пока не освоены технологии трансплантации печени, являющейся единственным спасением для пациентов с ее тяжелыми поражениями, но ведется большая подготовительная работа по внедрению данной высокотехнологичной операции. Повсеместной проблемой является отсутствие донорского материала для таких больных. Нередко у пациентов отделения прямо в палатах отмечается алкогольный делирий (приступы «белой горячки»), а изолировать таких больных в отдельные помещения вследствие недостатка коечного фонда и большого количества тяжелых пациентов невозможно. Санитарам приходится в ночное время привязывать таких пациентов к кроватям специальными жгутами в целях обеспечения безопасности других больных. По оценке эксперта, за последние годы стало увеличиваться число пациентов из благополучных средне- и высокодоходных семей, алкоголизм в которых носит скрытый латентный характер, такие больные обычно не обращаются к медицинским работникам за специфическим лечением своей зависимости, боясь общественной огласки, хотя сведения о лечении таких больных являются медицинской тайной и строго охраняются федеральным законодательством. Однако основная часть пациентов — представители низкодоходных рабочих специальностей, а причины их алкоголизации эксперт связывает с тем, что люди из-за многолетней депрессивной социально-экономической ситуации в регионе теряют всякую надежду на достойное существование и начинают пить чаще от безысходности, от осознания жизненного тупика, потери надежд на светлое будущее.

Еще один участник социологического исследования, врач-реаниматолог Республиканской клинической больницы скорой медицинской помощи (стаж работы — 18 лет) в качестве негативных последствий алкоголизации населения региона отметил высокую смертность от суррогатного алкоголя. Эксперт считает, что вследствие низких доходов местное население не может позволить себе купить алкогольные напитки промышленного производства, а употребляет различные суррогаты, что вызывает тяжелые отравления, вплоть до летальных исходов. Врач отметил, что только за 2022 г. от суррогатного алкоголя умерли 138 человек. Выжившие надолго остаются нетрудоспособными, некоторые даже получают группу инвалидности, а государство несет большие расходы по лечению и реабилитации таких больных.

Алкоголизации населения Республики Бурятия способствуют не только социально-экономические факторы, но и активная пропаганда употребления алкоголя. Интересна позиция еще одного эксперта — психиатра-нарколога, сотрудника Центра общественного здоровья и медицинской профилактики им. В.Р. Бояновой (стаж работы — 25 лет). По ее мнению, в регионе необходимо системно и повсеместно бороться с пропагандой употребления алкоголя. Прежде всего модель потребления алкоголя формируется в семье, причем с самого раннего детского возраста. Так, в бурятских семьях принято широко отмечать первый

год рождения ребенка — «милан», праздник, на который приглашаются все родственники и друзья семьи. Посмотрите, например, фотоотчеты с таких праздников в социальных сетях — столы ломятся от алкогольных напитков, на празднике присутствует много детей разных возрастов. Также эксперт осудила производство и потребление такого, казалось бы, безопасного, на первый взгляд, напитка, как детское шампанское, которое тоже формирует толерантное отношение к алкоголю у совсем маленьких детей. Эксперт-профилактиолог отметила, что Бурятия за последние годы стала очень привлекательна для посещения туристами, однако предприниматели, работающие в индустрии туризма, ради личной наживы широко привлекают клиентов спиртными напитками. Так, в программу чрезвычайно популярного у местного населения и туристов из других стран и регионов выездного тура к староверам Тарбагатайского района, по данным туристического сайта, помимо стандартных экскурсий в Музей культуры и быта староверов Забайкалья и древлеправославную церковь входит обед (ужин) с дегустацией блюд старообрядческой кухни и приготовленного кустарным способом самогона. Опрошенный эксперт также отметила недопустимость использования алкоголя для привлечения туристов на Байкал. В частности, эксперт считает, что целесообразно запретить использование бренда «Байкал» в качестве наименований алкогольных напитков.

За последнее время эксперты отметили возрастание доступности алкоголя, чему во многом способствовало появление крупных федеральных алкомаркетов в Республике Бурятия — сети магазинов «Бристоль» и «Красное и белое». Эти заведения массово открылись в столице региона г. Улан-Удэ практически на каждой улице, а цены на алкогольную продукцию в них значительно ниже, чем в магазинах местных розничных сетей. Помимо этого, в федеральных алкомаркетах по низким ценам продается широкий ассортимент популярных у детей и молодежи чипсов, снеков, шоколадных батончиков, фасованных орехов. Пользователи социальной сети «ВКонтакте» возмущены тем, что школьники заходят в такие магазины за данной продукцией и с любопытством разглядывают красивые бутылки с различными алкогольными напитками. Именно таким образом, по мнению экспертов и населения, формируется интерес и толерантное отношение к алкоголю с раннего возраста.

## **Заключение**

Таким образом, проведенное исследование показало, что алкоголизация населения Республики Бурятия — актуальная проблема современности, затронувшая все слои общества и представляющая реальную угрозу национальной безопасности региона. Масштабированию данной проблемы способствует депрессивное социально-экономическое положение региона, низкий уровень и качество жизни населения, высокие показатели безработицы и закредитованности, высокий уровень стрессовой нагрузки, обусловленный пандемией и обострением геополитических противоречий. Эффективное решение проблемы снижения потребления алкоголя возможно путем интеграции всех уровней власти, медицин-

ского сообщества, общественных организаций. Необходим постоянный мониторинг и анализ ситуации с применением современных социологических методов.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белова Ю. Ю. Алкоголизация населения как угроза национальной безопасности России: социальные последствия и их влияние на реализацию национальных интересов Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 278–282.

Гордеева С. С. Социально-политические факторы злоупотребления алкоголем населением современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 73–75.

Дагбаева С. Д. Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2019. № 4. С. 38–42.

Дондоков З. Б.-Д., Убонова Д. З. Исследование экономики Республики Бурятия как проблемного региона // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 47–55.

Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. М. : Общественная палата РФ ; Комиссия по соц. и демогр. политике ; Общественный совет ЦФО, 2009. 83 с.

Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14, № 5. С. 318–336. DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336

Лебедева-Несевря Н. А., Гордеева С. С. Потребление алкоголя как фактор риска здоровью населения регионов России в «докризисный» и «кризисный» периоды (2017–2022 гг.) // Анализ риска здоровью. 2023. № 2. С. 17–29.

Одинокова В. А. Теоретическое и эмпирическое определение проблемного потребления алкоголя // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 59–63.

### REFERENCES

Belova, Yu. Yu. (2012). Alcoholization of the population as a threat to the national security of Russia: social consequences and their impact on the realization of national interests of the Russian Federation. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 1, 278–282. (In Russ.).

Gordeeva, S. S. (2013). Socio-political factors of alcohol abuse by the population of modern Russia. *Theory and practice of social development*, 5, 73–75. (In Russ.).

Dagbaeva, S. D. N. (2019). Territorial problems of social infrastructure development. *Fundamental Research*, 4, 38–42. (In Russ.).

Dondokov, Z. B.-D., Ubonova, D. Z. (2022). The study of the economy of the Republic of Buryatia as a problem region. *Bulletin of the Buryat State University. Economics and management*, 4, 47–55. (In Russ.).

*Alcohol abuse in the Russian Federation: socio-economic consequences and countermeasures* (2009). Moscow: Public Chamber of the Russian Federation; Commission on Social and Demographic Policy; Public Council of the Central Federal District. (In Russ.).

Ivanova, S. N., Tulokhonov, A. K. (2022). Social sustainability of the territories of Asian Russia. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 14(5), 318–336. (In Russ.). doi: 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336

Lebedeva-Nesevrya, N. A., Gordeeva, S. S. (2023). Alcohol consumption as a health risk factor for the population of Russian regions in the “pre-crisis” and “crisis” periods (2017-2022). *Health Risk Analysis*, 2, 17–29. (In Russ.).

Odinokova, V. A. (2014) Theoretical and empirical definition of problematic alcohol consumption. *Theory and practice of social development*, 10, 59–63. (In Russ.).

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

Елена Юрьевна Башкуева — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Yelena Yu. Bashkueva — Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Regional Economic Studies of Buryat Scientific Center of the RAS Siberian Branch, Ulan-Ude, Russia

Статья поступила в редакцию 21.10.2023;  
одобрена после рецензирования 05.11.2023;  
принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 21.10.2023;  
approved after reviewing 05.11.2023;  
accepted for publication 10.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.334.52

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-06

## Социальные противоречия малых территорий Вологодской области: методика оценки

Елена Олеговна Смолева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия;  
riolenas@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>

**Аннотация.** Актуальность исследования обусловлена привлечением внимания к качеству жизни населения, которое напрямую связано с качеством и комфортностью места проживания. От качества городской среды зависит конкурентоспособность муниципальных образований, их устойчивое развитие. Однако малые территории России характеризуются наличием ярко выраженных социальных противоречий, негативными процессами, препятствующими их развитию. Целью статьи является создание экспресс-методики оценки состояния городской среды на малых территориях для выработки правильных стратегий управления. Методологическая составляющая работы посвящена вопросам оценки положения малых территорий и их типологии. В качестве информационной базы исследования выступили официальные данные Росстата, База данных показателей муниципальных образований, объективные показатели Индекса качества городской среды за 2018–2022 гг., база данных по развитию малого и среднего бизнеса за 2021 г., социологического опроса населения Вологодской области ( $n = 1500$ ; ошибка выборки не превышает 5%). Для формирования методики экспресс-оценки выбрано 10 малых городов региона. В результате исследования определены муниципальные образования Вологодской области с благоприятной и неблагоприятной городской средой, выявлены проблемные зоны, в том числе связанные с демографическими процессами. Объективные характеристики малых городов региона дополнены мнением горожан о деятельности по их улучшению и развитию городской среды. Сделан вывод, что показатели экспресс-методики необходимо дополнять исследованиями территорий с учетом развития институциональной среды и активности местных сообществ, возможностей коллаборации различных акторов в решении социальных противоречий малых городов.

**Ключевые слова:** социальные противоречия, регион, городская среда, оценка качества городской среды, качество жизни, методика оценки

**Финансирование:** исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества»).

**Для цитирования:** Смолева Е. О. Социальные противоречия малых территорий Вологодской области: методика оценки // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 91–107. doi: 10.14258/ssi(2023)4-06.

## Social Contradictions of Small Territories of the Vologda Oblast: Assessment Methodology

Elena O. Smoleva

Vologda research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia;  
riolenas@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>

**Abstract.** The relevance of the study is due to the growth of the urban population, for whom the quality of the place of residence is of paramount importance. The quality and comfort of the environment determine the competitiveness of municipalities, their sustainable development. However, small territories of Russia are characterized by the presence of pronounced social contradictions, negative processes that hinder their development. The purpose of the research stage is to create an express methodology for assessing the state of affairs in small territories in order to develop the right management strategies. The methodological component of the work is devoted to the assessment of the situation of small territories and their typologies, data on domestic assessment systems are provided. The information base of the study: official data of Rosstat, a database of indicators of municipalities, objective indicators of the Urban Environment Quality Index for 2018–2022, data on the development of small and medium-sized businesses for 2021, a sociological survey of the population of the Vologda Oblast (n = 1500; sampling error does not exceed 5%). 10 small towns of the region were selected to form the rapid assessment methodology. The Vologda Oblast municipalities with favorable and unfavorable urban environment have been identified, problem areas, including those related to demographic processes, have been identified. Objective characteristics of small towns in the region are supplemented by the opinion of citizens on the activities for their improvement and development of the urban environment. It is concluded that the indicators of the express methodology should be supplemented with studies of territories, taking into account the development of the institutional environment and the activity of local communities, the possibilities of collaboration of various actors in solving the social contradictions of small towns.

**Keywords:** social contradictions, region, urban environment, urban environment quality assessment, quality of life, assessment methodology

**Financial Support:** the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-01587 “Overcoming social contradictions of small territories: participation of the local community”.

**For citation:** Smoleva, E.O. (2023). Social Contradictions of Small Territories of the Vologda Oblast: Assessment Methodology. *Society and Security Insights*, 6(4), 91–107. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-06.

Развитие современных обществ происходит в условиях продолжающейся урбанизации, роста различий между регионами в рамках одной страны, депопуляции малых территорий. В мире сформировался тренд на городское развитие, наращивание экономического и демографического потенциалов территорий, создание комфортной городской среды, вовлечение в эти процессы различных

акторов, в том числе населения. Но в фокусе внимания, следовательно, и в выигрышном положении с точки зрения привлечения ресурсов, находятся крупные и крупнейшие города. Если для крупнейших городов стратегии развития связаны с реновацией промышленных объектов (Москва, Санкт-Петербург), проведением масштабных культурных или спортивных событий (Сочи, Казань), то к малым городам зачастую трудно применить термин «стратегия развития», так как скорее в них реализуются стратегии выживания, стратегии адаптации к негативным демографическим процессам и социальным противоречиям, понижающим все сферы жизни небольшого города.

При этом малые территории вносят свой вклад в экономическое, культурное развитие страны, сохранение территориального единства и безопасности государства. По данным переписи населения 2020 г., 72% городов России являлись малыми городами, в которых проживало около 16 млн чел.<sup>1</sup>

Проблема развития малых территорий в последние пять лет входит в повестку многочисленных научных и экономических форумов, заседаний экспертных групп. В 2017 г. было инициировано создание Экспертного совета по малым территориям, в задачи которого входили разработки стратегий развития и сохранения малых территорий, продвижение их интересов в публичной сфере и в органах региональной и федеральной власти. Особая роль малых территорий прослеживается и в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

При оценке необходимости сохранения малых территорий выдвигаются смыслы пространственной связанности, безопасности приграничных территорий, локальной идентичности, социокультурных ценностей, ценностей места и плотности горизонтальных связей (Гулько, 2019: 18). В пользу сохранения и развития малых территорий говорят и современные тренды на дезурбанизацию и экологичность, гражданскую активность местных сообществ, локальный урбанизм, возрастание интереса к ремеслу и возрождение народных промыслов, изменение потребительского поведения в сторону покупки фермерских продуктов. Яркими примерами успешных практик является сообщество деятельных людей Ярославской области #счастливые, проведение фестивалей «Голос ремесел» (Вологда).

В настоящее время стратегии развития малых городов в основном связывают с их вхождением в агломерации (Малые города России..., 2020), но ввиду большой пространственной протяженности даже в пределах региона этот подход будет касаться лишь ограниченного числа локальных территорий. Представляется логичным распределение малых территорий по наличию или отсутствию потенциала развития и соответственно требующих различного вида поддержки со стороны государства. В связи с этим актуализируются новые подходы для оценки состояния и развития малых городов, которые будут включать как объективные показатели, характеризующие состояние социально-экономической сферы, так

<sup>1</sup> Итоги ВПН-2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Росстат. 2021. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1\\_Chislennost\\_i\\_razmeshchenie\\_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya) (дата обращения 10.08.2023).

и субъективные оценки населением качества жизни, оценки инициативности и вовлеченности местного сообщества, их взаимодействия с властью и бизнесом при решении вопросов городского развития.

Современная исследовательская оптика не позволяет выявить в полном объеме общие закономерности, касающиеся характеристик и перспектив развития малых территорий. Например, для малых городов не рассчитываются значения Индекса устойчивого развития.

С учетом сказанного выше цель данного исследования — апробация методики экспресс-оценки состояния социально-экономической и социокультурной среды для выработки возможных стратегий развития малых территорий на примере малых городов Вологодской области.

### **Теоретико-методологические основы исследования**

Концепт социальных противоречий попадал в фокус внимания общественных наук благодаря обоснованию его роли в общественном развитии, которая трактовалась двояко: в качестве необходимого условия развития или фактора, угрожающего развитию общества. Сущность социальных противоречий заключалась в борьбе социальных групп за ценностные предпочтения, власть, ресурсы, социальные статусы и т.д. Социальные противоречия, доведенные до уровня конфликта, рассматривались как фактор укрепления слабо структурированной группы, причина повышения гражданской активности отдельных членов общества (Э. Гидденс, Л. Козер).

Происходящие с 90-х гг. прошлого века трансформации российского общества получили отражение в исследованиях сущности и проявлений социальных противоречий в работах З. Голенковой, Г. Осадчей, Т. Заславской, Н. Лапина, В. Ядова и др. Ученые пришли к заключению о смене социальных групп, включающихся в борьбу в результате повышения значимости противоречий нематериальной природы. Классовые противоречия сменились формированием социальных противоречий, но при этом остается значимым вклад социальных противоречий в стимулирование диалога (Шершнева, 2016), что представляет основу для консолидации и интеграции местного сообщества. С этой точки зрения дополнительной парадигмой в исследовании малых территорий может стать социопространственный подход, ориентированный, в отличие от геопространственного, на изучение не населения, а именно местных сообществ, которые проявляют особую субъектность в решении социальных противоречий (Пространственное развитие..., 2020).

Малые территории, с одной стороны, играют значимую роль для развития экономики, сохранения государственности и национальной безопасности России. С другой стороны, характеризуются усилением социальных противоречий по сравнению с большими и крупными городами. В связи с этим был проведен ряд комплексных исследований, направленных на изучение проблем малых городов в современной России. Следует отметить комплексное исследование, проводимое в 2019–2021 гг. сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН, результаты которого представлены в монографиях «Малые города в социальном пространстве

России» и «Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики». Основное внимание в научной работе уделено выделению наиболее актуальных проблем развития малых российских городов, изучению отечественного и зарубежного опыта оздоровления малых городов, выработке рекомендаций по погашению негативных тенденций. Центром городской экономики ООО «КБ Стрелка» в 2021 г. было проведено обширное исследование развития малого и среднего бизнеса в малых городах России, по итогам которого составлен рейтинг территорий. В него вошли 1117 городов. На изучение проблем экономического развития и связанных с ним вопросов местного самоуправления, вовлечения населения региона в решение социальных противоречий на примере Вологодской области и других регионов СЗФО направлены научные работы сотрудников Вологодского научного центра РАН (Ускова, Секушина, 2021; Ворошилов, 2022; Уханова, 2023).

Особенностью социальных противоречий малых территорий является то, что они проявляются при сравнении с жизнью в крупных городах (М. К. Горшков, П. М. Козырева, Н. Е. Тихонова, М. Ф. Черныш, Н. Е. Покровский и др.). Внутренние противоречия (например, социальное неравенство) не так ярко выражено в малых городах, так как в них отсутствуют кварталы с элитным жильем, дорогие рестораны, бутики с элитными товарами. При сравнении качества жизни, жизненных возможностей в больших городах население малых территорий осознает, что уровень жизни, социально-экономическая сфера места проживания не соответствует повышенным витальным потребностям. Для снятия противоречий между потребностями и возможностями их удовлетворения применяются различные адаптационные стратегии. Молодежь, трудоспособное население включается в миграционные процессы. В то же время велика вероятность, что население малых территорий реализует адаптационный сценарий снижения потребностей и ожиданий, что приводит к уменьшению фрустрации (Смолева, 2023).

Эмпирические исследования социальных противоречий и экспертное мнение по рассматриваемой проблеме совпадают при выделении основных групп противоречий:

- угрозы демографического развития (депопуляция и старение населения);
- проблемы экономического развития (низкий уровень производства на душу населения);
- проблемы в сфере занятости (отсутствие рабочих мест, низкоквалифицированная работа);
- ограничения социальных сфер (здравоохранения, образования, культуры и т.д.), вследствие чего понижается качество человеческого капитала, ухудшается качество жизни;
- жилищные условия населения, разрушение жилищно-коммунальной и технической инфраструктуры;
- качество городской среды.

Отсутствие рабочих мест и более низкий уровень по сравнению с большими городами оплаты труда приводят к низким реальным душевым доходам, а отсутствие инвестиций в экономику и развитие городской среды ухудшают качество

жизни. Для разрешения существующих социальных противоречий малых территорий необходима разработка специальных стратегий. Поскольку при стратегическом планировании важно выявить общие закономерности социально-экономической и социокультурной среды, встает задача типологизации малых городов. В качестве основания для типологии исследователями выдвигаются демографические, экономические и территориальные показатели.

1. В рамках стратегии агломерации России выделено три пояса расселения (рядом с большим городом / вхождение в агломерацию, местный центр, обеспечивающий региональные связи, местный социально-экономический и культурный центр) (Малые города..., 2020).
2. В рамках концепции накопленного экономического потенциала и его развития выделяют два типа: территории с высоким потенциалом построения новой экономики и территории дожития с низким потенциалом построения новой экономики<sup>1</sup>.
3. В рамках демографических концепций выделяют территории с растущим населением в результате естественного прироста; территорий с растущим населением в пригородах крупных городов и территорий сжатия (с сокращающимся населением) (Гулько, 2020).
4. По экономическому профилю и положению в системе расселения малые города подразделяются на: «аграрные и лесопромышленные; добывающие (сырьевые); индустриальные; транспортные; туристические; неспециализированные; диверсифицированные» (Ускова, Секушина, 2021: 66).

### Методика исследования

В качестве региона для апробации методики экспресс-оценки состояния социально-экономической и социокультурной среды малых территорий с целью выработки возможных стратегий развития была выбрана Вологодская область, в которой 46% населения проживают вне крупных городов<sup>2</sup>.

«Малые территории» и «малые города» являются условными категориями. Обычно в России под этой категорией подразумеваются города с численностью населения меньше 50 тысяч человек. К малым территориям относят также села, поселения городского типа и другие населенные пункты с малой численностью населения. Для формирования методики экспресс-оценки нами выбрано 10 малых городов Вологодской области.

Из социальных противоречий нами были выбраны проблемы демографической сферы, данные о развитии малого и среднего бизнеса (МСБ) и о развитии комфортной городской среды.

Информационную базу исследования составили официальные данные Росстата, База данных показателей муниципальных образований, данные социологи-

<sup>1</sup> Стратегическое развитие малых поселений: проблемы и решения // Экспертный совет по малым территориям. 2019. URL: <http://econ.krskstate.ru/dat/File/11/SSERMO/Strategicheskoe%20razvitiye%20malih%20poseleniy.pdf> (дата обращения 10.08.2023).

<sup>2</sup> Итоги ВПН-2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Росстат. 2021. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1\\_Chislennost\\_i\\_razmeshchenie\\_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya) (дата обращения 10.08.2023).

ческого опроса населения Вологодской области, использованы также результаты рейтинга городов России по Индексу качества городской среды за 2018–2022 гг., который формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, рейтинга малых городов России по развитию малого и среднего бизнеса за 2021 г., разработанного ООО «КБ Стрелка» (Бизнес в городе..., 2021), данные Атласа городов России, ранжированных по показателям Индекса социально-экономического развития, составленного научным коллективом под руководством Д. Ю. Землянского (Землянский и др., 2020).

Субъективные оценки состояния социально-экономической сферы, городской среды и мнение о деятельности различных акторов по решению социальных противоречий получены с помощью социологического опроса населения Вологодской области, проведенного методом анкетирования (объем выборки — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше, из них население территорий — 697 человек; ошибка выборки не превышает 5%).

## Результаты исследования

### Демографические противоречия

В 2022 г. общие коэффициенты, характеризующие изменения численности населения в малых городах Вологодской области, отражали картину убыли населения. В соответствии с подходом М.С. Гунько с коллегами, которые определяли города сжатия при помощи количественного критерия снижения примерно 1% в год, на базе доступной статистики по численности населения малых городов Вологодской области за 2012 и 2022 гг. можно отнести к сжимающимся территориям Устюжну (убыль 12,6% населения; рис. 1) и Белозерск (убыль 13,6% населения).



Рисунок 1 — Динамика численности населения малых городов Вологодской области, %.

Figure 1 — Population dynamics of small towns in the Vologda Oblast, %.

Динамика показателей миграционного прироста в малых городах Вологодской области свидетельствует о наличии интересных моментов в миграционных потоках. Во времена пандемии COVID-19 в связи с переходом на дистанционный режим работы и учебы могла наблюдаться картина притока людей обратно в малые города из мест учебы или работы в крупных городах, но, скорее всего, мы не сможем увидеть этот факт, так как он не получил должного отражения в статистических показателях. При этом есть ряд населенных пунктов, для которых число прибывших за год чаще всего превышает число убывших. Это относится к городам Вытегра, Бабаево и Грязовец, причем эти города характеризуются невысокими значениями показателя развития городской среды (табл.). А вот из городов с благоприятной городской средой (Белозерска и Сокола) население постоянно мигрирует. Чаще всего фиксируется внутрорегиональная миграция. Как позитивный факт следует отметить, что особенностью миграции в Бабаево в 2019–2021 гг. является прибытие населения трудоспособного возраста.

Таблица 1.

Table 1.

Динамика показателя миграционного прироста  
в малых городах Вологодской области

Dynamics of the migration growth indicator in small towns of the Vologda Oblast

Город	Население на 1 января 2022 г.	Общий коэффициент естественного прироста населения, промилле, 2022 г.	Миграция, чел.				
			2018	2019	2020	2021	2022
Кириллов	7 776	-11,4	58	25	-68	-33	29
Кадников	5 151	-8,4	-8	2	-14	-27	-17
Устюжна	8 132	-14,8	-32	7	-47	-10	-33
Вытегра	10 063	-4,5	18	-73	42	73	9
Никольск	7 906	-5,3	-23	-38	83	-4	25
Грязовец	14 829	-9,5	81	74	136	-1	82
Сокол	35 671	-6,5	-91	-44	-47	53	-72
Белозерск	8 688	-9,5	-39	-28	-46	-53	-42
Тотьма	9 587	-9,4	-46	37	31	-11	38
Бабаево	11 513	-7,6	-16	144	54	81	5

По развитию демографической ситуации основной особенностью является миграция молодежи и трудоспособного населения в крупные города (сначала региональные центры, далее — Москву и Санкт-Петербург), чаще уезжает молодежь с целью получить среднее специальное и высшее образование. Характеристики населения малого города смещаются в сторону более возрастных, наблюдается

снижение человеческого капитала, что не способствует решению социальных противоречий.

Все малые города региона характеризуются наличием демографических проблем. Сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия» показывает, что в период с 2010 г. до 2018 г. численность населения увеличилась только в 20,8% муниципальных образований России, тогда как в остальных — сократилась, причем в 11,4% МО — в среднем более чем на 2% за год, то есть темпами, которые в демографической науке считаются критическими, ведущими к фактическому обезлюдению территории уже в среднесрочной перспективе. Исследователи приходят к выводу, что начавшаяся в 2018 г. убыль населения России, скорее всего, усилит дифференциацию территорий страны по динамике численности населения, причем примерно в равной степени как за счет процессов естественного движения, так и за счет миграционных потоков. Для МО, которые имеют в своем составе малые города (с численностью населения до 50 тыс. чел.), более острой проблемой, как показывает анализ за период 2010–2016 гг., является миграционный отток населения (Малые города..., 2020: 67–68).

#### ***Социально-экономические противоречия***

Д.Ю. Землянским с коллегами был составлен Атлас городов России, ранжированных по показателям Индекса социально-экономического развития. Данные для его расчета были взяты за 2016–2018 гг. В этот период в соответствии с расчетами малые города региона относились к двум категориям:

- 0,45–0,55: Белозерск, Сокол, Тотьма;
- 0,25–0,45: Вытегра, Грязовец, Кадников, Кириллов, Никольск, Устюжна (Землянский и др., 2020).

Посмотрим, какие изменения происходили в период с 2018 г. в социально-экономическом положении малых городов Вологодской области на примере индекса качества городской среды, который рассчитывается по методике Минстроя и КБ «Стрелка» (табл. 2). Согласно данным Минстроя, в 2018 г. интегральные показатели состояния городской среды во всех 10 городах, включенных в анализ, были ниже 180 баллов. Таким образом, среда оценивалась как неблагоприятная. В 2022 г. три города по объективным показателям характеризуются благоприятной средой: Тотьма (213 баллов), Сокол (201 балл) и Белозерск (193 балла), при этом в Тотьме все шесть субиндексов, задействованных в методике, набирают больше половины от максимального количества баллов. В Белозерске только половина сфер соответствует нормативным показателям благоприятного развития, а это свидетельство того, что есть определенные перекосы в городском развитии, когда отдельным сферам уделяется повышенное внимание. Еще три города (Кадников, Устюжна и Грязовец) характеризуются показателем в 180 баллов, что говорит о перспективах их вхождения в перечень городов с благоприятной средой развития.

В 2022 г. низкие оценки качества городской среды (меньше половины от максимального количества баллов), которые можно интерпретировать как неблагоприятную

гоприятную обстановку, набрали малые города Бабаево (169 баллов), Вытегра (178 баллов), Никольск (166 баллов), Кириллов (177 баллов). Отдельно отметим Никольск и Бабаево, для которых только два показателя качества городской среды достигли значения больше половины от максимального количества баллов.

Таблица 2.

Table 2.

Динамика индекса качества городской среды  
в малых городах Вологодской области

Dynamics of the urban environment quality index in small towns of the Vologda Oblast

Город	Индекс качества городской среды / количество показателей, по которым набрано больше половины от максимального количества баллов				
	2018	2019	2020	2021	2022
Кириллов	141 / 1	151 / 1	155 / 1	163 / 2	177 / 3
Кадников	149 / 1	162 / 1	169 / 2	171 / 2	180 / 3
Устюжна	150 / 1	160 / 3	175 / 3	179 / 3	180 / 3
Вытегра	136 / 0	149 / 1	165 / 3	176 / 3	178 / 3
Никольск	126 / 0	143 / 1	148 / 1	162 / 1	166 / 2
Грязовец	133 / 0	168 / 2	175 / 3	177 / 2	180 / 3
Сокол	171 / 3	192 / 4	188 / 3	191 / 3	201 / 4
Белозерск	165 / 3	165 / 4	174 / 3	179 / 3	193 / 3
Тотьма	167 / 2	172 / 4	180 / 3	192 / 4	213 / 6
Бабаево	119 / 0	148 / 1	148 / 1	162 / 2	169 / 2

В целом по направлениям оценки городской среды можно выделить неблагоприятную обстановку с развитием социально-досуговой инфраструктуры, так как 80% городов из списка демонстрируют низкие показатели ее развития (табл. 3). Более половины малых городов (60%) характеризуются низкими показателями развития общественно-деловой инфраструктуры (Бабаево, Белозерск, Грязовец, Кириллов, Никольск, Сокол). К проблемам городов Грязовец, Никольск, Устюжна добавляется ситуация с улично-дорожной сетью и озеленением территорий. В городах Вытегра, Кадников, Никольск отмечается неразвитость общегородских пространств.

По данным опроса глав и руководителей администраций всех малых городов Вологодской области, программы по благоустройству и формированию комфортной городской среды реализуются, и 75% опрошенных считает их эффективными (Ускова, Секушина, 2021: 63).

По результатам исследования малых городов России был сделан вывод, что крупный бизнес не нацелен на развитие малых территорий, а у среднего и мало-

го бизнеса не хватает влияния и заинтересованности для решения вопросов. Но в перспективе именно малый и средний бизнес будут выигрывать от развития городской среды, поэтому их необходимо активнее вовлекать в процессы городского развития. Следовательно, необходимо проанализировать данные этого сегмента бизнеса. Согласно методике мы выбрали данные по Индексу развития малого и среднего предпринимательства в малых городах Вологодской области. К группе малых городов с достаточным количеством МСП (более 30 шт. на 1000 жителей) и наличием условий для дальнейшего развития относятся Бабаево, Сокол, Тотьма, Устюжна. Белозерск и Вытегра входят в группу городов, в которых много предприятий малого и среднего бизнеса, но недостаточные условия для развития. В Грязовце, Кадникове, Кириллове пока еще недостаточно развит малый и средний бизнес (МСП менее 30 шт. на 1000 жителей), но есть условия для дальнейшего развития. С точки зрения развития малого и среднего бизнеса наиболее невыигрышно смотрится Никольск, в котором мало предприятий МСП (менее 30 шт. на 1000 жителей) и условий для дальнейшего развития недостаточно.

Таблица 3.

Table 3.

Сведения о муниципальных образованиях с неблагоприятной городской средой, данные Минстроя по Вологодской области за 2022 г.

Information about municipalities with an unfavorable urban environment, data of the Ministry of Construction for the Vologda Region for 2022

Наименование показателя	Кол-во городов с показателем, составляющим меньше половины от максимального количества баллов (ед. / процент от общего числа)	Города
Жилье	4 / 40	Бабаево, Белозерск, Кириллов, Кадников
Улично-дорожная сеть	4 / 40	Бабаево, Грязовец, Никольск, Устюжна
Озеленение	3 / 30	Грязовец, Никольск, Устюжна
Общественно-деловая инфраструктура	6 / 60	Бабаево, Белозерск, Грязовец, Кириллов, Никольск, Сокол
Социально-досуговая инфраструктура	8 / 80	Бабаево, Белозерск, Вытегра, Грязовец, Кириллов, Никольск, Сокол, Устюжна
Общегородское пространство	3 / 30	Вытегра, Кадников, Никольск

Источник: индекс качества городской среды. URL: [https:// индекс-городов.рф /#/](https://индекс-городов.рф/#/)

Итак, мы определили, что для малых территорий Вологодской области характерны проявления социальных противоречий в виде демографических и социально-экономических проблем.

Сопоставим объективные показатели социально-экономического развития малых территорий региона с оценками населения. По данным социологических опросов, жители малых городов достаточно неплохо оценивают обеспеченность населения услугами связи (76% оценивают как удовлетворительное и хорошее; табл. 4), доступность и качество услуг сферы образования (73%), здравоохранения (63%) и культурно-досуговой сферы (65%). Более половины респондентов считают, что в их месте проживания неудовлетворительно обстоят дела с материальным благосостоянием населения (54%), что связано с проблемами занятости населения и возможности трудоустройства (51%). Практически каждый второй житель указывает на плохое положение с обеспеченностью населения жильем (49%) и сферой жилищно-коммунального обслуживания (46%).

Таблица 4.

Table 4.

Оценки населением сфер развития муниципальных образований Вологодской области, %

Estimates by the population of the spheres of development of municipalities of the Vologda oblast, %

Наименование показателя	Очень плохое, плохое	Удовлетворительное	Хорошее
Доступность и качество услуг сферы образования	27	63	10
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	37	55	8
Занятость населения и возможности трудоустройства	51	43	6
Материальное благосостояние населения	54	40	6
Обеспеченность населения жильем	49	45	6
Жилищно-коммунальное обслуживание	46	47	7
Развитие культурно-досуговой сферы	35	53	12
Экономическое развитие	41	52	7
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	34	58	8
Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)	24	64	12

Примечание. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, положение вашего муниципального образования по нижеследующим параметрам».

Таким образом, на малых территориях выявляется целый спектр проблем, которые требуют грамотного подхода с точки зрения управления территорией. Но кто, по мнению населения, заинтересован и должен решать существующие проблемы? Традиционно ответственность за развитие города его жители возлагают на органы власти, полагая, что влияние оказывают региональные органы управле-

ния (62%; рис. 2), местного самоуправления (58%) и федеральные (53%). Значительно меньше число респондентов, которые отмечают влияние главы муниципально-го образования (29%). Только каждый пятый житель малых территорий считает, что городское развитие определяется и его жителями (29%). По мнению местного населения, на развитие города практически не оказывают влияние ни частный бизнес (только 6% респондентов отметили его вклад), ни общественные организации (соответственно 4%). Таким образом, органы власти в глазах местного населения остаются единственными заметными фигурами в городском развитии.



Рисунок 2 — Оценки влияния различных акторов на развитие малых городов, %.

Figure 2 — Estimates of the impact of various actors on the development of small towns, %.

Примечание. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?»

Население малых городов региона ожидает, что деятельность органов местного самоуправления будет направлена на смягчение социальных противоречий. А именно практически каждый второй житель считает, что решения местной власти должны касаться вопросов регулирования роста цен на ЖКХ (50% опрошенных; рис. 3), капитального ремонта жилых домов (48%), решения вопросов занятости населения (47%). На местные власти достаточно часто возлагают решение проблем, связанных с ремонтом дорог (41%) и повышением качества социального обслуживания (40%).

Хотя, как мы видели из анализа индекса развития городской среды, в большинстве рассмотренных малых городов (78%) не развита социально-досуговая инфраструктура, лишь 14% населения считает, что местная власть должна прилагать усилия в этом направлении.

В анализе активности акторов и стейкхолдеров можно отметить интересный факт: только 6% респондентов считают, что местные власти должны привлекать к развитию территорий их жителей. Хотя, казалось бы, уже имеется достаточно

примеров вовлечения жителей Вологодской области в создание комфортной городской среды. В регионе получили распространение практики градостроительных советов при Губернаторе Вологодской области, реализация федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» и регионального проекта «Народный бюджет».



Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос: «Каких именно решений Вы ожидаете от органов местного самоуправления в Вашем районе, селе или городе в первую очередь?», %.

Figure 3 — Distribution of answers to the question: “What kind of decisions do you expect from local governments in your district, village or city in the first place?”, %.

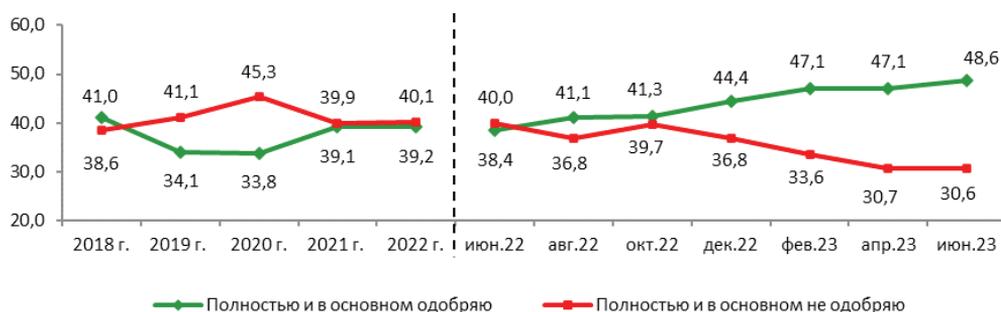


Рисунок 4 — Оценка деятельности главы местной администрации, %.

Figure 4 — Assessment of the activities of the head of the local administration, %.

Мы видим, что население малых городов региона возлагает ответственность за развитие территории на власть — региональную и местную. При наличии множества социальных противоречий власти должны предпринимать немалые усилия по решению социально-экономических проблем. В своих оцен-

как деятельности местных властей население достаточно лояльно. В 2023 г. доля положительных суждений о деятельности глав местных администраций муниципальных округов находится на уровне 47–49%, т.е. приближается к половине (рис. 4). Доля отрицательных отзывов составляет 31–34%. По сравнению с июнем прошлого года удельный вес положительных оценок увеличился с 38% до 49% при одновременном снижении отрицательных оценок с 40% до 31%. Наиболее неблагоприятные суждения о деятельности властей на муниципальном уровне наблюдались в 2019–2020 гг., когда доля негативных отзывов превышала позитивные на 7% и 11% соответственно.

В 2023 г. практически каждый третий житель малых территорий (31%) высказывал одобрение деятельности представительного органа местного самоуправления (рис. 5). Противоположного мнения придерживались 33%. В течение 2018–2022 гг. негативные отзывы преобладали над позитивными, максимальные разрывы в оценках в 10% пришлось на 2019 и 2020 гг.

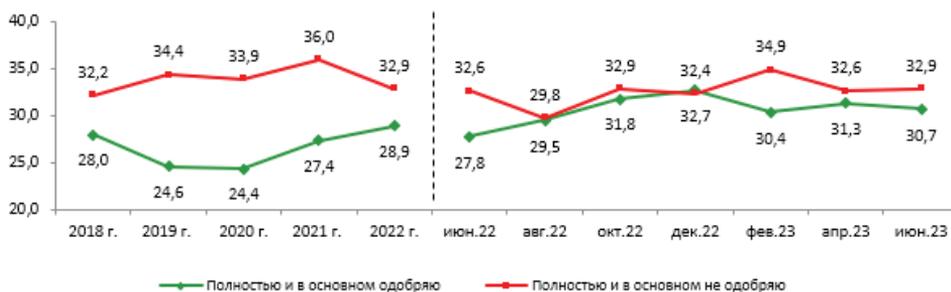


Рисунок 5 — Оценка деятельности представительного органа местного самоуправления, %.

Figure 5 — Assessment of the activities of the representative body of local self-government, %.

В результате проведенного исследования определены общие закономерности в состоянии малых территорий региона. Выявлено наличие общих для большинства территорий проблем социально-экономического и демографического плана. В то же время выявлены различия между малыми территориями, которые могут повлиять на пути разрешения социальных противоречий, отразятся на стратегическом управлении территориями: пути возможного развития или адаптации к существующим социально-экономическим условиям. Таким образом, мы можем оценить состояние дел в малых городах с помощью набора демографических индикаторов и показателей, предоставленных Минэкономразвития и КБ «Стрелка». Для определения индивидуальных особенностей развития территории необходимо дополнить имеющиеся оценки анализом институциональной среды, оценками способности коллаборации бизнеса, власти и местного сообщества для решения социальных противоречий, оценками ценностей местного населения, в том числе привязанности жителей к месту проживания, готовности разделить его идентичность.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бизнес в городе: малое и среднее предпринимательство в городах России. М. : КБ «Стрелка», 2021. 109 с.

Ворошилов Н. В. Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 170–188. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.9>

Гулько М. С., Пивовар Г. А., Аверкиева К. В. Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 5. С. 18–31. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>

Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Махрова А. Г., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. Комплексный индекс социально-экономического развития городов России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 84(6). С. 805–818. <https://doi.org/10.31857/S2587556620060114>

Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина и др. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.

Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин и др. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с.

Смолева Е. О. Психологическое состояние населения региона в кризисные периоды: социально-структурные характеристики // СоцИс. 2023. № 7. С. 40–52.

Ускова Т. В., Секушина И. А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5>

Уханова Ю. В. Межсекторное социальное партнерство как основа развития малых территорий: возможности и риски // Местное право. 2023. № 2. С. 33–42.

Шершнёва О. А. Социальные противоречия сквозь призму диалога цивилизаций // Диалог культур в эпоху глобальных рисков. Минск : РИВШ, 2016. С. 147–151.

## REFERENCES

*Business in the city: small and medium-sized entrepreneurship in Russian cities* (2021). Moscow : KB «Strelka». (In Russ.).

Voroshilov, N. V. (2022). Development of the institution of local self-government in Russia: Problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 170–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.9>

Gunko, M. S., Pivovarov, G. A., Averkieva, K. V. (2019). Renewal of Small Cities in European Russia (Case Study of Borovichi, Vyksa, Rostov). *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 5, 18–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>

Zemlianskii, D. Yu., Kalinovskii, L. V., Makhrova, A. G., Medvednikova, D. M., Chuzhenkova, V. A. (2020). Complex Socioeconomic Development Index of Russian Cities. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 84(6), 805–818. (In Russ.).

<https://doi.org/10.31857/S2587556620060114>

*Small towns of Russia: new challenges, social problems and prospects* (2021) / M. F. Chernysh, V. V. Markin, G. R. Baymurzina, et al. Moscow : FNISC RAN. (In Russ.).

*Spatial development of small towns: social strategies and practices* (2020) / M. F. Chernysh, V. V. Markin et al. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.).

Smoleva E. O. (2023). Psychological state of the population of the region in crisis periods: socio-structural characteristics. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7, 40–52. (In Russ.).

Uskova, T. V., Sekushina, I. A. (2021). Strategic priorities of small and medium towns' development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 56–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5>

Ukhanova, Yu. V. (2023) Intersectoral social partnership as a basis for the development of small territories: opportunities and risks. *Mestnoe pravo*, 2, 33–42. (In Russ.).

Shershneva, O. A. (2016). Social contradictions through the prism of the dialogue of civilizations. In: *Dialogue of cultures in the era of global risks* (pp. 147–151). Minsk : RIVSh. (In Russ.).

#### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Олеговна Смолева — старший научный сотрудник, Центр социокультурных и политических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия.

Elena O. Smoleva — Senior Researcher, Center for Sociocultural and Political Research, Department for Research of the Level and Lifestyle of the Population, Vologda Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023;  
одобрена после рецензирования 28.11.2023;  
принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 22.09.2023;  
approved after reviewing 28.11.2023;  
accepted for publication 28.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 331

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-07

## **Факторы профессионального выгорания учителей как системная управленческая проблема в сфере образования**

Анна Викторовна Столь

Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия, stolav@isi-rb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9528-2893>

**Аннотация.** В статье исследуются факторы профессионального выгорания учителей России и Башкортостана, в том числе на основе опроса, проведенного рабочей группой Института стратегических исследований АН РБ для обсуждения оптимизации нагрузки на педагогов общеобразовательных организаций на Парламентских слушаниях Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан. Рассмотрены факторы выгорания: особенности профессии учителя, неуправляемая и повышенная нагрузка, качество обратной связи (поддержка со стороны администрации, отношения с родителями), отсутствие четкости ролей (изменения требований) и свободы в принятии решений, стаж работы, возраст, гендерный фактор. Сделан вывод: проблема профессионального выгорания связана с системой управления в сфере образования, уровнем оплаты труда, ненормируемой и неконтролируемой нагрузкой, отсутствием профилактики и своевременной помощи, а также в небольшой степени — гендерным фактором. Следовательно, решение вопроса должно носить системный, комплексный характер.

**Ключевые слова:** учитель, профессиональное выгорание, нагрузка, стаж, социологический опрос

**Финансирование:** исследование выполнено в рамках государственного задания Центра изучения социального развития региона Института стратегических исследований АН РБ на 2024–2026 гг.

**Благодарности:** выражаем благодарность учителям Республики Башкортостан, принявшим участие в опросе, Министерству образования и науки Республики Башкортостан за содействие в проведении исследования.

**Для цитирования:** Столь А.В. Факторы профессионального выгорания учителей как системная управленческая проблема в сфере образования // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 108–124. doi: 10.14258/ssi(2023)4-07.

## Factors of Professional Burnout of Teachers as a System Management Problem in the Sphere of Education

Anna V. Stol

Institute for Strategic Studies GBNU Academy of Sciences  
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia,  
stolav@isi-rb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9528-2893>

**Abstract.** The article examines the factors of professional burnout of teachers in Russia and Bashkortostan, including on the basis of a survey conducted by the working group of the Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan to discuss the optimization of the load on teachers of general education organizations at the Parliamentary hearings of the State Assembly — Kurultai of the Republic of Bashkortostan. Burnout factors are considered: features of the teaching profession, uncontrollable and increased workload, quality of feedback (support from the administration, relations with parents), lack of clarity of roles (changes in requirements) and freedom in decision-making, work experience, age, gender factor. It is concluded the problem of professional burnout is associated with the management system in the field of education, the level of wages, non-standardized and uncontrolled workload, lack of prevention and timely assistance, as well as, to a small extent, the gender factor. This means that the solution of the issue should be systemic and complex.

**Keywords:** teacher, professional burnout, workload, length of service, sociological survey

**Financial Support:** the study was carried out as part of the state assignment of the Center for the Study of the Social Development of the Region of the Institute for Strategic Studies of the State Budgetary Institution of the National Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan for 2024–2026.

**Acknowledgement:** we express our gratitude to the teachers of the Republic of Bashkortostan who took part in the survey, the Ministry of Education and Science of the Republic of Bashkortostan for their assistance in conducting the study.

**For citation:** Stol A.V. (2023). Factors of Professional Burnout of Teachers as a System Management Problem in the Sphere of Education. *Society and Security Insights*, 6(4), 108–124. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-07.

### Введение

*Суть явления.* Всемирная организация здравоохранения включила выгорание в факторы, влияющие на состояние здоровья, в Международной классификации болезней в 2019 г., в раздел «Проблемы, связанные с трудоустройством или безработицей»: «выгорание — синдром, ... результат хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось справиться» (МКБ-11. Международная классификация...). Характеризуется чувством истощения; дистанцированностью от работы, чувством негативизма, цинизма по отношению к работе; чувством неэффективности и отсутствия выполненного долга (Выгорание QD85...; Курганова, 2013; Scott, 2022).

*Масштаб и распространение.* Эмоциональное выгорание встречается чаще у тех, чья работа связана с контактом с людьми: врачей, психологов, педагогов,

людей, чья профессия относится к «помогающему» и коммуникативному типу профессий («Мне страшно приходиться на работу»..., 2020; Горина, 2019). Выгорание учителей признано всемирной проблемой (Salmela-Aro, Nietajärvi, Lonka, 2019; Tikkanen et al., 2022). Среди учителей в США 50% рассматривают возможность увольнения, в основном из-за стресса (Addressing Teacher Burnout...). Треть финских учителей испытывают высокий уровень стресса, связанного с работой, имея высокий риск развития эмоционального выгорания (Tikkanen et al., 2022). В России у 75% опрошенных учителей ярко выражены симптомы выгорания, 38% — в острой фазе выгорания (75% российских учителей..., 2020). Это коррелирует с результатами медицинских обследований — у 71% обследованных педагогов в России отмечается хронификация стресса с физиологическими (34%) и эмоциональными (30%) симптомами (Проничева, Булыгина, Московская, 2018).

### **Как проявляется выгорание и его последствия в школе**

Потеря ресурсного состояния и невозможность его восстановить способствует профессиональному выгоранию учителя. Выгорание в любой профессии имеет негативные последствия и для специалиста, и для организации. У человека ухудшаются здоровье и отношения в семье, снижается качество жизни. Последствия в школе: ухудшение социально-психологического климата, снижение успеваемости учащихся, негативное влияние на физическое и психологическое здоровье детей. Могут быть агрессия (Проничева, Булыгина, Московская, 2018), обесценивание успехов учеников; падают эффективность и качество обучения (75% российских учителей..., 2020; Addressing Teacher Burnout...).

Повышенная нагрузка, характер и организация работы способствуют хронизации стресса у учителей. Качество работы людей резко падает после 40 часов в неделю, ухудшая при этом когнитивные процессы, состояние здоровья, увеличивая риски смерти (Stillman, 2021; 2022). Экономические последствия — снижение производительности труда и потери от снижения трудоспособности, текучести кадров; один «выгоревший» сотрудник стоит компании треть его зарплаты (RuBrain, 2020).

Таким образом, масштаб проблемы профессионального выгорания учителей требует решения методами психологии, нейробиологии, здравоохранения, педагогики, экономики, управления персоналом, социологии. Важно и диагностировать проблему, и определить меры по улучшению организации работы в школах, чтобы минимизировать риски выгорания учителей.

### **История вопроса. Обзор литературы**

Герберт Фрейденбергер (Freudenberger) ввел понятие «эмоциональное выгорание». Финские ученые Цоулупас, Дикке, Акса и Яман; Гарсиа-Кармона, Фина Тапп, К. Салмела-Аро, Л. Хьетарви и К. Лонка, Л. Тикканен, К. Хаверинен, К. Пьяхалто, Пьетаринен исследовали различные факторы выгорания учителей. М. С. Московская, В. Г. Булыгина (2018) исследовали гендерный фактор выгорания. Элизабет Скотт, Роджер Хокк исследовали проблему выгорания в США, И. Арвидссон, У. Лео, А. Ларссон и соавт. — в Швеции. В России на тему эмоционального выгорания педагогов писали И. Ю. Курганова (2013), М. М. Проничева

ва (2018), Г.Н. Быкина (2020), Т.В. Горина (2019) и др. Исследования выгорания и стресса проводят также авторские коллективы таких организаций, как Институт Гэллапа (США), компания Яндекс (РФ), Высшая школа экономики (РФ) и др.

### **Цель и методы исследования**

Цель — анализ проблемы профессионального выгорания учителей Республики Башкортостан. Задачи: 1) информирование о наличии проблемы выгорания, выявленной в ходе проведенного социологами Института стратегических исследований Республики Башкортостан в марте 2022 г. социологического опроса учителей республики, 2) обсуждение видов его проявления и негативных последствий, 3) анализ факторов, способствующих распространению этой проблемы, 4) обсуждение вариантов профилактики профессионального выгорания учителей.

### **Методы исследования**

Теоретические (контент-анализ) и эмпирические (социологический опрос). Опрос учителей в школах столицы Республики Башкортостан г. Уфы, других городов региона, центров муниципальных образований и сел проведен в 2022 г. в рамках подготовки парламентских слушаний по вопросу «Проблемы нормативно-правового обеспечения профессиональной деятельности в республиканской системе образования» в республике (Егорышев, 2023). На основе ответов респондентов анализируются как организационные факторы — нагрузка, требования к учителям, так и индивидуальные — возраст и стаж работы, оценивается частота симптомов проявления выгорания, стратегии по работе с ним со стороны учителей, предлагаются способы профилактики и сокращения выгорания педагогов.

*Классификация факторов.* С учетом разных классификаций причин эмоционального выгорания в работе мы выделяем три группы факторов: особенности профессии, условия организации работы и качество управления в организации, индивидуальные характеристики специалистов (Быкина, 2020; Гунзунова, 2016).

Исследования выгорания учителей школ не всегда подтверждают значимость индивидуальных факторов. Например, в результате опроса в Сан-Диего не обнаружено различий в восприимчивости к выгоранию из-за социально-демографических переменных, таких как возраст, пол, уровень обучения, преподаваемый предмет или многолетний опыт (Носк, 1988).

Распространенность проблемы выгорания среди учителей может свидетельствовать о системности проблемы, большем влиянии фактора неэффективной организации труда, чем тайм-менеджмента или индивидуальных качеств учителя. Ряд авторов обращает внимание, что вместо рассмотрения выгорания учителей как индивидуальной проблемы лидерам в сфере образования нужно переключить внимание на нее как системную, институциональную или политическую проблему (Addressing Teacher Burnout...). Это согласуется с выводами Института Гэллапа о пяти основных причинах выгорания: необоснованном цейтноте, отсутствии общения и поддержки со стороны руководителя, отсутствии четкости ро-

лей, неуправляемой рабочей нагрузке, несправедливом обращении (Scott, 2022). Все они связаны с неэффективным управлением, лишь цейтнот в некоторых профессиях связан с особенностями характера работы (скорая помощь и т.п.).

### Полученные результаты и обсуждение

**Факторы выгорания.** Мы рассматриваем итоги проведенного социологического опроса учителей Башкортостана по следующей структуре факторов, сопоставив эти итоги с известными на сегодня данными по другим исследованиям на эту тему: профессия учителя, неуправляемая и повышенная нагрузка, качество обратной связи (поддержка со стороны администрации, отношения с родителями), отсутствие четкости ролей (изменения требований) и свобода в принятии решений, стаж работы, возраст, гендерный фактор.

*1. Факторы выгорания: профессия (коммуникативный тип и особенности стресса на работе)*

Сравнение психологов, сотрудников медицинской сферы и учителей показало, что у учителей уровень рефлексии выражен слабее, а уровень выгорания, принадлежность к профессиональной группе учителя повышает риски эмоционального выгорания (Горина, 2019).

По итогам социологического опроса учителей в Республике Башкортостан выявлено, что половина учителей региона сталкивались с состоянием эмоционального выгорания, в сельской местности несколько меньше — 45,2%. Несмотря на значительную долю учителей, столкнувшихся с выгоранием, их в полтора раза меньше, чем в среднем по России. Неудовлетворенность содержанием педагогического труда может быть частью двух из трех характеристик выгорания (чувств негативизма и неэффективности работы), ее отметили 22,8% респондентов, в городской местности их доля выше, чем в сельской. В городах больше стрессогенных факторов и меньше возможности сменить деятельность на ту, что позволяет «перезагрузиться», в них меньше возможности для прогулок, физической активности и общения с природой.

Чаще всего итогом выгорания становится формальное отношение к преподаванию — 39,1% по РБ (в г. Уфе еще чаще — 44,1% случаев), отсутствие стремления к сообщению нового материала и инновационным методикам — 23,8%; равнодушные к успехам и неудачам учеников — 15,2% и грубость в отношении них — 12,2%. Вариант «Другое» в ответе на этот вопрос отметили 75 респондентов, отразив признаки депрессии — апатию и истощение. Среди ответов встречаются, к примеру, следующие эмоциональные оценки (орфография и пунктуация сохранены):

- Усталость, отсутствие интереса
- Хроническая усталость, частые больничные листы
- Усталость, физическое и нервное истощение
- Апатия к работе, раздражительность, бессонница
- Усталость и бессилие что-либо изменить
- Усталость, болезни, отсутствие качественной медицинской и психологической помощи. За диагностику и лечение нужно платить такие суммы, о которых учителя не слышали. Отсутствие доступа к санаториям

- Раздражение по поводу бесконечных анкет, тестирования, опросов и т.п.
- Постоянная усталость, работа на пределе, все ждут выходных, чтобы не отдыхать, а доделать школьные дела, руководство так и говорит: впереди выходные — подчищаем долги, вся жизнь в телефоне, все срочно и сейчас!!

## *2. Факторы выгорания: неуправляемая и повышенная нагрузка*

Причинами повышенной нагрузки являются:

- 1) рост числа учеников в расчете на учителя,
- 2) дополнительная работа для повышения дохода,
- 3) неконтролируемые задачи вне должностных обязанностей,
- 4) неоптимизированные бизнес-процессы в схеме управления школами.

### *Рост числа учеников в расчете на учителя*

Для школ во всем мире очень актуален вопрос с нагрузкой на учителей. Высокая учебная нагрузка, увеличение размера класса могут привести к потере учителями контроля над работой (Salmela-Aro, Nietajärvi, Lonka, 2019). В 2018–2019 в среднем на одного учителя в России приходилось 17 школьников, столько же — в Японии, Великобритании и Канаде. В Италии на педагога приходится 11 школьников, в Швеции — 13, а в США — 15 (Антонов, Смагин, 2020). За 2010–2021 гг. в Республике Башкортостан сокращено число школ на 33%, учителей — на 18,6% на фоне роста числа учащихся на 13%, в результате нагрузка на учителя существенно повысилась с 12 в 2010 г. до 16 учеников на учителя в 2021 г. (Столь, 2023). Эмоциональные и физические перегрузки способствуют текучести кадров и повышению нагрузки на оставшихся педагогов. Несмотря на относительно небольшой дефицит педагогов в России, есть предпосылки его роста — четверть учителей в России старше 55 лет, из них каждый пятый старше 65 (Антонов, Смагин, 2020). В Республике Башкортостан доля учителей старше 55 лет, судя по итогам проведенного опроса, ниже — 11,5%, из них старше 65 лет — каждый 19-й, т.е. у республиканской системы среднего образования есть большой запас кадров.

### *Дополнительная работа для повышения дохода*

Большинство учителей в муниципальных школах в силу низкого уровня оплаты труда и недостатка педагогов вынужденно выбирают для роста дохода повышенную нагрузку в школе и репетиторство. Поскольку учителя в регионе недовольны уровнем заработной платы (не удовлетворены 57,6%, удовлетворены им около трети), они предпочитают повышать доход с помощью нагрузки больше ставки (31,6%); репетиторства (24,2%), в городах региона этот источник популярнее (31,1%); участия в конкурсах и грантах (21,4%); повышения квалификации (18,5%); стажа (17,3%). Вместе с тем 15,8% опрошенных не видят возможностей роста доходов, и 18,8% (почти каждый пятый) планирует смену вида деятельности. Таким образом, в системе школьного образования организация и оплата труда способствуют повышению нагрузки на учителей прямо (при поручении большого числа дополнительных работ) или косвенно (при сложившемся низком уровне оклада).

### *Неконтролируемые задачи вне должностных обязанностей*

Учителей зачастую привлекают к решению задач муниципальных образований как контролируемый и исполнительный ресурс. Неуправляемая рабочая

нагрузка является основной причиной выгорания, что подтверждают высказывания учителей, результаты социологических опросов, обращение учительского сообщества с петициями об освобождении от избыточной внеучебной нагрузки и одно из направлений работы профсоюза «Учитель» (Чиновники! Оставьте школу..., 2022; Профсоюз «Учитель» выпустил..., 2018). В ходе Парламентских слушаний в Государственном собрании — Курултае Республики Башкортостан приводили примеры обращения в школы с заданиями покрасить забор или подготовить информацию о наличии собак на территории школы.

### **Неоптимизированные бизнес-процессы в схеме управления школами**

Для российских школ характерны бюрократизация и регламентация учебной и воспитательной работы. Помимо преподавания много времени и сил учителей уходит на внеучебную работу. Результаты республиканского исследования показывают, что количеством отчетности не удовлетворены 57,7%, удовлетворены 37,4% респондентов.



Рисунок 1 — Ответ на вопрос: «Укажите, пожалуйста, в часах, сколько времени еженедельно Вы тратите на следующие виды работ». В среднем часов в неделю.

Источник: Данные социологического опроса, проведенного среди учителей РБ рабочей группой Института стратегических исследований РБ.

Figure 1 — Answer to the question: “Please indicate in hours how much time per week you spend on the following types of work.” Average hours per week.

Source: Data of a sociological survey conducted among teachers of the Republic of Bashkortostan by a working group of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan.

Низкая самоэффективность и высокие требования к работе — самые сильные факторы, способствующие эмоциональному выгоранию учителей, повышение требований к работе повышает уровень выгорания, это доказано в исследовании шведских ученых (Arvidsson et al., 2019). За последние 1–2 года учителя стали еще более загруженными, возросла отчетность, это отметили 64,4% респондентов в опросе. Учителя стали больше заниматься внеклассной работой (30,9%). Выявлена огромная трудоемкость работы учителей — 74,4 часа в неделю (мы исключили из расчета заведомо завышенные результаты, по которым трудоемкость респондентов оказалась в сумме выше 168 часов в неделю), что означает около 10 часов ежедневной работы (рис. 1). Как отмечает профсоюз «Учитель», «вопрос учета всего рабочего времени учителя на законодательном уровне решен плохо из-за несовершенства нормативной базы, ... средняя продолжительность рабочего времени учителя колеблется ... от 50 до 75 часов в неделю» (Рабочее время учителя, 2020) за счет ненормируемой нагрузки 74,4 ч даже выше, чем 65 ч в неделю, полученные в ходе акции «секундомер» в 2015 г. (Чтобы получить среднюю зарплату..., 2015). В результате растет усталость, раздражение (47,2%). Закономерно появление выгорания, снижение мотивации к работе и эффективности.

### *3. Факторы выгорания: качество обратной связи и результатов труда*

Ответы учителей Республики Башкортостан об удовлетворенности различными сторонами профессиональной деятельности отражают тот факт, что большинство довольны отношениями в коллективе, отношениями с родителями и учащимися. Это свидетельствует о качественной коммуникации и наличии обратной связи в работе в школе, о том, что есть положительное подкрепление в работе учителей.

Наиболее высокую — свыше 90% — удовлетворенность получили: отношения с коллегами (94,7%), учащимися (94,5%), родителями учеников (90,1%), администрацией (91,3%), имеющаяся квалификация (91,3%) и профессия (90,3%). Минимальная удовлетворенность — в размере заработной платы (удовлетворены 33,9%, не удовлетворены 57,6%), отчетности (удовлетворены 37,4%, не удовлетворены 57,7%). Таким образом, учителя получают моральное удовлетворение от работы, получая положительную обратную связь от учеников, родителей, коллег и руководства при недостатке материального удовлетворения и избыточности потоков информации и отчетности.

### *4. Факторы выгорания: отсутствие четкости ролей (изменение требований) и свобода в принятии решений*

Увеличение свободы принятия решений снижает уровень выгорания (Arvidsson et al., 2019). Система общего образования, в которой больше свободы в принятии решений и реальной поддержки со стороны руководства, — наиболее комфортная среда для эффективной работы учителей. Такой подход характерен, например, для системы школьного образования Финляндии, где дети показывают одни из лучших результатов по международным сравнениям успеваемости школьников, в частности по оценке качества образования PISA. Финские школы пользуются широкой автономией, самостоятельно выбирают подходы в препода-

вании, составляют учебные планы и программы (Что такое финская школа, 2019). У педагогов есть полномочия по принятию решений в отношении школьной политики и управления (Council for creative education, Finland; Эрикссон, 2021). В Финляндии работа учителя ценится в обществе и является востребованной, учителя обладают высокой автономией и контролем над своей работой, а инспекции или ежегодные стандартизированные тесты для мониторинга учителей не проводятся (Salmela-Aro, Hietajärvi, Lonka, 2019). Системы подотчетности являются гибкими (Tikkanen at al, 2022).

В Республике Башкортостан за последние два года (2021–2022 гг.) требования администрации и органов управления образованием к профессиональной деятельности учителей возросли: в сельской местности это отметили 76% респондентов, в городах — 71%. Это отразилось скорее отрицательно на работе учителей: они стали еще более загруженными, возросла отчетность (64,4%), растет усталость, раздражение (47,2%), увеличился объем внеклассной работы (30,9%).

#### 5. Факторы выгорания: возраст

По данным, полученным в Башкортостане, интересно влияние возраста — до 45 лет доля столкнувшихся с выгоранием растет, а затем снижается, особенно резко снижение в возрасте старше 60 лет (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

### Влияние возраста на эмоциональное выгорание\*

#### The influence of age on emotional burnout

Возраст	Число ответов, чел.	Доля респондентов, %	Число тех, кто столкнулся с эмоциональным выгоранием, чел.	Доля тех, кто столкнулся с эмоциональным выгоранием, %
До 25 лет	176	3,9	73	41,5
25–30 лет	299	6,6	138	46,2
30–35 лет	568	12,5	261	46,0
35–40 лет	706	15,6	377	53,4
40–45 лет	783	17,3	408	52,1
45–50 лет	803	17,7	406	50,6
50–55 лет	680	15,0	339	49,9
55–60 лет	371	8,2	179	48,2
60–65 лет	115	2,6	32	27,8
Старше 65 лет	28	0,6	6	21,4
Итого	4529	100,0	2219	49,0

\* Данные социологического опроса, проведенного среди учителей РБ рабочей группой Института стратегических исследований РБ.

Data of a sociological survey conducted among teachers of the Republic of Bashkortostan by a working group of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan.

У педагогов моложе 35 лет эта доля меньше среднего уровня, минимальна она среди педагогов старше 60 лет. Число столкнувшихся с выгоранием в возрастной группе 35–40 лет — максимальное (53,4%). Вероятно, это связано с этапами жизненного цикла учителей, с включением в административную и организационную работу школ по мере наработки опыта. А снижение масштаба проблемы в группе старше 60 лет может быть связано с более низкой нагрузкой.

#### *6. Факторы выгорания: стаж работы*

По нашим данным стаж работы незначительно влияет на выгорание (табл. 2). Либо старший возраст и стаж работы больше 20 лет (табл. 1 и 2) позволяют накопить опыт, овладеть навыками управления стрессом, либо происходит профессиональная деформация, когда люди не замечают у себя выгорания. Проверить это можно лишь после полноценного психологического исследования респондентов, поскольку в проведенном социологическом опросе наличие выгорания отмечали сами учителя, а не врачи или психологи.

Таблица 2.

Table 2.

### Влияние стажа работы на эмоциональное выгорание\*

#### The impact of work experience on burnout

Стаж работы в системе образования	Число ответов, чел.	Доля респондентов, %	Число тех, кто столкнулся с эмоциональным выгоранием, чел.	Доля тех, кто столкнулся с эмоциональным выгоранием, %
Менее 2 лет	306	6,8	104	34,0
2–5 лет	340	7,5	147	43,2
5–10 лет	487	10,8	255	52,4
10–15 лет	530	11,7	242	45,7
15–20 лет	579	12,8	320	55,3
20–25 лет	686	15,1	352	51,3
Больше 25 лет	1601	35,3	799	49,9
Итого	4529	100,0	2219	49,0

\* Данные социологического опроса, проведенного среди учителей РБ рабочей группой Института стратегических исследований РБ.

Data of a sociological survey conducted among teachers of the Republic of Bashkortostan by a working group of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan.

#### *7. Факторы выгорания: гендерный фактор*

В некоторых исследованиях гендерного фактора в выгорании сделан вывод о его влиянии (Московская, Булыгина, 2018; Селина, 2023; Tikkanen et al., 2022; РБК, 2021) по причине нарушения баланса между работой и личной жизнью, истощения от работы, конфликта ролей (Селина, 2023). В других говорится об отсутствии влияния гендерного фактора (Носк, 1988). В нашем исследовании вы-

явлено, что гендерные различия все-таки проявлены: женщины чаще склонны к выгоранию, 50% женщин отметили, что столкнулись с выгоранием, мужчин меньше — 44%.

**Стратегии выхода из профессионального выгорания.** Из числа респондентов, ответивших, что сталкивались с выгоранием, 42% восстановились самостоятельно, а 29,7% находятся в этом состоянии и поныне, 13,6% помогли родственники, семья. Отметим очень низкий процент тех опрошенных, кому помогли психологи, коллеги по работе, администрация, а также те, кто поменял место работы, профессию. Это говорит как об отсутствии системы профилактики и помощи, так и о возможной недооценке негативных последствий выгорания или стигматизации тех, кто просит о помощи, обращаясь к психотерапевтам.

Масштаб выявленной проблемы выгорания свидетельствует о необходимости принятия мер на уровне всей системы образования региона, а не только отдельных частных случаев помощи. Важно оптимизировать бизнес-процессы в сфере управления средним образованием, организовать систему профилактики, своевременной диагностики, мониторинга этого состояния. Это позволит снизить риски и объем негативных последствий для здоровья учителей, убытки для экономики, будет способствовать повышению качества обучения в школах.

**Рекомендации по минимизации последствий профессионального выгорания учителей.** Эмоциональное выгорание учителей, характерное для учителей в Республике Башкортостан, требует изменения условий труда и его оплаты в школах. Для этого необходимы следующие меры:

1. Упростить работу с отчетностью в школах, минимизировать ее количество, настроить процессы передачи информации и принятия решений на основе аналитики бизнес-процессов.
2. Ограничить число внеклассных и внешкольных мероприятий.
3. Повысить доступность психологической и медицинской помощи учителям, развивать саморефлексию у учителей. Обеспечить школы ресурсами (материальными, трудовыми) для регулярной оценки уровня стресса и эмоционального выгорания учителей, оказывая им необходимую поддержку, в том числе виде отпуска, помощи на восстановление сил, обучение. Например, создать в школах возможность эмоциональной разгрузки для учителей и обучения их методам снижения стресса, мониторинга своего психологического состояния и владения методами заботы о своем здоровье. Одним из вариантов реализации этой задачи может быть проведение встреч, в том числе онлайн-встреч с психологами, в том числе арт-терапевтических. Обеспечить учителей региона путевками на санаторно-курортное лечение, например краткосрочные курсы на 3–5 дней.
4. Чтобы не стать жертвой эмоционального выгорания, необходим баланс в жизни. Один из способов сделать это для учителя — установить четкие границы работы. Возможно, это трудно представить в условиях работы, например, классного руководителя, при повсеместном использовании сотовой связи и чатов, однако можно обсудить эти вопросы и сформулировать общие для родителей,

учащихся и администрации правила общения, закрепив время, когда учитель может быть недоступен, обеспечить бережное отношение к личным границам педагогов.

5. Задействовать факторы поддержки со стороны руководства школы и коллег, обеспечивать здоровый социально-психологический климат. С учетом того, что в опросе учителя отметили высокую удовлетворенность отношениями с администрацией и коллегами, это может быть актуально для небольшого числа школ. Вместе с тем случаи фаворитизма, нечеткого представления об условиях премирования встречаются в школах, что было отмечено некоторыми респондентами. Поэтому органам управления образованием необходимо реагировать на обращения учителей по факту таких проявлений.

### **Заключение**

Проблема профессионального выгорания учителей связана с высокой ответственностью за здоровье и безопасность детей, высокими требованиями и регламентированностью работы. В силу низкой оплаты труда учителя берут на себя повышенную учебную нагрузку. Помимо нее велика внеучебная нагрузка: регистрация родителей и учеников на сайтах, контроль прохождения опросов, внеклассные и внешкольные мероприятия. Эти виды работ не регламентированы и неконтролируемы, в результате основной причиной выгорания по итогам исследования нам видится неуправляемая рабочая нагрузка, что характерно для всей системы общего образования в России. Несмотря на попытки законодательной (Государственная Дума РФ, Государственное собрание — Курултай Республики Башкортостан) и исполнительной власти (Министерство просвещения РФ, Министерство образования и науки Республики Башкортостан) ограничить поток обращений в школы и оптимизировать нагрузку на учителей, проблема остается актуальной. Для снижения масштаба выгорания учителей предлагаются меры на уровне Министерства образования и науки Республики Башкортостан — исключение дублирующих баз данных, потоков информации и функций в системе управления образованием, ограничение числа внеучебной нагрузки на учителей, повышение доступности помощи всем педагогическим работникам школ, мониторинг и диагностика выгорания учителей, оказание своевременной помощи.

### **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ**

«Мне страшно приходить на работу»: 5 профессий, в которых люди чаще всего выгорают // Цех. 14.07.2020. URL: <https://zeh.media/praktika/rabota/8175604-professii-v-kotorykh-rabotniki-chashche-vsego-vygorayut> (дата обращения: 25.07.2023)

75% российских учителей испытывают профессиональное выгорание // Яндекс. Новости. 22.12.2020. URL: [https://yandex.ru/company/services\\_news/2020/22-12-2020](https://yandex.ru/company/services_news/2020/22-12-2020) (дата обращения: 17.06.2022).

Антонов С. Смагин А. Сколько на самом деле получают учителя. И хватает ли в российских школах преподавателей // Тинькофф журнал. 22.06.20. URL: <https://journal.tinkoff.ru/pedstat/> (дата обращения: 20.07.2023).

Быкина Г. Н. Профессиональное выгорание педагогов и пути его преодоления // Профобразование. 26.10.2020. URL: проф-обр.рф/blog/2020-10-26-1629 (дата обращения: 15.08.2022).

Выгорание QD85 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/129180281> (дата обращения: 20.04.2022).

Горина Т. В. Профессиональное выгорание представителей социально-экономических профессий с разным уровнем рефлексивности: магистерская дисс. Екатеринбург, 2019.

Гунзунова Б. А. Компоненты эмоционального выгорания у различных категорий педагогических работников // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1.

Егорышев С. В. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. 2023. № 1. С. 61–73.

Курганова И. Ю. Эмоциональное выгорание в деятельности педагога // Образование. Карьера. Общество. 2013. № 3. С. 24–26.

МКБ-11. Международная классификация болезней 11 пересмотра // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://icd.who.int/ru> (дата обращения: 20.07.2023).

Московская М. С., Булыгина В. Г. Гендерные различия в восприятии стресса у работников следственных органов // Психология и право. 2018. Т. 8, № 3. С. 97–110. DOI: 10.17759/psylaw.2018080307

Почти четверть россиян заявили о выгорании на работе // РБК. 19.04.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/607cbfde9a7947846ed5a6fa> (дата обращения 25.07.2022).

Проничева М. М., Булыгина В. Г., Московская М. С. Современные исследования синдрома эмоционального выгорания у специалистов профессий социальной сферы // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28, № 4.

Профсоюз «Учитель» выпустил брошюру «Нормативное регулирование отчетности учителей» // Профсоюз «Учитель». 28.03.2018. URL: <https://pedagog-prof.org/nizhegorodskaya-oblast/profsoyuz-uchitel-vypustil-broshyuru-normativnoe-regulirovanie-otchetnosti-uchitelej/> (дата обращения 25.07.2023).

Рабочее время учителя // Профсоюз «Учитель». 01.12.2020. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/rabochee-vremya-uchitelya/> (дата обращения 25.07.2023).

Селина М. В. Burn IT out. Как выгорают ИТ-специалисты – чем дольше в профессии, тем выше риски // IQ.HSE., 15.05.2023. URL: <https://iq.hse.ru/news/833393753.html> (дата обращения 24.07.2022).

Столь А. В. Оценка влияния социальной инфраструктуры муниципальных образований на демографические процессы // Республика Башкортостан : Демографический доклад. Вып. 5. Уфа: РИЦ УУНИТ, 2023. С. 184.

Чиновники! Оставьте школу в покое! Дайте учителям учить детей! // Профсоюз «Учитель». change.org, март 2022. URL: <https://www.change.org/p/чиновники-о>

ставьте-школу-в-покое-дайте-учителям-учить-детей (дата обращения 10.04.2022).

Что такое финская школа // Российское образование, федеральный портал. 17.10.2019. URL: <https://edu.ru/news/mezhdunarodnyu-opyt/chto-takoe-finskaya-shkola/> (дата обращения 25.07.2022).

Чтобы получить среднюю зарплату, учитель должен работать 65 часов в неделю! Стартовала акция «секундомер» // Профсоюз «Учитель». 02.04.2015 URL: <https://pedagog-prof.org/udmurtskaya-respublika/chtoby-poluchit-srednyuyu-zarplatu-uchitel-dolzhen-rabotat-65-chasov-v-nedelyu-startovala-aksiya-trudovoj-sekundomer/> (дата обращения 25.07.2023).

Эрикссон С. Обучение, ориентированное на ученика. На примере финской системы образования // Forbes Education. 08.07.2021. URL: <https://education.forbes.ru/authors/obuchenie-orientirovannoe-na-uchenika#:~:text=Финские%20школьники%20чувствуют%20себя%20более,основных%20принципов%20финской%20образовательной%20системы> (дата обращения 27.07.2023).

Addressing Teacher Burnout: Causes, Symptoms, and Strategies. The Effect of teacher Burnout on Students // American University, School Of Education. URL: <https://soeonline.american.edu/blog/teacher-burnout> (дата обращения: 15.07.2022).

Arvidsson I., Leo U., Larsson A. et al. Burnout among school teachers: quantitative and qualitative results from a follow-up study in southern Sweden // BMC Public Health. 2019. No. 19. P. 655. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-6972-1>

Council for creative education, Finland // Introduction to Finland Education. URL: <https://www.ccefinland.org/finedu> (дата обращения 20.07.2022).

Roger R. Hock. Professional Burnout among Public School Teachers // Public Personnel Management. 1988. Vol. 17, No. 2. Pp. 167–189.

Salmela-Aro K, Hietajärvi L, Lonka K. Work Burnout and Engagement Profiles Among Teachers // Front Psychol. 2019. Oct 4; 10, 2254. doi: 10.3389/fpsyg.2019.02254. PMID: 31636591; PMCID: PMC6787897.

Scott E. Burnout Symptoms and Treatment // Verywell Mind, May 23, 2022. URL: <https://www.verywellmind.com/stress-and-burnout-symptoms-and-causes-3144516> (дата обращения: 15.08.2022).

Stillman J. 745,000 People a Year Die From Working Long Hours. 3 Ways Your 55-Plus-Hour Weeks Are Killing You Regularly putting in more than 55 hours a week could literally kill you, a new study warns. JUN 2, 2021. URL: <https://www.inc.com/jessica-stillman/well-being-work-hours-world-health-organization-research.html> (дата обращения: 10.04.2022).

Stillman J. How Burnout Physically Changes Your Brain (It's Not Pretty). AUG 9, 2022 URL: <https://www.inc.com/jessica-stillman/burnout-brain-chemistry-mental-health.html> (дата обращения: 10.04.2022).

Tikkanen L., Haverinen K., Pyhältö K., Pietarinen J. and Soini T. Differences in Teacher Burnout Between Schools: Exploring the Effect of Proactive Strategies on Burnout Trajectories // Front. Educ. 2022. 7:858896. doi: 10.3389/educ.2022.858896.

## REFERENCES

- «I'm scared to come to work»: 5 professions in which people most often burn out. (2020). *Ceh*. URL: <https://zeh.media/praktika/rabota/8175604-professii-v-kotorykh-rabotniki-chashche-vsego-vygorayut>. tion-job-burnout-signs-you-have-it-who-s-most-at-risk. (In Russ.).
- 75% of Russian teachers experience professional burnout (2020). *Yandex, novosti*. URL: [https://yandex.ru/company/services\\_news/2020/22-12-2020](https://yandex.ru/company/services_news/2020/22-12-2020) (In Russ.).
- Antonov, S., Smagin, A. (2020). How much does a teacher actually earn? And are there enough teachers in Russian schools? *Tin'koff zhurnal*. URL: <https://journal.tinkoff.ru/pedstat/> (In Russ.).
- Bykina, G. N. (2020). Professional burnout of teachers and ways to overcome it. *Profobrazovanie*. URL: [prof-obr.rf/blog/2020-10-26-1629](http://prof-obr.rf/blog/2020-10-26-1629) (In Russ.).
- QD85 Burnout. *World Health Organization*. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/129180281>.
- Gorina, T. V. (2019). *Professional burnout among representatives of socioeconomic professions with different levels of reflexivity: magister thesis*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Gunzunova, B. A. (2016). Components of emotional burnout in various categories of teaching staff. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1, 241–244. (In Russ.).
- Egoryshev, S. V. (2023). Emotional burnout of teachers as a factor in reducing the effectiveness of their professional activities. *Vestnik RUDN*, 1, 61–73 (In Russ.).
- Kurganova, I. Ju. (2013). Emotional burnout in the activities of a teacher. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*, 3, 24–26. (In Russ.).
- ICD-11. International Classification of Diseases 11th revision. *World Health Organization*. URL: <https://icd.who.int/ru>.
- Moskovskaja, M. S., Bulygina V. G. (2018). Gender differences in the perception of stress among investigators. *Psihologiya i pravo*, 8(3), 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080307> (In Russ.).
- Almost a quarter of Russians reported burnout at work. (2021). *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/607cbfde9a7947846ed5a6fa>
- Pronicheva, M. M., Bulygina, V. G., Moskovskaja, M. S. (2018). Modern studies of emotional burnout syndrome among specialists in the social sphere. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya*, 28(4). (In Russ.).
- The «Teacher» trade union has released a brochure «Regulatory Regulation of Teacher Accountability» (2018). *Profsojuz «Uchitel'»*. URL: <https://pedagog-prof.org/nizhegorodskaya-oblast/profsoyuz-uchitel-vypustil-broshyuru-normativnoe-regulirovanie-otchetnosti-uchitelej/> (In Russ.).
- Teacher's working hours. (2020). *Profsojuz «Uchitel'»*. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/rabochee-vremya-uchitelya/> (In Russ.).
- Selina M. V. (2023). Burn IT out. How do IT specialists burn out? The longer they stay in the profession, the higher the risks. *IQ.HSE*. URL: <https://iq.hse.ru/news/833393753>.

html (in Russ.). Stol A.V. (2023). Assessing the impact of social infrastructure of municipalities on demographic processes. In: *Republic of Bashkortostan. Demographic report. Issue 5* (pp. 184). Ufa: RIC UUNiT. (In Russ.).

Officials! Leave school alone! Let the teachers teach the children! (2022). *Profsojuz «Uchitel'»*. URL: <https://www.change.org/p/chinovniki-ostav'te-shkolu-v-pokoe-dajte-uchiteljam-uchit'> (In Russ.).

What is a Finnish school. (2019). *Rossijskoe obrazovanie, federal'nyj portal*. URL: <https://edu.ru/news/mezhdunarodnyy-opyt/chto-takoe-finskaya-shkola/> (In Russ.).

To receive the average salary, a teacher must work 65 hours a week! The stopwatch campaign has started. (2015). *Profsojuz «Uchitel'»*. URL: <https://pedagog-prof.org/udmurtskaya-respublika/chtoby-poluchit-srednyuyu-zarplatu-uchitel-dolzhen-rabotat-65-chasov-v-nedelyu-startovala-aktsiya-trudovoj-sekundomer/> (in Russ.).

Jeriksson S. (2021). Learner-centered learning. Using the example of the Finnish education system. *Forbes Education*. URL: <https://education.forbes.ru/authors/obuchenie-orientirovannoe-na-uchenika#:~:text=Finskie%20shkol'niki%20chuvstvujut%20sebja%20bolee,osnovnyh%20principov%20finskoj%20obrazovatel'noj%20sistemy> (In Russ.).

School Of Education. Addressing Teacher Burnout: Causes, Symptoms, and Strategies. The Effect of teacher Burnout on Students. (2021). *American University*. URL: <https://soeonline.american.edu/blog/teacher-burnout>

Arvidsson, I., Leo, U., Larsson, A. et al. (2019). Burnout among school teachers: quantitative and qualitative results from a follow-up study in southern Sweden. *BMC Public Health* 19, 655 <https://doi.org/10.1186/s12889-019-6972-1>

Council for creative education, Finland. *Introduction to Finland Education*. URL: <https://www.ccefinland.org/finedu>

Roger R. Hock. (1988). Professional Burnout among Public School Teachers. *Public Personnel Management*, 17(2), 167–189.

Salmela-Aro K, Hietajärvi L, Lonka K. (2019). Work Burnout and Engagement Profiles Among Teachers. *Front Psychol.* Oct 4; 10, 2254. doi: 10.3389/fpsyg.2019.02254.

Scott E. (2022). Burnout Symptoms and Treatment. *Verywell Mind*. URL: <https://www.verywellmind.com/stress-and-burnout-symptoms-and-causes-3144516>.

Stillman J. (2021). *745,000 People a Year Die From Working Long Hours. 3 Ways Your 55-Plus-Hour Weeks Are Killing You Regularly putting in more than 55 hours a week could literally kill you, a new study warns*. URL: <https://www.inc.com/jessica-stillman/well-being-work-hours-world-health-organization-research.html>.

Stillman J. (2022). *How Burnout Physically Changes Your Brain (It's Not Pretty)*. URL: <https://www.inc.com/jessica-stillman/burnout-brain-chemistry-mental-health.html>.

Tikkanen, L., Haverinen, K., Pyhältö, K., Pietarinen, J. and Soini, T. (2022). Differences in Teacher Burnout Between Schools: Exploring the Effect of Proactive Strategies on Burnout Trajectories. *Front. Educ.* doi: 10.3389/educ.2022.858896.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

Анна Викторовна Столь — канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социального развития региона, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия.

Anna V. Stol — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for the Study of the Social Development of the Region, Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Статья поступила в редакцию 15.10.2023;  
одобрена после рецензирования 21.11.2023;  
принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023;  
approved after reviewing 21.11.2023;  
accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.334.56

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-08

## Развитие комфортной городской среды крупных городов в индексной оценке

Ангелина Эдуардовна Жданова

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,  
angelinazhdanova99@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571>

**Аннотация.** В современных условиях для крупных городов актуальна проблема формирования комфортной городской среды, которая подразумевает создание условий для обеспечения благоприятной, безопасной и доступной среды для проживания населения. Решение данной проблемы востребовано для крупных городов, обладающих высоким ресурсным потенциалом, притягивающих к себе трудовые ресурсы и инвестиции для стимулирования развития. Целью данного исследования является изучение тенденций формирования комфортной городской среды крупных городов, а также рассмотрение лучших практик их благоустройства. Основной информационной базой исследования послужил индекс качества городской среды, формируемый Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». В теоретическом обзоре рассмотрены основные понятия и определены ключевые аспекты развития комфортной городской среды в научном дискурсе и практике градостроительства. Рассмотрена динамика показателей индекса в федеральных округах с 2018 по 2022 г., а также изменения в зависимости от оценок городского пространства в различных направлениях. По результатам исследования выявлено, что 60 из 64 крупных городов относятся к городам с благоприятной городской средой. Установлен тренд непропорционального развития городского пространства крупных городов страны относительно федеральных округов, северной и южной, европейской и азиатской частей. Наибольший индекс качества городской среды выявлен у городов, находящихся в Центральном и Южном федеральных округах, в непосредственной близости к столице. В заключительной части исследования рассмотрены практики благоустройства комфортной городской среды, которые участвуют в федеральном проекте и вошли в реестр лучших по данным за 2022 г. Отмечена важность и необходимость партисипаторного участия (т.е. соучастия) жителей в реализации практик по благоустройству и развитию городского пространства.

**Ключевые слова:** комфортная городская среда, город, проект, благоустройство, участие, развитие

**Финансирование:** работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FMGZ-2022-0013 «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды».

**Для цитирования:** Жданова А.Э. Развитие комфортной городской среды крупных городов в индексной оценке // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 4. С. 125–144. doi: 10.14258/ssi(2023)4-08.

## Development of a Comfortable Urban Environment in Large Cities in Index Assessment

Angelina E. Zhdanova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,  
angelinazhdanova99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571>

**Abstract.** In modern conditions, for large cities, the problem of creating a comfortable urban environment is urgent, which implies the creation of conditions to provide a favorable, safe and accessible environment for the population to live. A solution to this problem is in demand for large cities that have high resource potential, attracting labor resources and investments to stimulate development. The purpose of this study is to study trends in the formation of a comfortable urban environment in large cities, as well as to consider the best practices for the improvement of these cities. The main information base for the study was the urban environment quality index, formed by the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation within the framework of the federal project “Formation of a comfortable urban environment.” The theoretical review examines the basic concepts and identifies key aspects of the development of a comfortable urban environment in the scientific discourse and practice of urban planning. The dynamics of index indicators in federal districts from 2018 to 2022, as well as changes depending on assessments of urban space in various directions, are considered. According to the results of the study, it was revealed that out of 64 large cities, 60 are classified as cities with a favorable urban environment. A trend has been established for the disproportionate development of the urban space of large cities in the country relative to the federal districts, northern and southern, European and Asian parts. The highest urban environment quality index was found in cities located in the Central and Southern Federal Districts, in close proximity to the capital. The final part of the study examines the practices of improving a comfortable urban environment that participate in the federal project and are included in the register of the best according to data for 2022. The importance and necessity of participatory participation (i.e. complicity) of residents in the implementation of practices for the improvement and development of urban space is noted.

**Keywords:** comfortable urban environment, city, project, improvement, participation, development

**Financial Support:** the work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FMGZ-2022-0013 «Social Reality: National Development and Regional Trends».

**For citation:** Zhdanova, A. E. (2023). Development of a Comfortable Urban Environment in large Cities in Index Assessment. *Society and Security Insights*, 6(4), 125–144. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-08.

## Введение

В современной России большая часть населения проживает в городах. По данным на 19 февраля 2023 г. в стране насчитывается 1118 городов, среди которых 64 являются крупными (250 тыс. — 1 млн. чел.)<sup>1</sup>. Всероссийская перепись населения 2020 г. показала, что в российских городах проживает примерно 75% населения страны<sup>2</sup>. Именно в крупных городах сосредоточены основные ресурсы для комфортной жизни граждан, которые позволяют городу быть конкурентоспособным в части привлечения населения. В настоящем исследовании анализируется уровень комфортности городской среды в крупных городах, с численностью населения от 250 тыс. до 1 млн чел. (по методике Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ). Изучение данных о формировании комфортной городской среды необходимо для оперативной оценки текущей ситуации в крупных городах РФ, а также совершенствования политики в области городского развития.

## Теоретический обзор: определения и основные компоненты

Рассматривая комфортную городскую среду, необходимо определить границы основных категорий исследования. Исследователи из Пермского государственного национального исследовательского университета понимают город как «самостоятельную субстанцию, формирующую мировосприятие людей, живущих в нем» (Катаева, Кадырова, 2013). Их коллеги из Ростовского государственного экономического университета, говоря о росте урбанизации крупных городов, отмечают, что с ростом урбанизации у горожан увеличивается время на то, чтобы добраться на работу и обратно, поэтому сейчас комфортная городская среда становится одним из важнейших показателей для качества жизни населения крупных городов (Тяглов, 2020).

Рассматриваемая в настоящем исследовании проблематика является междисциплинарной. В книге «Ключи от города» городское пространство изучается с точки зрения экономики, экономической географии и экономической социологии, в связи с чем автор книги резюмирует, что «развитие городов и регионов — сложное и многослойное явление» (Сторпер, 2018). Социологическая наука также занимается изучением города и выделяет подотрасль — социологию города (Черкасова, 2015; Глазычев, 2011; Парк, 2002; Вершинина, 2012; Черныш, 2020).

В свою очередь, комфортная городская среда становится объектом исследований как социально-экономический феномен. Так, Д. Н. Ганченко и Ю. А. Тарзанова под современной комфортной городской средой понимают «социально-экономическую категорию, отражающую отношения внутри некоторого территориального пространства, направленные на формирование позитивного восприятия степени удовлетворенности состоянием объективных факторов внутренней и внешней среды условий проживания» (Ганченко, 2019).

<sup>1</sup> Индекс качества городской среды. Крупные города. URL: <https://xn----dtbcccctsyabxk.xn--p1ai/#/groups/2>

<sup>2</sup> Итоги ВПН-2020. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1\\_Chislennost\\_i\\_razmeshchenie\\_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya)

В нормативных источниках также дается определение комфортной городской среде. Согласно ГОСТ Р 70386-2022<sup>1</sup> комфортная городская среда — это способность городской среды обеспечить достойный уровень бытового обслуживания, сбалансированность транспортной инфраструктуры, возможность для беспрепятственного перемещения различных категорий граждан, грамотное районирование, удовлетворение социальных, культурных, образовательных, рекреационных потребностей горожан, адекватный уровень шумового и информационного загрязнения.

Анализ научной литературы позволил выявить несколько аспектов в изучении комфортной городской среды: стратегическое планирование, материально-пространственная среда, гражданское участие, система пешеходной инфраструктуры, джентрификация и ее влияние на городское развитие.

### ***Стратегическое планирование***

В исследованиях уделяется внимание взаимосвязи стратегического управления и формирования комфортной городской среды. Ведущие исследователи в области городского развития отмечают, что «система планирования развития города базируется на принципах стратегического управления, при котором оперативное управление осуществляется с учетом сформированной стратегии развития» (Гринчель, Шуссманн и Костылева, 2002: 397). Исследование показало, что у всех субъектов РФ, которые попали в ракурс нашего анализа, утверждена и реализуется программа социально-экономического развития. У большинства субъектов период реализации — до 2030 г., однако некоторые ограничиваются 2025 г., более долгосрочные программы — до 2035 г. Стратегия развития — это важнейший документ для развития города, именно там прописана основная миссия города и то, каким он должен выглядеть в перспективе через десятилетия. В этом документе отражается комплекс количественных и качественных показателей, которые задают вектор развития благополучия города. Полноценная стратегия может быть составлена с учетом реального состояния и возможных перспектив территориального городского развития.

### ***Материально-пространственная среда***

Материально-пространственная среда является одним из важнейших компонентов развития городов, отражающим воздействие природы и усиливающим влияние человеческой деятельности. По ее состоянию можно судить об уровне развития города в целом, о степени гармонизации отношений человека с природой. Материально-производственная среда находится в постоянном развитии, отражая как воздействие природы, так и все возрастающее влияние человеческой деятельности. «Наиболее масштабные изменения материально-пространственной среды связаны с ростом числа и размеров городов. Они представляют собой средоточение производства, науки, культуры, образования и т.п. В то же время

.....  
<sup>1</sup> ГОСТ Р 70386-2022. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 октября 2022 г. № 1093-ст. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnlpcajcgjclefindmkaj/https://files.stroyinf.ru/Data/789/78940.pdf>

именно в городах человек наиболее оторван от природы, а городская среда выступает как наиболее яркое воплощение преобразованной природной среды» (Гринчель, Шуссманн и Костылева, 2002: 411–412).

### ***Гражданское участие***

Одним из аспектов формирования комфортной городской среды является участие в этом процессе населения, что отражается во многих проектах, концепциях и разработках. Эта идея становится популярной в середине XX в. Например, в 1963 г. в Мюнхене (Германия) появилась одна из первых крупных гражданских инициатив, которая была направлена против строительства широких улиц. В этом же году благодаря этой инициативе был основан дискуссионный «Мюнхенский клуб» для решения проблем городского развития. Обсуждением и решением вопросов городского развития занимались политики, инвесторы, представители сферы коммунального управления и планирования, СМИ, а также активные граждане. Все участники процесса взаимодействовали друг с другом. Такая практика актуальна и для российских городов (Гринчель, Шуссманн и Костылева, 2002: 141–142). Преимущество гражданского участия заключается в заинтересованности горожан в формировании, развитии и сохранении городской среды, что позволяет людям идентифицировать себя с местом своего проживания, со своим городом (Rezvani, Mansourian, Sattari, 2013).

### ***Система пешеходной инфраструктуры***

Следующим важным аспектом комфортной городской среды является ее комфорт для пешеходов. Система пешеходных коммуникаций рассматривается в книге Джефа Спекса «Город для пешехода». Автор вводит в научный дискурс термин «пешеходность». Идея предполагает создание комфортной среды для пешеходного движения, что повлияет на отказ от автомобильного транспорта и окажет благоприятное воздействие на экологическую составляющую. Джеф Спекс — градостроитель и руководитель фирмы, которая занимается городским дизайном. Он отмечает: «Когда мне предлагают разработать проект для городского центра, я переезжаю туда вместе с семьей, желательно не менее чем на месяц», — такая практика необходима специалисту, чтобы прочувствовать особенности территории и самому оказаться в роли местного жителя. Практика градостроительства в городах свидетельствует о том, что проекты разрабатываются приглашенными архитекторами и дизайнерами (в силу отсутствия необходимых знаний или в целом таких специалистов). По мнению Д. Спекса, «общая теория пешеходности объясняет, как ходьба, если ей отдается предпочтение, может выполнить четыре главных условия: она должна быть полезна, безопасна, комфортна и интересна». В целом эти условия отвечают условиям развития комфортной городской среды (Спекс, 2015).

### ***Джентрификация и ее влияние на городское развитие***

В западных странах одной из практик, определяющих переход городского района в статус комфортного для проживания, является процесс джентрификации. В крупные города все чаще переезжают люди из малых и периферийных территорий. «Джентрификация — это пространственный процесс, в ходе кото-

рого высококвалифицированные профессионалы размещаются в зависимости от агломерации соответствующих рабочих мест, также часто расположенных в центре метрополии, и преобразуют таким образом городские кварталы» (Сторпер, 2018: 301). На этот счет не существует однозначной точки зрения — хорошо это или плохо. С одной стороны, в центре города базируются офисы, компании и корпорации, соответственно увеличивается спрос на недвижимость и запрос на комфорт городского пространства, но с другой стороны — возрастает неравенство между центром и отдаленными районами, которые в последующем становятся не такими рентабельными и приходят в упадок. Один из ярких примеров, когда территория стала центром сосредоточения высококвалифицированных кадров, — Кремниевая долина в США. Сейчас это один из крупнейших технологических центров, в котором трудятся специалисты IT-индустрии. Однако Джейн Джекобс отмечает, что «города представляют громадный резервуар талантов, материалов и потребителей, создают предпосылки для необычайного разнообразия инициатив, причем не только в центральных деловых районах, но и в других местах, которые в состоянии предложить что-то особенное и располагают для этого человеческим потенциалом» (Джекобс, 2019: 144). В нашей стране понятие «джентрификация» не распространено. В городах России оно трактуется скорее как облагораживание или улучшение депрессивных районов. Зачастую облагораживаются территории, на которых ранее были системообразующие заводы или предприятия. Джен-трификация в большинстве случаев повышает качество городской среды, несмотря на то что при данном процессе формируется неравенство относительно уровня развития городских территорий.

Существует масса исследований, посвященных теоретическим и эмпирическим составляющим городского развития, но эта тематика остается актуальной, так как малоизученными остаются конкретные составляющие в рамках проекта «Формирование комфортной городской среды».

### **Материалы и методы исследования**

Для рассмотрения качества городской среды в крупных городах с точки зрения статистики автором произведен вторичный анализ Индекса качества городской среды с 2018 по 2022 г. Индекс рассчитывается Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Такой инструментарий создан для определения текущего состояния и постоянного мониторинга развития городской среды. Благодаря полученным результатам можно сравнить условия жизни в разных городах страны, тем самым производится наблюдение за работой органов власти. Одной из основных целей проекта является увеличение доли вовлеченных граждан и представителей бизнеса в формирование комфортной городской среды, тем самым создаются механизмы прямого участия горожан. В масштабах страны с разными климатическими условиями развитие городов происходит по-разному. Для учета большинства городских особенностей и корректной оценки и сравнения все города поделены на семь численных групп:

- крупнейшие города (от 1 млн чел.);
- крупные города (от 250 тыс. до 1 млн);
- большие города (от 100 тыс. до 250 тыс. чел.);
- средние города (от 50 тыс. до 100 тыс. чел.);
- малые города (от 25 тыс. до 50 тыс. чел.; от 5 тыс. до 25 тыс. чел.; до 5 тыс. чел.).

Каждая территория оценивается по критериям безопасности, комфортности, экологичности и здоровья, идентичности и разнообразия, современности и актуальности среды, а также эффективности управления. Вышеупомянутые критерии применяются к шести пространствам города: жилье и прилегающие пространства; общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства; улично-дорожная сеть; социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства; озелененные пространства; общегородское пространство. Эти пространства и критерии создают матрицу, благодаря которой можно сформировать решения по повышению качества городской среды. Чем выше индекс города, тем благоприятнее городская среда. В градации Минстроя города, набравшие больше 180 баллов, относятся к городам с благоприятной городской средой, надо отметить, что максимально можно получить 360 баллов.

При проведении анализа будут использованы результаты исследования деятельности консалтинговой компании КБ «Стрелка», зарегистрированной в России с 2013 г. Компания оказывает услуги в сфере городского развития, разрабатывает стратегические документы развития территорий, оказывает услуги стратегического консалтинга и планирования. Для успешной реализации деятельности компании в 2015 г. была открыта компания «Стрелка СА», которая, в свою очередь, специализируется на архитектурном проектировании, сопровождении архитектурных проектов, а также брендинга и навигации. В рамках работы STRELKA KB<sup>1</sup> проводит различные исследования, одно из них посвящено оценке качества воздуха в 170 городах.

### Результаты исследования

Комфортная городская среда создается прежде всего для населения. Анализ данных Минстроя показывает, что в 48% городов происходит увеличение числа горожан, в то время как в остальных 52% — уменьшение (табл. 1). При этом отток населения наблюдается во всех федеральных округах, в наибольшей степени — в Сибирском федеральном округе. Как показывают данные, изменение численности населения наблюдалось после 2021 г., в период пандемии COVID-19, которая показала привлекательность для жизни отдаленных периферийных территорий, крупные города становятся менее востребованными.

В таблице 2 представлен рейтинг крупных городов РФ (25 из 64 городов), а точнее топ-3 с наиболее высокими баллами в каждом федеральном округе. За исключением Дальневосточного федерального округа, здесь представлено четыре крупных города, так как два города получили равные баллы. Как можно заметить, все представленные города относятся к городам с благоприятной го-

<sup>1</sup> Рейтинг 170 городов России по качеству воздуха URL: <https://taqi.strelka-kb.com/>

родской средой (показатель более 180 из 360 возможных баллов). Лидерами рейтинга являются города: Мытищи (241 балл), Грозный (241 балл), Тюмень (240 баллов), Белгород (235 баллов) и Сочи (235 баллов). За пять лет измерений индекса наибольший прирост зафиксирован в городе Сургут (Уральский федеральный округ) — 45 баллов (со 169 до 217 баллов). Самый низкий прирост наблюдается в Ставрополе — 5 баллов, но следует отметить, что уже в 2018 г. город получил оценку в 209 баллов. Наиболее проседающие округа — это Сибирский и Дальневосточный. Это можно объяснить территориальным отдалением от центральной части, сложными климатическими условиями, большим миграционным оттоком<sup>1</sup>, а также низкими инвестиционными процессами в регионах.

Таблица 1.

Table 1.

Численность населения в крупных городах РФ, тыс. чел.

Population in large cities of the Russian Federation, thousand people

Город	Численность в 2018, тыс.	Численность в 2022, тыс.	Прирост 2022 к 2018
Мытищи	222,7	262,7	+40
Грозный	301,3	326,4	+25,1
Тюмень	788,7	828,6	+39,9
Белгород	392,4	391,8	-0,6
Сочи	438,7	433,6	-5,1
Калининград	482,4	498,3	+15,9
Химки	254,7	256,3	+1,6
Краснодар	918,1	974,3	+56,2
Чебоксары	495,3	497,9	+2,6
Череповец	316,5	309,4	-7,1
Магнитогорск	413,3	412	-1,3
Вологда	311,8	306,6	-5,2
Ижевск	648,9	645,2	-3,7
Новороссийск	275,2	277,2	+2
Сургут	373,9	395,9	+22
Ульяновск	627,9	622,9	-5
Хабаровск	617,5	613,5	-4
Ставрополь	437,4	458,2	+20,8

<sup>1</sup> Независимая газета. Экономике Сибири может подорвать массовый отъезд населения. URL: [https://www.ng.ru/economics/2023-10-01/1\\_8840\\_siberia.html](https://www.ng.ru/economics/2023-10-01/1_8840_siberia.html)

Город	Численность в 2018, тыс.	Численность в 2022, тыс.	Прирост 2022 к 2018
Кемерово	558,7	548,2	-10,5
Владикавказ	304,9	298,8	-6,1
Владивосток	605	601,3	-3,7
Томск	575,4	570,8	-4,6
Барнаул	632,7	627,8	-4,9
Якутск	318,8	341,2	+22,4
Улан-Удэ	435,5	436,4	+0,9

Источник: составлено автором по индексу качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/groups/2>

В целом по оценке Минстроя среди 64 крупных городов страны к городам с благоприятной городской средой относятся все, за исключением Курска (180 баллов, ЦФО), Архангельска (180 баллов, СЗФО), Симферополя (178 баллов, ЮФО) и Нижнего Тагила (179 баллов, УФО).

Таблица 2.

Table 2.

Рейтинг крупных городов по индексу качества городской среды, баллов

Rating of large cities according to the urban environment quality index, point

Город	Округ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост 2022 к 2018 г.
Мытищи	ЦФО	225	227	228	239	241	+16
Грозный	СКФО	218	223	225	233	241	+23
Тюмень	УФО	212	219	225	233	240	+28
Белгород	ЦФО	215	218	222	226	235	+20
Сочи	ЮФО	219	219	225	229	235	+16
Калининград	СЗФО	214	210	216	223	233	+19
Химки	ЦФО	210	217	217	222	232	+22
Краснодар	ЮФО	206	209	223	225	232	+26
Чебоксары	ПФО	205	210	217	220	227	+22
Череповец	СЗФО	193	197	205	215	226	+33
Магнитогорск	УФО	189	184	189	204	224	+35
Вологда	СЗФО	194	206	210	218	221	+27
Ижевск	ПФО	180	172	187	208	220	+40
Новороссийск	ЮФО	202	200	214	215	217	+15
Сургут	УФО	169	180	200	204	217	+48

Город	Округ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост 2022 к 2018 г.
Ульяновск	ПФО	177	180	184	191	215	+38
Хабаровск	ДФО	179	187	191	202	215	+36
Ставрополь	СКФО	209	203	208	211	214	+5
Кемерово	СФО	179	181	181	202	212	+33
Владикавказ	СКФО	202	206	200	204	209	+7
Владивосток	ДФО	196	184	186	193	205	+9
Томск	СФО	170	176	180	180	202	+32
Барнаул	СФО	179	179	182	184	202	+23
Якутск	ДФО	147	133	181	181	185	+38
Улан-Удэ	ДФО	153	151	181	182	185	+32

Источник: составлено автором по индексу качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/groups/2>

Можно проследить динамику изменения индекса по конкретным критериям за 5 лет (табл. 3). Средний балл за 2018 г. — 194 балла, а уже в 2022 г. средний балл составил 219. За 5 лет индекс качества городской среды увеличился в среднем на 25 баллов. Если рассматривать конкретно по пространствам, то в 2018 г. самым проседающим пространством были озелененные пространства и общественно-деловая инфраструктура, их значение было 30 баллов; если смотреть результаты за 2022 г., то там наименьший из баллов все так же получили общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства — 31 балл. Лидерами за 5 лет были жилье и прилегающие пространства, общегородское пространство. В крупных городах тема экологии значима для жителей, один из показателей, который может это характеризовать, — озелененные пространства, и, как видно из таблицы 3, за 5 лет наблюдается увеличение значения на 5 баллов. В 2022 г. больше всего баллов набрал город Сочи (52 балла), в 2018 г. пальма первенства также принадлежала Сочи (51 балл). Зеленые насаждения в городе важны не только с точки зрения санитарно-гигиенических показателей структурно-планировочных характеристик (соединение разных частей города, например, парки и скверы), но и с эстетической. Многие знают, что зеленый цвет положительно влияет на нервную систему человека, что немаловажно для жителей крупных городов, в которых горожане больше подвержены тревоге и беспокойству, чем, например, жители периферийных и малых населенных пунктов<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Институт современных знаний— Цвет. URL: <https://www.isz.minsk.by/history/spps/zdorove/tsvet.php>

Таблица 3.  
Table 3.

## Динамика индекса качества городской среды, 2018–2022 гг., баллов

## Dynamics of the urban environment quality index, 2018–2022, point

Город	2018 год										2022 год									
	Жилье и прилегающие простр-анства	Улично-дорожная сеть	Озелененные простр-анства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Общественное простр-анство	2018 год	Жилье и прилегающие простр-анства	Улично-дорожная сеть	Озелененные простр-анства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-анства	Общественное простр-анство	2022 год				
Мытищи	40	43	30	31	42	39	225	41	42	30	41	37	45	46	241					
Грозный	42	32	40	26	40	38	218	41	37	44	29	46	44	44	241					
Тюмень	38	38	34	33	41	28	212	46	39	35	31	48	41	41	240					
Белгород	43	34	36	35	25	42	215	48	34	36	33	42	42	42	235					
Сочи	30	29	51	35	31	43	219	30	40	52	30	39	44	44	235					
Калининград	38	37	37	33	31	38	214	44	37	40	32	42	38	38	233					
Химки	34	28	38	38	34	38	210	41	32	32	42	39	46	46	232					
Краснодар	47	39	30	29	31	30	206	43	36	41	32	40	40	40	232					
Чебоксары	42	41	30	35	26	31	205	48	33	35	35	34	42	42	227					
Череповец	42	33	24	29	30	35	193	47	42	27	32	42	36	36	226					
Магнитогорск	39	29	22	31	37	31	189	45	46	27	32	35	39	39	224					

Город	2018 год										2022 год									
	Жилые и прилегающие простр-ва	Улично-дорожная сеть	Озелененные простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Жилые и прилегающие простр-ва	Улично-дорожная сеть	Озелененные простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Жилые и прилегающие простр-ва	Улично-дорожная сеть	Озелененные простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие простр-ва	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие простр-ва		
Вологда	28	31	49	37	26	23	221	46	32	40	34	39	30	32	40	34	39	30		
Ижевск	35	33	25	26	29	32	220	42	34	36	26	44	38	34	36	26	44	38		
Новороссийск	37	33	40	38	25	29	217	44	30	42	36	26	39	30	42	36	26	39		
Сургут	32	25	19	27	36	30	217	36	36	31	30	45	39	36	31	30	45	39		
Ульяновск	40	28	26	24	26	33	215	43	36	33	28	33	42	36	33	28	33	42		
Хабаровск	34	32	19	30	35	29	215	35	37	27	30	46	40	37	27	30	46	40		
Ставрополь	43	42	21	29	34	40	214	48	34	29	25	39	39	34	29	25	39	39		
Кемерово	31	32	24	23	36	33	212	32	34	35	26	45	40	34	35	26	45	40		
Владикавказ	45	28	42	25	31	31	209	36	31	42	23	36	41	31	42	23	36	41		
Владивосток	37	32	26	30	34	37	205	38	28	32	40	31	36	28	32	40	31	36		
Томск	27	31	24	27	26	35	202	27	35	34	27	40	39	35	34	27	40	39		
Барнаул	35	31	21	35	28	29	202	35	30	33	25	38	41	30	33	25	38	41		
Якутск	25	23	27	24	20	28	185	26	32	34	22	30	41	32	34	22	30	41		
Улан-Удэ	29	30	8	31	26	29	185	25	40	17	37	29	37	40	17	37	29	37		
Средний балл	37	33	30	30	31	33	219	40	36	35	31	39	40	36	35	31	39	40		

Источник: составлено автором по индексу качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccdisyababkxkn-p1ai/#/groups/2>

Таблица 4.

Table 4.

Уровень загрязнения воздуха в крупных городах (лидерах по индексу качества городской среды)

Level of air pollution in large cities (leaders in the urban environment quality index)

Город	TAQI*	Уровень загрязнения воздуха
Ижевск	14	низкий
Улан-Удэ	14,5	низкий
Владикавказ	15	низкий
Чебоксары	16,7	низкий
Белгород	16,8	низкий
Томск	17,8	низкий
Тюмень	17,8	низкий
Ульяновск	19,6	низкий
Сочи	19,8	низкий
Вологда	21,5	повышенный
Ставрополь	22,6	повышенный
Хабаровск	23,3	повышенный
Сургут	23,8	повышенный
Калининград	25,9	повышенный
Магнитогорск	26,1	повышенный
Новороссийск	27,2	повышенный
Кемерово	27,9	повышенный
Череповец	29	повышенный
Владивосток	29,2	повышенный
Краснодар	29,9	повышенный
Барнаул	30,5	повышенный
Грозный	32	высокий
Химки	33,3	высокий
Мытищи	34,7	высокий
Якутск	52,4	очень высокий

Примечание: \*универсальный индекс, в котором учитывается оксид углерода (CO), формальдегид (HCHO), диоксид азота (NO<sub>2</sub>), диоксид серы (SO<sub>2</sub>), аэрозоли и класс опасности каждого из веществ.

Источник: составлено автором рейтингу 170 городов России по качеству воздуха. URL: <https://taqi.strelka-kb.com/>

Исследование российской консалтинговой компании «КБ Стрелка» по качеству воздуха в 170 крупных городах показало, что только в девяти из 25 городов наблюдается низкий уровень по данному показателю (табл. 4). В большинстве городов прослеживается повышение значения — 12 городов; три города имеют высокую загрязненность, а Якутск оценен как город с очень высоким уровнем загрязнения. Это говорит о том, что крупные города — это источник сосредоточения разнообразных производств, большого автомобильного потока, как следствие — ухудшение воздуха. Можно отметить, что три города из исследования входят топ-10 самых загрязненных городов (в целом): на первом месте располагается Московская агломерация, Якутск — на втором месте, девятое место занимает Грозный.

### ***Практики благоустройства городской среды в крупных городах***

Автором были рассмотрены лучшие практики по благоустройству в городах, отобранных для исследования. Ежегодно Минстрой России публикует ряд проектов, которые вошли в федеральный реестр лучших практик и проектов благоустройства. От каждого субъекта, который участвует в федеральном проекте «Формирование комфортной городской среды», в адрес Минстроя РФ присылается информация не менее чем о двух лучших реализованных практиках местного благоустройства, для того чтобы в последующем сформировать федеральный реестр таких практик. Нормативной базой служат приказы Минстроя России от 16 октября 2019 г. № 627/пр и от 3 ноября 2021 г. № 805/пр<sup>1</sup>. Конкурс проводится по следующим номинациям:

- благоустройство площади, улицы, бульвара, сквера, набережной или иной территории общего пользования как зоны пешеходного транзита, общения людей, развлечения, оказания услуг;
- благоустройство парка, лесопарка, сада или иной озелененной территории общего пользования как места отдыха, занятий физкультурой и спортом и общения с природой;
- комплексное благоустройство жилого района, в том числе благоустройство дворовой территории, как места для комфортного отдыха, игр, занятий физкультурой и спортом населения района, обеспечения удобного пешеходного транзита, выгула домашних животных;
- благоустройство детских игровых и спортивных площадок, инклюзивных спортивно-игровых и спортивных площадок, спортивных площадок, спортивных комплексов для занятий активными видами спорта, спортивно-общественных кластеров;
- благоустройство памятных мест, мест захоронений и иных мемориальных зон, включая военные;
- благоустройство кладбищ.

<sup>1</sup> Приказ Минстроя России от 16.10.2019 N 627/пр «О ежегодном конкурсе по отбору лучших практик (проектов) по благоустройству, реализованных в субъектах Российской Федерации»; Приказ Минстроя России от 03.11.2021 N° 805/пр «О внесении изменений в Положение о ежегодном конкурсе по отбору лучших практик (проектов) по благоустройству, реализованных в субъектах Российской Федерации, утвержденное Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 16 октября 2019 г. N°627/пр».

В 2022 г. в данный реестр попала 61 практика из 27 субъектов страны, причем большинство практик были в номинации «благоустройство площади, улицы...». При конкурсном отборе практик оценивается то, как они влияют на улучшение качества городской среды. Помимо этого, учитывается качество реализации проекта, социальный и экономический эффект, инновационность и востребованность предлагаемых решений у жителей.

Следует отметить важность партисипаторного участия (т.е. соучастия) жителей в реализации практик по благоустройству и развитию городского пространства. Несмотря на то что в индексе качества городской среды никак не учитывается субъективное мнение жителей и их социальное участие в развитии города, именно горожане выбирают пространства для благоустройства в рамках федерального проекта. В рейтинговом голосовании могут принять участие граждане старше 14 лет путем онлайн-голосования на портале проекта или по месту жительства при помощи волонтеров. Как показывает практика, зачастую местное население следит за проектами на всех стадиях их реализации. Поэтому актуальность гражданской инициативы и соучастия в подобных проектах не вызывает сомнения.

Девять из 64 крупных городов РФ, среди которых 94% имеют благоприятную городскую среду, вошли в реестр лучших практик по благоустройству.

В Центральном федеральном округе лучшей практикой признан сквер Ветеранов, расположенный в городском округе Балашиха (4-е место из 61 практики). Сквер является излюбленным местом для местных жителей и ветеранов, которые приходят, чтобы отдать дань памяти героям войны, здесь проходят мероприятия в День Победы. По программе благоустройства в сквере появились оборудованные скамейками, беседками и качелями места отдыха, стала доступной площадка для воркаута и детская площадка. Совместно с местными жителями были выбраны и высажены деревья — проведено озеленение сквера<sup>1</sup>.

В СЗФО в федеральный реестр попали два проекта. Первый из них находится в Вологде и расположился на 58-м месте рейтинга лучших практик. Там на первом этапе было реализовано благоустройство Затоновского берега. Затоновский берег представляет собой благоустроенную набережную территорию: с одной стороны — берег реки, с другой — строящийся ЖК. В рамках проекта был благоустроен и оснащен общественным пространством для отдыха берег реки. Появились клумбы, скамейки, качели и навесы. Основной идеей послужила так называемая «Затоновская баржа», так как раньше это место служило стоянкой речного транспорта<sup>2</sup>.

Еще одним примером лучшего проекта в Северо-Западном федеральном округе служит «Зеленая зона у озера Среднее» в Мурманске. Это одно из любимых мест мурманчан, поэтому было принято решение благоустроить данную тер-

<sup>1</sup> Сквер ветеранов на Звездной улице открыли в Балашихе. URL: <https://balashiha.ru/article/skver-veteranov-na-zvyozdnoj-ulitse-otkryli-v-balashihe-427259>

<sup>2</sup> Вологда РФ. Новости по теме: Затоновский берег в Вологде URL: <https://xn--80adde7arb.xn--p1ai/news/?tag=%D0%97%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B3>

риторию. В рамках проекта здесь появилась набережная, скамейки, освещение, а также игровой детский комплекс. Практика расположилась на 14-м месте<sup>1</sup>.

В Южном федеральном округе было отмечено благоустройство общественной территории парка им. Фрунзе (38-е место) в Новороссийске. Благоустройство парка, как и многих других проектов, проходило в несколько этапов. В 2022 г. был завершён второй этап реконструкции и благоустройства, а в 2023 г. проект парка им. Фрунзе был полностью выполнен. Отличительной особенностью и уникальностью данного места является зонирование. Так, в парке есть спортивно-оздоровительная зона, зона игры для детей, прогулочная зона, зона для проведения мероприятий, а также так называемая хозяйственная зона (площадка ТБО)<sup>2</sup>.

Ещё один интересный проект — благоустройство территории бульвара имени Ивана Щипакина в Ставрополе. Основной идеей пространства для отдыха является разделение его на зоны, которые, в свою очередь, олицетворяют природные зоны нашей страны. Здесь можно прогуляться по тундре, тайге, степи и лесостепи, пустыне и полупустыне, зоне высокой поясности. По проекту в парке также появятся альпинарий, детские и спортивные площадки, детская развивающая видеоплощадка, а также различные малые архитектурные формы. Экспертное жюри конкурса отдало проекту 36-е место<sup>3</sup>.

В Приволжском федеральном округе реализована практика «Эко-парка Шлюзовой» в городском округе Тольятти. Практике было отведено 49-е место. Этот парк — один из самых посещаемых в Тольятти, он был разработан местными жителями и продолжает развиваться и по сегодняшний день. Это пример того, как из заброшенного парка за три месяца территория превратилась в благоустроенное, комфортное, а главное — экологичное пространство. Данная практика является лучшей и с той точки зрения, что все решения принимались совместно с активом микрорайона, вплоть до того, где лучше установить лавочку и др. Это ещё раз доказывает значимость и актуальность гражданской инициативы и соучастия в подобных проектах<sup>4</sup>.

В Уральском федеральном округе представителями лучших практик в 2022 г. стали два проекта. Первый реализован в Тюмени — Карманный парк (26-е место). Этот сквер расположен на улице Линейной, рядом с домами и школой. Изначально на месте пустыря по генеральному плану должна была быть построена дорога, но по просьбе местных жителей здесь появилось ещё одно живописное место для отдыха. Сквер оснащён лавочками, освещением и детским игровым комплексом. Практика проекта показывает и доказывает возможность того, как горожане

<sup>1</sup> Информационное агентство «Би-порт». URL: <https://b-port.com/news/273348>

<sup>2</sup> В Новороссийске завершился второй этап благоустройства парка им. Фрунзе. URL: <https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-02122022141033-116177/>

<sup>3</sup> Ставропольская правда. Бульвар имени Ивана Щипакина в Ставрополе стилизуют под несколько природных зон. URL: [https://stavpravda.ru/20220607/bulvar\\_imeni\\_ivana\\_schipakina\\_v\\_stavropole\\_stilizuyut\\_pod\\_neskolko\\_prirodnih\\_zon](https://stavpravda.ru/20220607/bulvar_imeni_ivana_schipakina_v_stavropole_stilizuyut_pod_neskolko_prirodnih_zon)

<sup>4</sup> Президентский фонд культурных инициатив. В Тольятти открылся уникальный эко-парк по проекту местных жителей. URL: <https://xn--80aeeqaabljrdbg6a3ahhcl4ay9hsa.xn--p1ai/public/news/v-tol%27yatti-otkrylsya-unikal%27nyy-eko-park-po-proektu-mestnykh-zhiteley>

сами могут выбирать общественные пространства для комфортной жизни в микрорайоне<sup>1</sup>.

Еще одним представителем экопарка стал парк в Сургуте под названием «Экопарк «За Саймой», который занял 13-е место в рейтинге проектов по благоустройству 2022 г. Парк «За Саймой» — это уникальная естественная рекреационная территория, которая находится в самом центре Сургута. Здесь большое озелененное пространство, детские и спортивные площадки, места отдыха и досуга. Основным желанием местных жителей было сохранение природы данного парка, поэтому предварительно была проведена аналитическая работа, специалисты узнали мнение жителей, разработали дизайн-проект благоустройства парка. Проект продолжает реализовываться, но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что это одно из наиболее комфортных и любимых мест у сургутян<sup>2</sup>.

Лидерами по отмеченным практикам стал Дальневосточный федеральный округ — четыре практики благоустройства. На 6-м месте — сопка Бурачка, на 10-м месте рейтинга — благоустройство дворов по ул. Окатовой, 41-е место было отдано «скверу с китами», и замыкает данный округ набережная «Татарка» — на 51-м месте. Все вышеупомянутые площадки стали примером общественных пространств: с благоустроенными местами отдыха, тротуарами, лавочками и малыми архитектурными формами<sup>3</sup>.

Таким образом, больше всего практик по формированию комфортной городской среды реализуется на территориях общественных пространств, так как именно на этой территории в городе происходит формирование различных культур, социализация молодого поколения и населения города в целом. Вся активная жизнь города, культурные мероприятия и социальная деятельность проходит в общественных местах.

## Заключение

В результате анализа полученной нами и рядом других авторов (Соколов, 2017) информации отметим, что развитие городского пространства крупных городов страны происходит непропорционально относительно федеральных округов, северной и южной, европейской и азиатской частей. Наибольший индекс качества городской среды у городов, находящихся в Центральном и Южном федеральных округах, в непосредственной близости к столице. Территории, которые обладают наибольшим конкурентным преимуществом, развиваются быстрее за счет большего скопления творческих и высококвалифицированных кадров, большего финансирования и инвестирования в города и ряда других показателей, и как следствие всего этого — проявляется неравенство среди

<sup>1</sup> Вслух.ru. Проект благоустройства территории на ул. Линейной в Тюмени вошел в реестр лучших практик Минстроя России URL: [https://vsluh.ru/novosti/nedvizhimost/proekt-blagoustroystva-na-ul-lineynoy-v-tyumeni-voshel-v-reestr-luchshikh-praktik-minstroya-rossii\\_393833/](https://vsluh.ru/novosti/nedvizhimost/proekt-blagoustroystva-na-ul-lineynoy-v-tyumeni-voshel-v-reestr-luchshikh-praktik-minstroya-rossii_393833/)

<sup>2</sup> DOMUM. Парк «За Саймой» URL: <https://www.d-o-m-u-m.com/surgut>

<sup>3</sup> Комсомольская правда. Сопка Бурачка во Владивостоке заняла шестое место в списке лучших общественных пространств России URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/27489/4747600/>

городов, а соответственно неравенство качества и уровня комфорта и благоустройства городской среды.

Для повышения конкурентоспособности города необходим комплексный анализ демографического развития, рынка труда, уровня инвестиций, объема промышленного производства, туристического потенциала, жилищно-коммунального состояния, а также готовности населения участвовать в городском развитии. Последнее, на наш взгляд, представляется одним из самых важных факторов в определении программы развития комфортной городской среды. Данный анализ необходим для эффективной политики в области городского управления и развития комфортной городской среды.

Поскольку на современном этапе важным видится активное включение экспертных оценок (общественных организаций, активных граждан, населения, бизнеса и т.д.) в формирование комфортной городской среды и для принятия управленческих решений в крупных городах, перспективным направлением представляется осуществление разработки и внедрения комплексного мониторинга городского развития. Организация мониторинга и повышение эффективности управления комфортной городской средой в перспективе может повысить устойчивость крупных городов, аккумулировать положительные социальные, экономические и культурные эффекты для территории и жителей города, сформировать комфортные условия для жизни будущих поколений.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вершинина И. А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 195–206.

Ганченко Д. Н., Тарзанова Ю. А. Комфортная городская среда: инновация или трансформация термина // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами: материалы восьмой международной научно-практической конференции. Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный технический университет, 2019. С. 81–85.

Глазычев В. Л. Город без границ. М. : Территория будущего, 2011. 398 с.

Гринчель Б. М., Шуссманн К., Костылева Н. Е. Экономические стратегии активных городов. СПб. : Наука, 2002. 499 с.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2019. 512 с.

Катаева Ю. В., Кадырова Я. И. Городская среда как пространство жизнедеятельности местных сообществ // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. № 10. С. 76–81.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.

Соколов А.А., Руднева О.С. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по уровню комфортности проживания // *Народонаселение*. 2017. № 3. С. 130–143. DOI 10.26653/1561-7785-2017-3-10

Спек Дж. *Город для пешехода*. М.: Искусство — XXI век, 2015. 352 с.

Сторпер М. *Ключи от города: как устроено развитие?* М.: Strelka Press, 2018. 368 с.

Тяглов С.Г., Родионова Н.Д., Федорова Я.В., Сергиенко В.Ю. Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации // *Региология*. 2020. Т. 28, № 4. С. 778–800. DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800

Черкасова И.К. *Социология города: подходы к изучению* // *Национальная Ассоциация Ученых*. 2015. № 3–7(8). С. 28–30.

Черныш М.Ф., Маркин В.В. *Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики*. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020

Rezvani M.R., Mansourian H., Sattari M.H. Evaluating quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran) // *Social Indicators Research*. 2013. Vol. 112. P. 203–220. DOI: 10.1007/s11205-012-0048-2.

## REFERENCES

Vershinina, I. A. (2012). Urban sociology: the roots and key concept. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 1, 195–206. (In Russ.).

Ganchenko, D.N., Tarzanova, Yu. A. (2019). Comfortable urban environment: innovation or transformation of the term. In: *Development of the theory and practice of managing social and economic systems: materials of the eighth international scientific and practical conference*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, pp. 81–85. (In Russ.).

Glazychev, V.L. (2011). *City without borders*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.).

Grinchel, B.M., Schussmann, K. & Kostyleva, N.E. (2002). *Economic strategies of active cities*. SPb. : Nauka. (In Russ.).

Jacobs, D. (2019). *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).

Kataeva, Yu. V., Kadyrova, Ya. I. (2013) The urban environment as a space for the life of local communities. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya*, 10, 76–81. (In Russ.).

Park, R. (2002). The city as a social laboratory. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2(3), 3–12. (In Russ.).

Sokolov, A.A., Rudneva, O.S. (2017). Rating of the biggest and big cities of Russia by the level of accommodation comfort. *Narodonaselenie*, 3, 130–143. (In Russ.). DOI 10.26653/1561-7785-2017-3-10

Speck, J. (2015). *A city for pedestrians*. Moscow: Iskustvo — XXI vek. (In Russ.).

Storper, M. (2018). *Keys to the city: how does development work?* Moscow: Strelka Press. (In Russ.).

Tyaglov, S. G., Rodionova, N. D., Fedorova, Ya. V., Sergienko, V. Yu. (2020). Algorithm for the development of public spaces in large cities in the context of urbanization. *Regionologiya*, 28(4), 778–800. (In Russ.). DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800

Cherkasova, I. K. (2015). Sociology of the city: approaches to the study. *Nacional'naya Associaciya Uchenyh*, 3–7(8), 28–30. (In Russ.).

Chernysh, M. F., Markin, V. V. (2020). *Spatial development of small towns: social strategies and practices*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.).

Rezvani, M. R., Mansourian, H., Sattari, M. H. (2013). Evaluating quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran). *Social Indicators Research*, 112: 203–220. DOI: 10.1007/s11205-012-0048-2.

### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ангелина Эдуардовна Жданова — младший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, г. Вологда, Россия.

Angelina E. Zhdanova — Junior researcher at the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023;  
одобрена после рецензирования 16.11.2023;  
принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 24.10.2023;  
approved after reviewing 16.11.2023;  
accepted for publication 17.11.2023.

---

# СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

---

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

---

Научная статья / Research Article

УДК 331.54

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-09

## Опыт трудовой деятельности молодежи Сибирского федерального округа

Алла Владимировна Зинич<sup>1</sup>

Светлана Геннадьевна Максимова<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup>Омский государственный аграрный университет, Омск, Россия;  
av.zinich@omgau.org, <https://orcid.org/0000-0003-2265-5633>

<sup>2</sup>Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;  
maksimova@socio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

**Аннотация.** Возможности реализации трудового потенциала молодежью во многом определяются ее образовательной базой, мотивационными аспектами и наличием опыта трудовой деятельности в сфере, очерченной рамками получаемой профессии. В этой связи большое внимание следует уделять изучению данных процессов. В статье представлен анализ существующего опыта трудовой деятельности современной сибирской молодежи и факторов, оказывающих на него влияние. Эмпирические данные получены в результате опроса, проведенного на базе социологического исследования 2021 г. на территории всех субъектов Сибирского федерального округа. Его целью была оценка основных движущих мотивов образовательной и трудовой деятельности в среде современной молодежи. Новыми являются результаты, позволяющие оценить региональные различия в распределении респондентов как по наличию опыта трудовой деятельности, так и по характеристике его

составляющих. Представленные результаты позволяют судить о наличии опыта трудовой деятельности у сибирской молодежи, оценить возможности ее совмещения с учебной деятельностью. Проанализированы форма регистрации трудовых отношений и связь с профессиональным образованием места работы респондентов. Примечательно, что в ответах на вопрос о барьерах на рынке труда в своем регионе большинство отмечали тот факт, что устроиться по специальности достаточно сложно, но возможно. Среди причин, побуждавших молодых людей начать трудовую деятельность, чаще всего выделялись окончание профессионального обучения и необходимость платить за него. При этом, раскрывая свои планы по применению уже полученного образования, в большинстве случаев молодежь отмечала, что планирует работать по профессии либо продолжать обучение. А к основным мерам по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников учебных заведений отнесли развитие системы подготовки кадров, открытие новых направлений подготовки, усиление роли профориентационных мероприятий в школе, ориентацию на цифровизацию и формирование прогноза потребности в кадрах для экономики региона.

**Ключевые слова:** молодежь, рынок труда, трудовая деятельность, опыт, социологическое исследование

**Финансирование:** исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-29-07366 «Междисциплинарный подход к профессиональному самоопределению сельской молодежи в условиях цифровизации экономики»).

**Для цитирования:** Зинич А.В., Максимова С.Г. Опыт трудовой деятельности молодежи Сибирского федерального округа // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 145-159. doi: 10.14258/ssi(2023)4-09.

## Work Experience of Young People of the Siberian Federal District

Alla V. Zinich<sup>1</sup>

Svetlana G. Maximova<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Omsk State Agrarian University, Omsk, Russia, av.zinich@omgau.org, <https://orcid.org/0000-0003-2265-5633>

<sup>2</sup>Altai State University, Barnaul, Russia, maksimova@socio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

**Abstract.** The possibilities of realizing the labor potential of young people are largely determined by their educational base, motivational aspects and the availability of work experience in the field that is outlined by the framework of their professional identity. In this regard, much attention should be paid to the study of these processes. The article presents an analysis of the existing work experience of modern Siberian youth and the factors influencing it. Empirical data were obtained as a result of a survey conducted on the basis of a sociological study in 2021 on the territory of all subjects of the Siberian Federal District. Its main purpose was to assess the main driving motives

of educational and work activities among modern youth. New are the results that allow us to assess regional differences in the distribution of respondents both by the presence of work experience and by the characteristics of its components. The presented results allow us to judge the availability of work experience among Siberian youth and assess the possibility of combining it with educational activities. The form of registration of labor relations and the connection with the professional education of the respondents' place of work are analyzed. It is noteworthy that in their answers to the question about barriers in the labor market in their region, most noted the fact that it is quite difficult to get a job in a specialty, but it is possible. Among the reasons that prompted young people to start working, the end of vocational training and the need to pay for it were most often highlighted. At the same time, revealing their plans for the application of the education they have already received, in most cases, young people noted that they plan to work by profession or continue their studies. And the main measures to improve the situation with the employment of graduates of educational institutions included the development of a training system, the opening of new areas of training, strengthening the role of career guidance activities at school, orientation to digitalization and the formation of a forecast of the need for personnel for the economy of the region.

**Keywords:** youth, labor market, labor activity, experience, sociological research

**Financial Support:** the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-29-07366 Interdisciplinary approach to professional self-determination of rural youth in the conditions of digitalization of the economy).

**For citation:** Zinich, A. V., Maximova, S. G. (2023). Work Experience of Young People of the Siberian Federal District. *Society and Security Insights*, 6(4), 145–159. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-09.

## Введение

Современный рынок труда развивается неравномерно, с учетом социальной и экономической ситуации, сложившейся в конкретном регионе. Официальная статистика свидетельствует о том, что безработица на рынке труда за последние три года сократилась<sup>1</sup>, однако напряженность на рынке труда остается на достаточно высоком уровне (Коровкин и др., 2019). В целом численность молодежи сокращается, следовательно, сокращается количество работающих людей, показатели производительности труда. Предпринимательская активность также снижается, сокращается при этом и количество инноваций.

Минимизировать негативное влияние данных процессов на рынок труда возможно, развивая систему образования, формирующую индивидуальные профильные знания и компетенции (Лопатина и др., 2020). По мнению современных авторов (Галанова, 2021; Ермакова, Спешилова, Шепель, 2022; Литвинович, Пальчик, 2022; Колгушкин, 2023; Гаврина, 2017; Сизова, Хусяинов, 2017; Кознов, 2019; Kosenchuk et al., 2021), основными мерами, способными улучшить ситуацию с трудоустройством выпускников учебных заведений, являются:

1. Развитие системы подготовки кадров.
2. Формирование у молодежи и школьников правильного отношения к профессиональному выбору.

---

<sup>1</sup> Эксперты РБК объяснили исторические минимумы безработицы в России при сокращении экономики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/03/2023/6400712f9a79474d18f79446>

3. Предоставление для выпускников школ возможности познакомиться с различными профессиями.
4. Формирование прогноза потребности в квалифицированных кадрах и разработка комплекса мероприятий для урегулирования структуры и объемов подготовки кадров в системе профессионального образования.
5. Открытие новых направлений подготовки специалистов под нужды экономики и социальной сферы.
6. Ориентация на цифровую трансформацию всех сфер жизни.

Если в системе реализации данных мер происходит сбой, молодые специалисты становятся не востребованными в условиях рынка, среди данного контингента возникает неполная занятость или безработица.

Для того чтобы минимизировать влияние данных проблем, необходимо анализировать поведение молодежи на рынке труда, оценивать степень влияния качества образовательных программ на эффективность трудоустройства выпускников. Реализуя наше исследование, мы делали акцент на характеристике фактического опыта трудовой деятельности сибирской молодежи, учитывая территориальные различия, касающиеся мотивов начала трудовой деятельности, перспектив дальнейшего трудоустройства в регионе проживания.

### **Методы исследования**

Целью исследования является оценка основных движущих мотивов образовательной и трудовой деятельности в среде современной молодежи. В работе были использованы аналитические методы и методы социологических исследований. Аналитические методы направлены на изучение теории вопроса образовательной и трудовой деятельности молодежи. При реализации эмпирической части исследования были использованы социологические методы, в частности опрос, реализованный посредством онлайн-анкетирования в 2021 г. на территории Сибирского федерального округа. В качестве объектов исследования выступали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Выборочная совокупность составила 5092 чел. Предметом исследования послужили вопросы, освещающие наличие опыта и мотивационные аспекты трудовой деятельности, а также анализ возможностей развития трудового потенциала выпускников учебных заведений с учетом региональной специфики.

### **Результаты**

Результаты исследования говорят о том, что более половины опрошенной молодежи Сибирского федерального округа имеет опыт трудовой деятельности. При этом были обнаружены значимые различия ( $\chi^2$ ,  $p \leq 0,05$ ) в распределении респондентов по наличию у них опыта трудовой деятельности в зависимости от региона проведения исследования (рис. 1).

Респондентов, имеющих опыт трудовой деятельности, значимо больше, чем в других исследуемых регионах, проживает в Иркутской области (74,4%). В то же время респондентов, не имеющих такого опыта, значимо больше было обнаружено в Республике Тыва (55,4%).

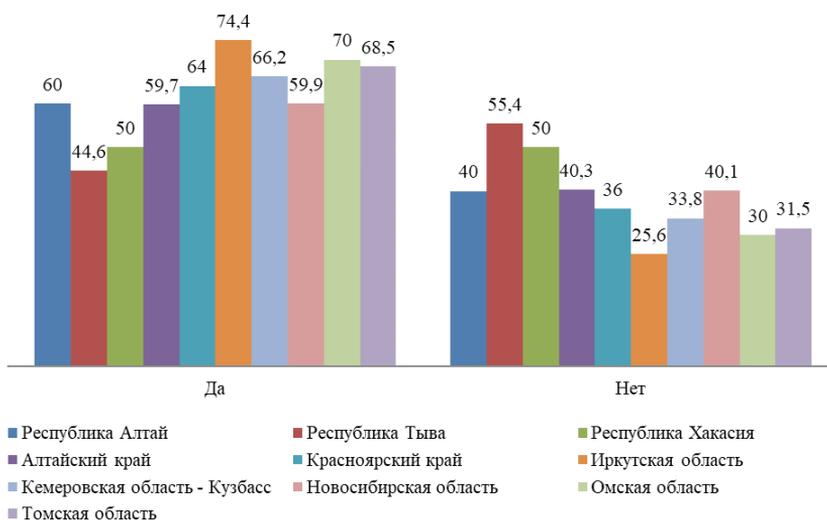


Рисунок 1 — Распределение респондентов по наличию опыта трудовой деятельности в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 1 — Distribution of respondents by work experience, depending on the region of the survey, %.

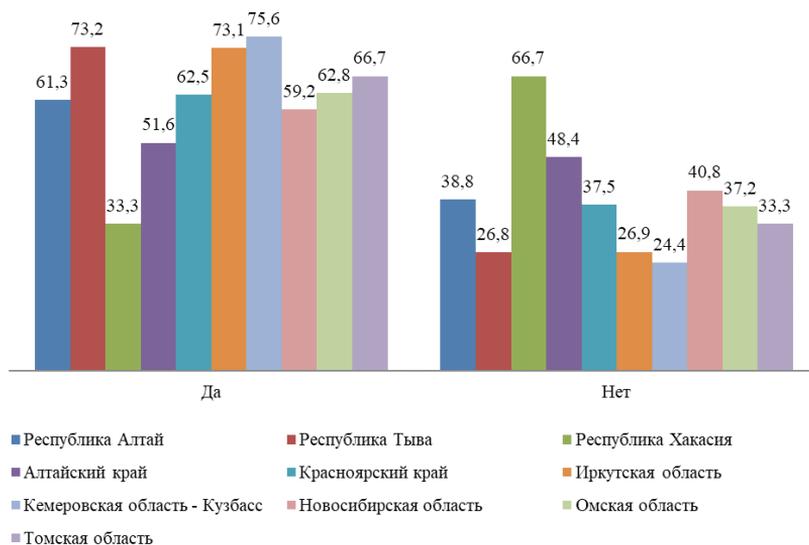


Рисунок 2 — Распределение респондентов по наличию опыта совмещения учебной деятельности с занятостью на последнем месте работы в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 2 — Distribution of respondents by experience of combining educational activities with employment at the last place of work, depending on the region of the survey, %.

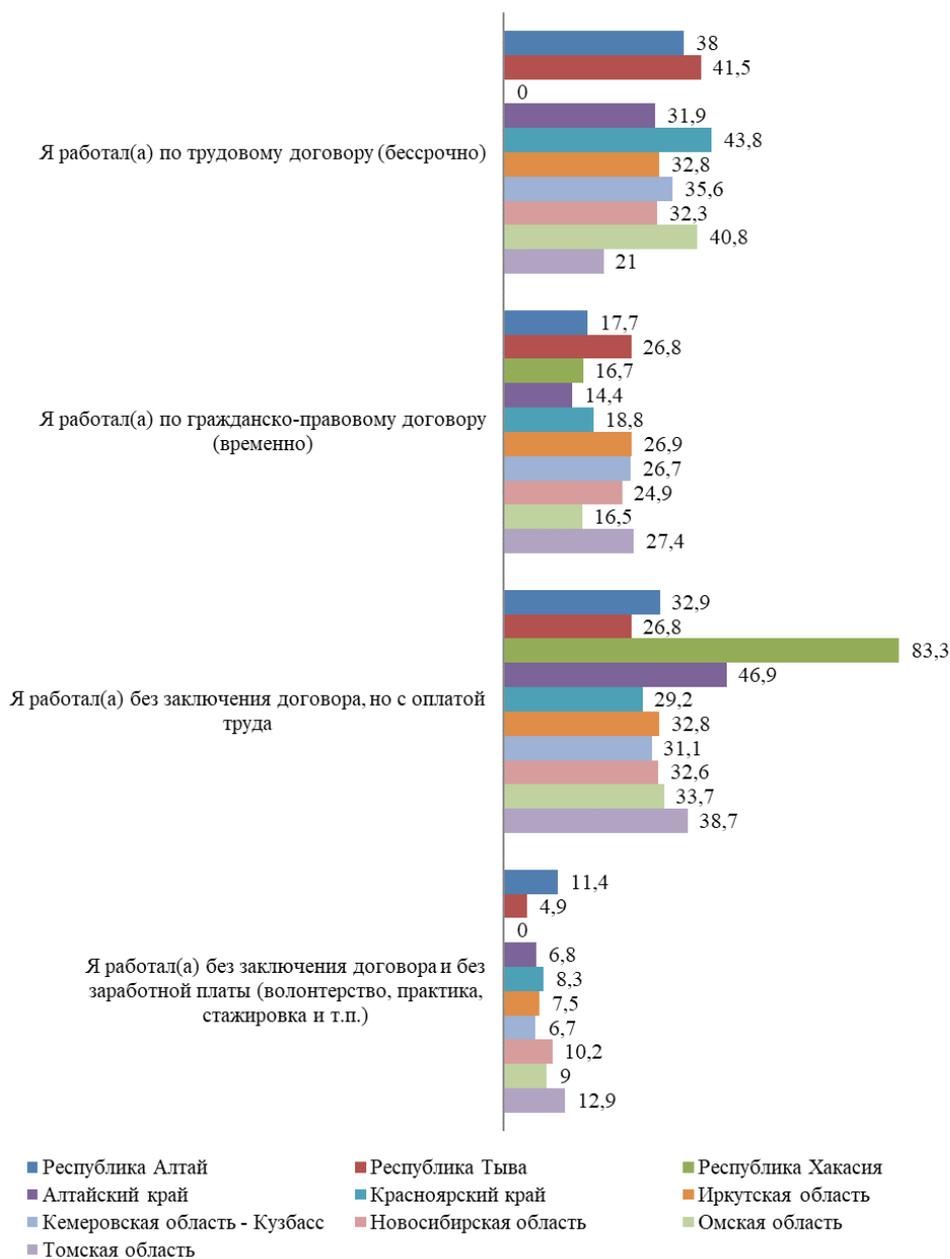


Рисунок 3 — Распределение респондентов по формам регистрации трудовых отношений на последнем месте работы в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 3 — Distribution of respondents by forms of registration of labor relations at the last place of work, depending on the region of the survey, %.

На вопрос «Приходилось ли Вам совмещать учебную деятельность с занятостью на последнем месте работы?» более всего положительных ответов было получено в Кемеровской области (75,6%). А респондентов, не имеющих такого опыта, значительно больше было обнаружено в Республике Хакасия (66,7%), в сравнении с остальными регионами Сибирского федерального округа. В результате проведения межрегиональных сравнений были обнаружены значимые различия ( $\chi^2$ ,  $p \leq 0,05$ ) в распределении респондентов по наличию опыта совмещения учебной деятельности с занятостью на последнем месте работы в зависимости от региона проведения исследования (рис. 2).

При этом в распределении респондентов по формам регистрации трудовых отношений на последнем месте работы в зависимости от региона проведения исследования также получены значимые различия ( $\chi^2$ ,  $p \leq 0,05$ ) (рис. 3).

Так, молодежь Красноярского края (43,8%) значительно чаще молодежи из других обследованных регионов работает по бессрочному трудовому договору. Работа по гражданско-правовому договору значительно чаще встречается среди молодых людей, проживающих в Томской области (27,4%), здесь же чаще встречается и форма работы без заключения договора и без заработной платы (12,9%). «Неофициальная» трудовая занятость (без договора, но с оплатой труда) значительно чаще реализуется молодыми людьми из Республики Хакасия (83,3%).

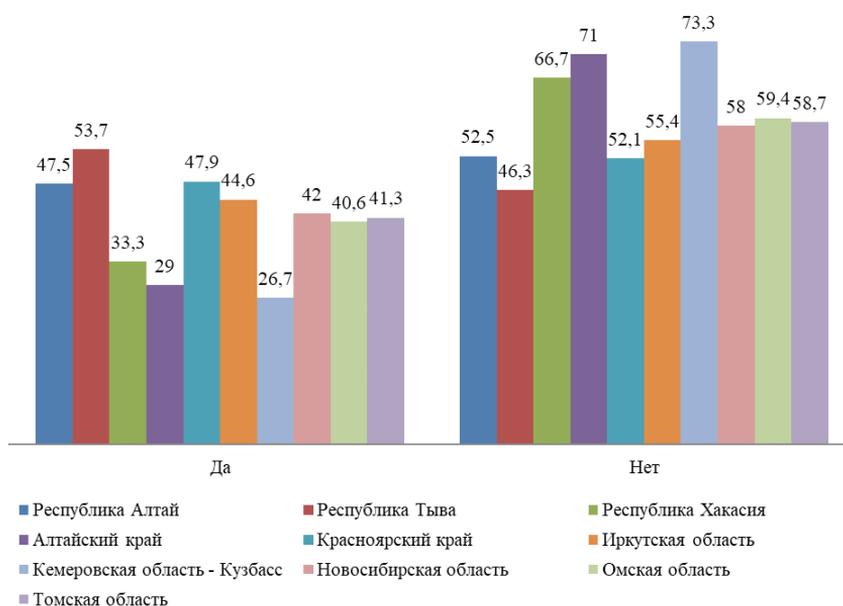


Рисунок 4 — Распределение респондентов по наличию связи с профессиональным образованием респондента на последнем месте работы в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 4 — Distribution of respondents by the presence of connection with the respondent's professional education at the last place of work, depending on the region of the survey, %.

Проанализируем, имеется ли связь деятельности, выполняемой респондентом на последнем месте, где он работал, с его профессиональным образованием в разрезе данных по исследуемым регионам (рис. 4).

Чаще остальных работают по специальности молодые люди, проживающие в Республике Тыва (53,7%), тогда как у респондентов из Кемеровской области (73,3%) работа была чаще не связана с их специальностью, в сравнении с респондентами из других обследованных регионов.

Обратимся к анализу причин, побудивших молодых людей, имеющих опыт работы, начать трудовую деятельность (рис. 5).

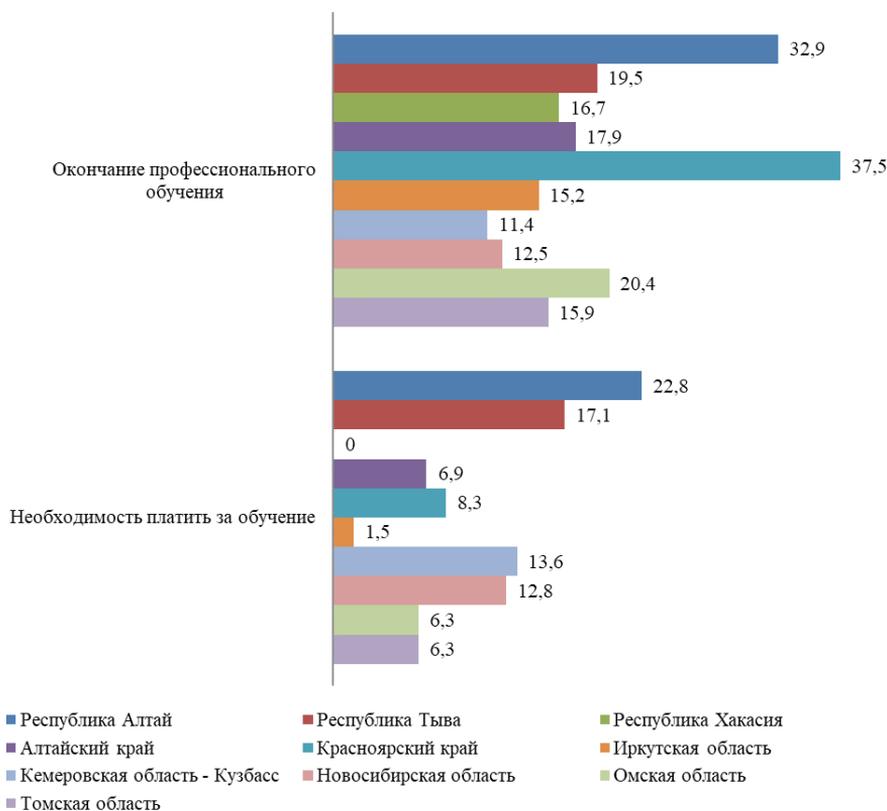


Рисунок 5 — Распределение респондентов по мотивам начала трудовой деятельности в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 5 — Distribution of respondents by motives for starting labor activity depending on the region of the survey, %.

Наиболее часто, в сравнении с молодежью других обследованных регионов, начинают свою трудовую деятельность в связи с окончанием профессионального обучения респонденты из Красноярского края (37,5%) и Республики Алтай

(32,9%), а наиболее редко такой мотив встречается среди респондентов из Кемеровской области (11,4%) и Новосибирской области (12,5%). В то же время необходимость платить за обучение как основной мотив начала трудовой деятельности значимо чаще встречается в молодежной среде Республики Алтай (22,8%) и Республики Тыва (17,1%), а значимо реже — среди молодежи Иркутской области (1,5%) и Республики Хакасия (0,0%).

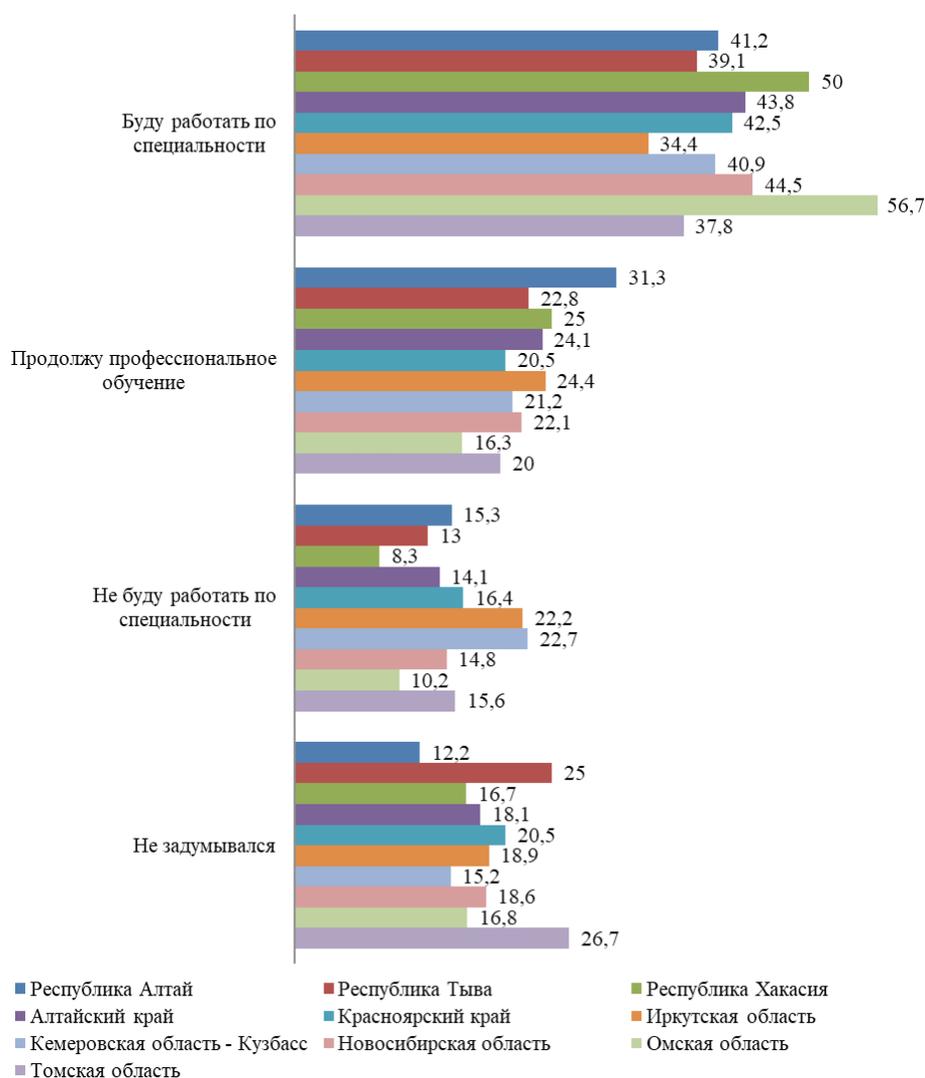


Рисунок 6 — Распределение респондентов по планируемому применению полученной ими профессии в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 6 — Distribution of respondents by planned use of the profession they obtained, depending on the region of the survey, %.

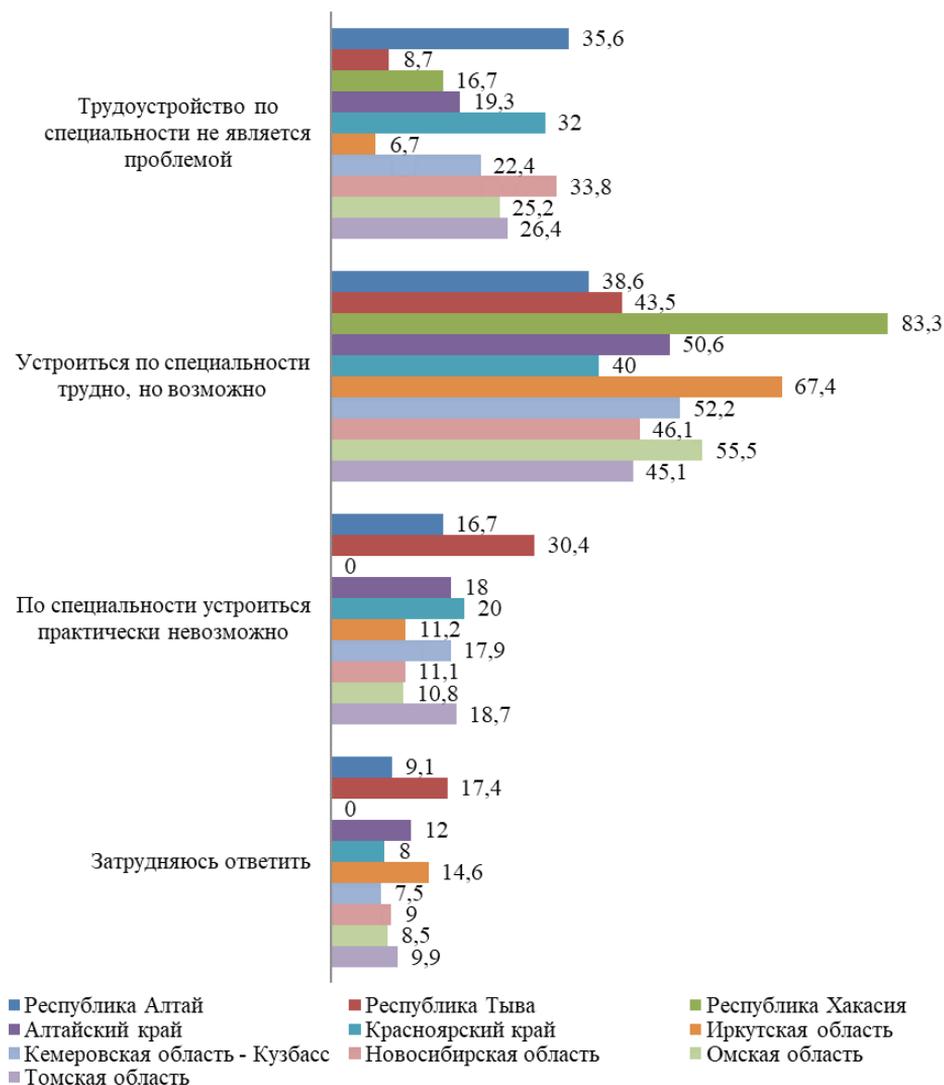


Рисунок 7 — Распределение оценок респондентами реальной возможности трудоустройства по специальности в регионе их проживания в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 7 — Distribution of respondents' assessments of real employment opportunities by specialty in the region of their residence, depending on the region of the survey, %.

Далее респондентам было предложено поделиться планами применения уже полученной ими профессии, распределение ответов на этот вопрос представлено на рисунке 6.

Чаще всего планируют работать по полученной специальности респонденты из Омской области (56,7%) и Республики Хакасия (50,0%). Продолжать профессиональное обучение значимо чаще, чем молодежь из других обследованных регионов, планируют молодые люди из Республики Алтай (31,3%). Не планируют работать по полученной специальности чаще остальных респонденты из Кемеровской области (22,7%) и Иркутской области (50,0%). И наконец, не задумывались о применении уже полученной профессии чаще молодых людей из остальных регионов, охваченных исследованием, респонденты из Томской области (26,7%) и Республики Тыва (25,0%).

Проанализируем, насколько положительно молодые люди рассматривают перспективы трудоустройства в своих регионах (рис. 7).

При оценке возможности трудоустройства по полученной специальности в регионе наиболее оптимистичные ответы были представлены респондентами из Республики Алтай (35,6%), Новосибирской области (33,8%) и Красноярского края (33,8%). Значительно чаще жители этих регионов сообщали, что там, где они живут, устроиться на работу по специальности не составляет труда. А вот наибольшие сложности при трудоустройстве отмечали жители Тывы (39,4%) и эта же категория молодых людей чаще испытывала затруднения при ответе на вопрос (17,4%).

## Обсуждение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что ответы сибирской молодежи очень неравномерно распределились в процессе оценки перспектив трудоустройства. Были выявлены регионы, в которых рынок труда и свое будущее на нем молодежь описывает оптимистично (Красноярский край, Новосибирская область, Алтайский край). Достаточно четко определены более депрессивные регионы по ожиданиям молодежи в вопросах будущего трудоустройства. Авторам было важно определить меры, которые, по мнению молодежи, проживающей на данной территории, будут способствовать улучшению ситуации на рынке труда (рис. 8).

Так, в Республике Тыва молодежь уделяет внимание необходимости развития системы подготовки кадров (52,2%) и открытию новых направлений подготовки специалистов под нужды экономики и социальной сферы (53,3%). Большое значение также уделялось предоставлению возможности познакомиться с различными профессиями для выпускников школ (47,8%). Практически так же высоко данную меру по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников оценивает молодежь из Алтайского края (47,5%). Формирование прогноза потребности в квалифицированных кадрах и разработка комплекса мероприятий для урегулирования структуры и объемов подготовки кадров в системе профессионального образования наиболее актуальна для молодежи из Республики Алтай (52,7%) и Иркутской области (50,7%). Ориентация на цифровую трансформацию всех сфер жизни как мера по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников наиболее актуальна для молодежи из Красноярского края (41,2%) и Респу-

блики Алтай (41,2%). Молодежь из Республики Хакасия (27,3%) чаще молодежи из других охваченных исследованием регионов испытывала затруднения при предложении эффективных мер по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников в регионе.

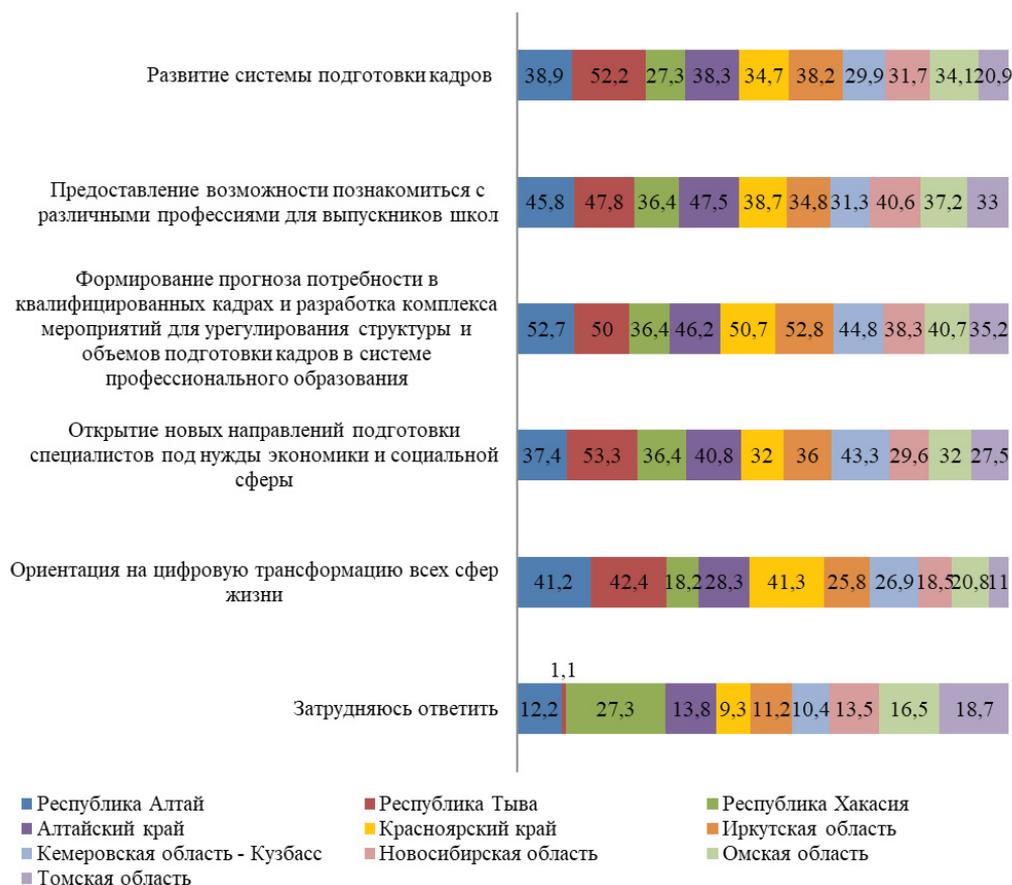


Рисунок 8 — Необходимые меры по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников вузов/ссузов в регионе проживания респондента в зависимости от региона проведения исследования, %.

Figure 8 — Necessary measures to improve the employment situation of university/college graduates in the respondent's region of residence, depending on the region of the survey, %.

## Заключение

Большая часть молодежи, проживающей в Сибирском федеральном округе, имеет опыт трудовой деятельности, причем чаще о наличии такого опыта сообщала молодежь из Иркутской области, а об отсутствии такого опыта — молодежь из Республики Тыва. Из тех, кто имеет опыт трудовой деятельности, более половины были вынуждены совмещать ее с учебной деятельностью, и реже всего это

происходило в Республике Хакасия, а чаще всего — в Кемеровской области. Видимо, этот факт и послужил причиной того, что больше всего молодых людей в этом регионе не имели связи образования с местом трудоустройства. Неблагоприятной тенденцией рынка труда явилась работа молодых людей без заключения договора, что могло спровоцировать развитие негативного отношения к процессу трудоустройства и отсутствию чувства стабильности и защищенности молодых специалистов на рынке труда. Значимо улучшить ситуацию с трудоустройством выпускников учебных заведений в опрашиваемых регионах могли бы следующие меры: формирование прогноза потребности в квалифицированных кадрах и разработка комплекса мероприятий для урегулирования структуры и объемов подготовки кадров в системе профессионального образования, формирование у молодежи и школьников правильного отношения к профессиональному выбору и предоставление возможности познакомиться с различными профессиями для выпускников школ. Эти меры имеют региональную, социально-групповую и компетентностную специфику.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гаврина Е. Г. Влияние цифровой экономики на развитие современного рынка труда // Научные исследования экономического факультета: Электронный журнал. 2017. № 9(4). С. 28-40. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2017-9-4-28-40>
- Галанова К. В. Рынок труда будущего. основные тренды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4-1.
- Ермакова Ж. А., Спешилова Н. В., Шепель В. Н. Детерминанты кадрового обеспечения региона с учетом отраслевой специализации // Экономика региона. 2022. Т. 19. С. 355-369.
- Кознов А. Б. Влияние цифровизации на рынок труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2.
- Колгушкин А. И. Механизм развития системы внутрифирменной подготовки управленческих кадров на предприятии // Инновации и инвестиции. 2023. № 1.
- Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Сеница А. Л. Оценка напряженности на рынке труда: региональный и отраслевой аспекты // Научные труды ИПП РАН. 2019. Т. 2020. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-449-465>
- Литвинович В. М., Пальчик Г. В. Особенности развития системы непрерывной профессиональной подготовки кадров в сфере управления на современном этапе (на примере Республики Беларусь) // Управленческое консультирование. 2022. № 1.
- Лопатина М. В., Леонова Л. А., Травкин П. В. и др. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда : информационный бюллетень. М. : ИД ВШЭ, 2020. 72 с.
- Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в условиях цифровой экономики: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 4. С. 376-396.

Kosenchuk O. V., Kulapov M. N., Diner Y. A., Zinich A. V., Revyakina Y. N., Adelfinskiy A. O. Transformation of Education Processes and Preparation of Competencies for the Digital Economy // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2021. Vol. 10. P. 192–198. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2021.10.23>

## REFERENCES

Gavrina, E. G. (2017). The influence of the digital economy on the development of the modern labor market. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic magazine*, 9(4), 28–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2017-9-4-28-40> (In Russ.).

Galanova, K. V. (2021). The labor market of the future. the main trends. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 4–1. (In Russ.).

Ermakova, Zh. A., Speshilova, N. V., Shepel, V. N. (2022). Determinants of regional staffing, taking into account industry specialization. *The economy of the region*, 19, 355–369. (In Russ.).

Koznov, A. B. (2019). The impact of digitalization on the labor market. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 4–2. (In Russ.).

Kolgushkin, A. I. (2023). Mechanism of development of the system of in-house training of managerial personnel at the enterprise. *Innovations and investments*, 1. (In Russ.).

Korovkin, A. G., Dolgova, I. N., Korolev, I. B., Sinita, A. L. (2019). Assessment of tension in the labor market: regional and sectoral aspects. *Scientific works of the INP RAS*, 2020. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-449-465>

Litvinovich, V. M., Palchik, G. V. (2022). Features of the development of the system of continuous professional training of personnel in the field of management at the present stage (on the example of the Republic of Belarus). *Managerial consulting*, 1. (In Russ.).

Lopatina, M. V., Leonova, L. A., Travkin, P. V. (2020). *Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market. Newsletter*. Moscow : ID VShE. (In Russ.).

Sizova, I. L., Khusyainov, T. M. (2017). Labor and employment in the digital economy: problems of the Russian labor market. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 10(4), 376–396. (In Russ.).

Kosenchuk, O. V., Kulapov, M. N., Diner, Y. A., Zinich, A. V., Revyakina Y. N., Adelfinskiy A. O. 2021 Transformation of Education Processes and Preparation of Competencies for the Digital Economy. *International Journal of Criminology and Sociology*, 10, 192–198. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2021.10.23>

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алла Владимировна Зинич — канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Омского государственного аграрного университета, г. Омск, Россия.

Alla V. Zinich — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Management and Marketing of Omsk State Agrarian University, Omsk, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023;  
одобрена после рецензирования 28.11.2023;  
принята к публикации 03.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023;  
approved after reviewing 28.11.2023;  
accepted for publication 03.12.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 070.15 + 330.33:159.943

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-10

## Оценка уровня цифровой зрелости сферы культуры: классификация регионов России

Наталья Александровна Кондакова<sup>1</sup>

Мария Андреевна Груздева<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup>Вологодский кооперативный колледж, Вологда, Россия;  
e-mail: n.a.kondakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2810-7235>

<sup>2</sup>Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия;  
e-mail: mariya\_antonovarsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8759-4953>

**Аннотация.** Целью статьи является анализ особенностей и тенденций развития цифровой инфраструктуры отрасли культуры, а также оценка уровня цифровой зрелости в данной сфере в регионах. Проанализированы данные и определена динамика цифровых процессов в сфере культуры за 2013–2021 г. по 80 субъектам Российской Федерации. С использованием показателей доли публичных библиотек, имеющих доступ к интернету; музеев, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве музеев; театров, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве театров; объема электронного каталога, доступного в интернете, по каждому региону рассчитан индекс цифровизации сферы культуры и представлен рейтинг субъектов России за 2021 г. Результаты показали, что уровень цифровой зрелости культурной сферы существенно различается в регионах. Выявлены регионы-лидеры, добившиеся высоких результатов в цифровом развитии, а также отстающие территории. Полученная в ходе исследования классификация позволяет более целенаправленно проводить культурную политику в регионах России.

**Ключевые слова:** сфера культуры, индекс цифровизации культуры, цифровая инфраструктура культуры, метод главных компонент, неравенство регионов

**Для цитирования:** Кондакова Н. А., Груздева М. А. Оценка уровня цифровой зрелости сферы культуры: классификация регионов России // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 160-177. doi: 10.14258/ssi(2023)4-10.

## Assessment of the Level of Digital Maturity of the Sphere of Culture: Classification of Regions of Russia

Natalia A. Kondakova<sup>1</sup>

Mariya A. Gruzdeva<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Vologda Cooperative College, Vologda, Russia;

e-mail: kondakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2810-7235>

<sup>2</sup>Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia;

e-mail: mariya\_antonovarsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8759-4953>

**Annotation.** The purpose of the article is to analyze the features and trends in the development of digital infrastructure in the cultural sector, as well as assess the level of digital maturity in this area in the regions. The data was analyzed and the dynamics of digital processes in the field of culture for 2013–2021 were determined for 80 constituent entities of the Russian Federation. Using indicators of the share of public libraries with Internet access; museums that have a website on the Internet in the total number of museums; theaters with a website on the Internet, in the total number of theaters; of the volume of the electronic catalog available on the Internet, for each region, the Digitalization Index of the Cultural Sphere was calculated and the rating of Russian regions for 2021 was presented. The results showed that the level of digital maturity of the cultural sphere varies significantly across regions, and inequality in the level of digital development in this area also persists. Leading regions that have achieved high results in digital development, as well as lagging territories, have been identified. The classification obtained during the study allows for a more targeted implementation of cultural policy in the regions of Russia.

**Keywords:** sphere of culture, index of digitalization of culture, digital infrastructure of culture, principal component method, regional inequality

**For citation:** Kondakova, N. A., Gruzdeva, M. A. (2023). Assessment of the Level of Digital Maturity of the Sphere of Culture: Classification of Regions of Russia. *Society and Security Insights*, 6(4), 160–177. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-10.

### Введение

Цифровизация разных сфер жизни, в том числе культуры, вызвана стремительным развитием и внедрением цифровых технологий. Одной из приоритетных задач государства является развитие цифровой экономики и осуществление цифровой трансформации всех сфер жизни общества. Так, Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Ее целью является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. К основным принципам развития информационных и коммуникационных технологий в России отнесены: обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг; приоритет традиционных российских

духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании ИКТ<sup>1</sup>. В 2019 г. протоколом заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»<sup>2</sup>.

Также в 2018 г. на парламентских слушаниях Комитета по культуре в РФ были озвучены приоритетные задачи по развитию информатизации и цифровизации в сфере культуры, которыми являются: развитие материально-технической базы и повышение уровня информатизации учреждений культуры, внедрение информационных систем учета посетителей учреждений культуры и продажи билетов, оцифровка культурного наследия, формирование баз данных, увеличение доли информационных ресурсов о культуре в сети Интернет, в том числе путем создания информационных порталов, виртуальных музеев и внедрения технологий дополненной и виртуальной реальности; формирование единого информационного пространства в сфере культуры<sup>3</sup>.

Логическим продолжением стало включение в 2019 г. в нацпроект «Культура» федерального проекта «Цифровая культура», который нацелен на широкое использование цифровых технологий в культурном пространстве страны и создание различных виртуальных пространств, имитирующих залы и выставки. В рамках данного проекта планируется увеличить число обращений к цифровым ресурсам среди населения в 7 раз (с 90 млн ед. в 2020 г. до 690 в 2030 г.)<sup>4</sup>.

В целом же можно сказать, что на государственном уровне создается значительное количество программ и стратегических документов по развитию цифровой экономики, цифровизации различных отраслей, но при этом интересы регионов лишь косвенно затрагиваются (Писарев и др., 2022). В то же время в сфере культуры нет разработанных стратегических направлений цифровой трансформации отрасли, что отметили эксперты на стратегической сессии летом 2023 г. Минкультуры России и АНО «Цифровая экономика»<sup>5</sup>. Цифровизация, как и любой процесс оптимизации, требует нормативного регулирования и охраны со стороны государства. Без системы законодательного обеспечения невозможно эффективное функционирование государственного механизма. Отсутствие выработанной региональной политики, направленной на цифровизацию регионов, приводит к увеличению дифференциации регионов по уровню цифрового развития.

<sup>1</sup> Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

<sup>2</sup> Цифровая экономика РФ. URL: [https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm\\_referer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f](https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f)

<sup>3</sup> Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <http://komitet2-3.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/15584405>

<sup>4</sup> Министерство культуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/>

<sup>5</sup> Вопросы цифровизации культуры обсудили на совместной стратегической сессии Минкультуры России и АНО «Цифровая экономика». URL: [https://culture.gov.ru/press/news/voprosy\\_tsifrovizatsii\\_kultury\\_obsudili\\_na\\_sovmestnoy\\_strategicheskoy\\_sessii\\_minkultury\\_rossii\\_i\\_ano/](https://culture.gov.ru/press/news/voprosy_tsifrovizatsii_kultury_obsudili_na_sovmestnoy_strategicheskoy_sessii_minkultury_rossii_i_ano/)

Под цифровизацией в данном аспекте мы будем понимать «инструментальное использование технических возможностей для создания новой культурной среды, в «которую вживается человек», и для формирования новых возможностей для изучения и приобщения к культурным ценностям» (Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2018; Музычук, 2020). В рамках данного понятия к основным направлениям деятельности в области цифровизации сферы культуры можно отнести: создание виртуальных концертных залов; проведение онлайн-трансляций; создание мультимедиа-гидов с использованием технологии дополненной реальности; оцифровку книжных памятников; создание и размещение контента в интернете. Таким образом, особое место отведено Всемирной паутине, как важной площадке получения информации и знаний в новых форматах, а также необходимому условию для культурной самоидентификации человека.

С уверенностью можно утверждать, что цифровизация внесла свои коррективы в характер потребления информации и культурный досуг населения. По данным Министерства культуры РФ, за 2019–2022 гг. количество обращений населения к цифровым ресурсам увеличилось в 4,5 раза (с 58 до 264 млн)<sup>1</sup>. Появился новый способ чтения литературы с помощью электронных носителей, в результате чего население реже стало посещать книжные магазины. Так, по данным ВЦИОМ, за последние 30 лет на 11% сократилась доля ежемесячной аудитории книжных магазинов (1992 г. — 37%; 2022 г. — 26%), а около 45% населения посещают книжные магазины реже, чем раз в год, или не посещают их вовсе, что на 25% больше, чем в 1992 г.<sup>2</sup> Стоит отметить, что данные изменения сократили аудиторию книжных магазинов, но не аудиторию читающих.

В России реализуется несколько крупных проектов по цифровизации культуры: популярный портал «Культура.РФ», проект Национальной электронной библиотеки, а также Единая Федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах (ЕАИС), созданная в 2009 г. Среди направлений деятельности Министерства культуры Российской Федерации следует выделить мероприятия по обеспечению в 2019 г. в рамках национального проекта «Культура» 21 субъекта Российской Федерации первыми 100 многофункциональными передвижными культурными центрами отечественного производства<sup>3</sup>.

Переход на цифровые платформы и использование высокотехнологических решений в культурной сфере требуют не только использования технических возможностей доступа к сети Интернет, но и обладания соответствующим уровнем цифровых компетенций, специальных знаний населения и организаций по использованию ИКТ. В то же время нужно обеспечить на высоком уровне информационную инфраструктуру, информационную безопасность, а также механизмы

<sup>1</sup> Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/organizations/>

<sup>2</sup> ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022>

<sup>3</sup> Министерство Культуры РФ. URL: [https://culture.gov.ru/press/news/21\\_region\\_poluchit\\_sovremennye\\_avtokluby\\_v\\_2019\\_godu\\_v\\_ramkakh\\_natsproekta\\_kultura/](https://culture.gov.ru/press/news/21_region_poluchit_sovremennye_avtokluby_v_2019_godu_v_ramkakh_natsproekta_kultura/)

экономико-правового регулирования отношений в сфере цифровой инфраструктуры (Дугужева, Симаева, 2019).

Сотрудникам учреждений культуры нужно не только владеть современными навыками цифровых технологий, но и быть активными в рамках продвижения своей деятельности и направлений работы. Так, с 2016 г. внедрен механизм оценки активности деятельности учреждений культуры по информированию граждан о событиях культурной жизни субъектов РФ на основе данных «PRO. Культура.РФ». На данном сайте размещен «Рейтинг информационной активности культурной жизни регионов»<sup>1</sup>. В нем учитывается активность региональных и муниципальных учреждений культуры 85 субъектов Российской Федерации с принадлежностью «Минкультуры России» на платформе «PRO.Культура.РФ». Результаты представляются исходя из численности населения, проживающего на соответствующей территории. В 2022 г. первые три места среди регионов с населением более 2 млн чел., заняли Республики Башкортостан, Татарстан и Свердловская область. В тройке лидеров за 2022 г. в группе с населением от 1 до 2 млн стали Белгородская область, Чеченская Республика, Ярославская область. Среди регионов с населением меньше миллиона лидируют Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманская и Магаданская области.

Однако исследования показывают, что существуют проблемы, связанные с доступностью информационных и коммуникационных технологий для населения, недостаточностью мер по продвижению достижений культуры посредством цифровых технологий (Губченкова, Чеснова, Еникеева, 2019).

Таким образом, актуальность изучения цифровизации сферы культуры обусловлена повсеместным внедрением и необходимостью использования цифровых технологий в данной сфере. В свою очередь, результаты использования ИКТ в различных сферах общественной жизни стали объектом социально-экономической статистики — статистики информационного общества, на основе которой базируется информационно-аналитическое обеспечение государственной политики в сфере культуры.

Целью данной работы является анализ особенностей и тенденций цифровой инфраструктуры отрасли культуры, а также оценка уровня цифровой зрелости регионов в данной сфере.

## Данные и методы

Сразу стоит отметить, что в открытом доступе находится незначительное количество статистических данных о сфере культуры, что затрудняет проведение полноценных научных исследований.

В 2021 г. культура и спорт как вид экономической деятельности на 68% были обеспечены широкополосным интернетом (табл. 1).

Неравенство в доступе населения к цифровым технологиям и инфраструктуре является фактором снижения качества жизни. Разрыв может быть обусловлен как демографическими характеристиками населения, так и социально-экономиче-

<sup>1</sup> <https://pro.culture.ru/blog/706>

скими и территориальными. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (далее — ИСИЭЗ НИУ ВШЭ), в России в 2020 г. доступ к интернету имели 82,8% городских домохозяйств и 71,6% домохозяйств, расположенных в сельской местности. Тогда как разрыв в доступе к широкополосному интернету еще более существенный<sup>1</sup>: 80,6% против 65,8%. Проведенный авторами данной статьи анализ ключевых тенденций цифровизации показал наличие различий между городами и сельской периферией. Доказано распространение цифровых разрывов среди российских регионов по оси «урбанизированные — аграрные» (Шабунова, Груздева, Калачикова, 2020; Груздева, 2022).

Таблица 1.

Table 1.

Фиксированный широкополосный доступ к интернету в организациях по видам экономической деятельности, процент от общего числа организаций<sup>2</sup>

Fixed broadband Internet access in organizations by type of economic activity, % of the total number of organizations

Вид экономической деятельности	2020 г.	2021 г.
Операции с недвижимым имуществом	57,2	57,4
Строительство	52,6	58,4
Профессиональная, научная и техническая деятельность	63,6	65,4
Добыча полезных ископаемых	59,9	65,7
Сельское хозяйство	57,8	65,8
Гостиницы и общественное питание	66,1	67,8
<b>Культура и спорт</b>	<b>67,0</b>	<b>68,1</b>
Транспортировка и хранение	69,5	69,3
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	64,9	69,4
Обеспечение энергией	76,1	77,2
Финансовый сектор	79,6	78,7
Государственное управление, социальное обеспечение	74,6	78,8
Обрабатывающая промышленность	71,9	79,3
Информация и связь	79	79,3
Оптовая и розничная торговля	79,5	80,4
Отрасль информационных технологий	81,2	80,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	82,5	81,5
Высшее образование	88,4	87
Всего	73	73,8

<sup>1</sup> Индикаторы цифровой экономики: 2021: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 381 с.

<sup>2</sup> Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

Относительно цифровых навыков исследование ИСИЭЗ НИУ ВШЭ показало также достаточно значимый разрыв между сельским и городским населением. Например, отправкой писем с электронной почты с прикреплением файлов владеют 47% городских жителей и 27% сельских (рис. 1). В то время как создавать презентации могут 10% и 7% соответственно городского и сельского населения. С увеличением возраста уровень владения цифровыми навыками снижается. Если в возрасте 15–24 лет текстовым редактором владеют 68% населения, то в 45–54 лет — только 44%.

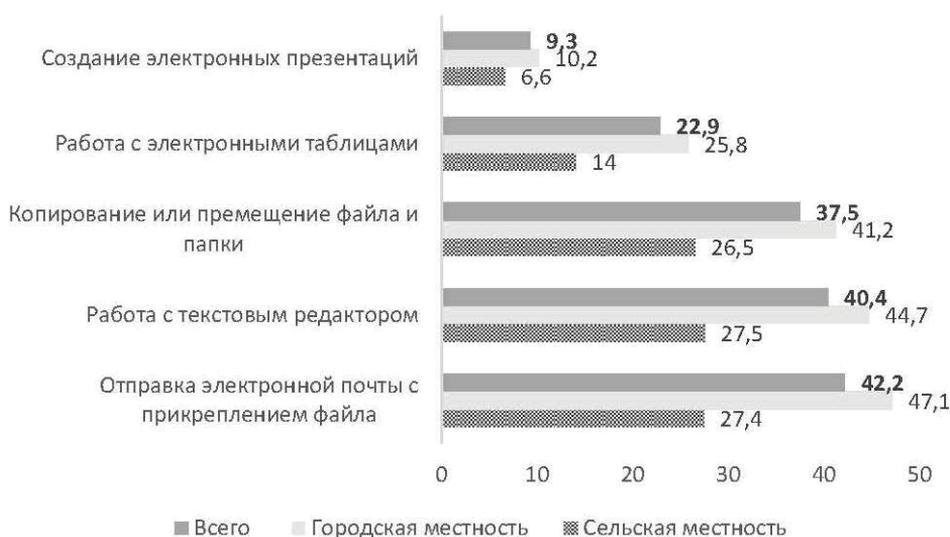


Рисунок 1 — Цифровые навыки населения в городской и сельской местности, 2020 г., процент от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше<sup>1</sup>.

Figure 1 — Digital skills of the population in urban and rural areas, 2020, % of total population aged 15 years and older.

Анализ региональной специфики цифровой инфраструктуры учреждений культуры продемонстрировал различия в зависимости от уровня интернет-доступа организаций. Особенно это касается публичных библиотек, которые играют немаловажную роль в повышении уровня цифровой грамотности и цифровой культуры, так как способны помочь пользователям разбираться в системе информационных источников, находить нужные интернет-ресурсы, действуя при этом эффективно и безопасно. В то же время библиотеки являются общедоступными площадками для консультирования, обучения, просвещения и коммуникаций людей. На сегодняшний день в каталоге национальной электронной библиотеки (НЭБ) более 47 000 записей. Общее количество электронных документов в фон-

<sup>1</sup> Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

дах НЭБ — 5 833 601. В общественном достоянии — 4 922 872. Охраняемые авторским правом — 910 729<sup>1</sup>.

По данным статистики Министерства РФ начиная с 2013 г. с каждым годом количество публичных библиотек, подключенных к сети Интернет, растет. В 2021 г. в 47 регионах из 86 их доля была больше 90%. Сильно отстающим регионом по данному показателю является республика Мордовия, где только 28% публичных библиотек подключены к интернету (табл. 2). Разрыв между регионами по данному показателю составляет 3,5 раза.

Таблица 2.

Table 2.

Доля публичных библиотек, подключенных к сети Интернет, в общем количестве библиотек России

Share of public libraries connected to the Internet in the total number of libraries in Russia

Регион	2013	2015	2019	2020	2021	Ранг	2021 г. к 2013 г. (±)
Калужская обл.	33	77	100	100	100	1	67
Тамбовская обл.	37	63	100	100	100	2	63
Ненецкий АО	86	96	100	100	100	3	14
Тюменская обл.	57	100	100	100	100	4	43
Ямало-Ненецкий АО	100	100	100	100	100	5	0
...	...	...	...	...	...		...
Вологодская обл.	92	94	94	92	90	47	-2
...	...	...	...	...	...		...
Воронежская обл.	19	41	54	59	64	82	45
Саратовская обл.	22	36	56	61	63	83	41
Карачаево-Черкесская Республика	39	43	62	60	61	84	23
Республика Северная Осетия	23	31	34	38	50	85	26
Республика Мордовия	14	15	21	26	28	86	14
Справочно: Россия	52	66	83	85	87	–	35

Примечание: приведены данные по пяти регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области. Данные ранжированы по регионам за 2021 г.

Сост. по: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations/>

<sup>1</sup> Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru/neb-figures/>

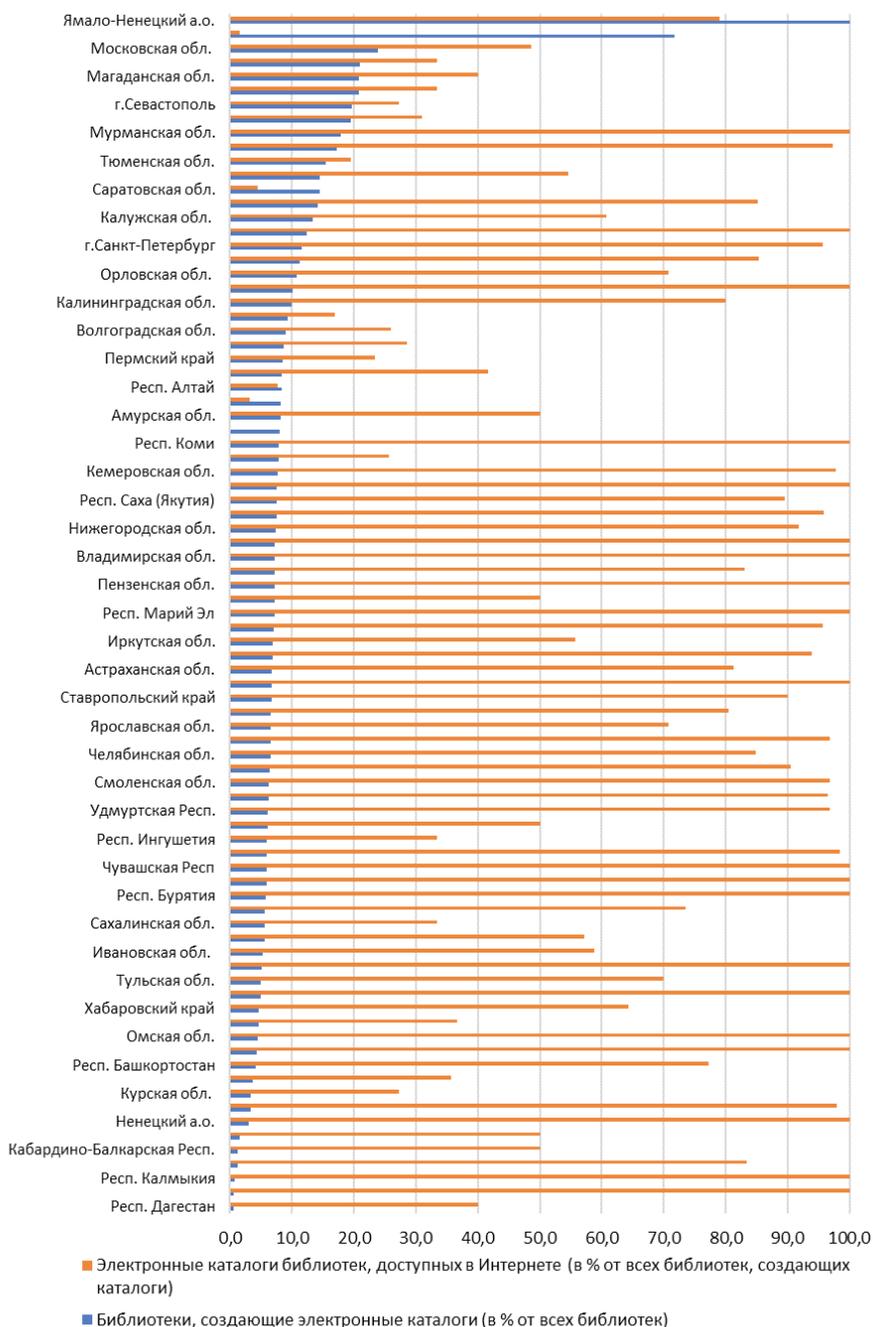


Рисунок 2 — Информатизация библиотек, 2021 г.<sup>1</sup>

Figure 2 — Informatization of libraries, 2021.

<sup>1</sup> Рассчитано по: (Общедоступные библиотеки..., 2022).

Таблица 3.

Table 3.

Доля музеев, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве музеев России

Share of museums with a website on the Internet in the total number of museums in Russia

Регион	2013	2015	2019	2020	2021	Ранг	2021 г. к 2013 г. (+/-)
Владимирская обл.	41	56	100	100	100	1	59
Воронежская обл.	62	83	92	100	100	2	38
Калужская обл.	64	62	100	100	100	3	36
Тамбовская обл.	85	85	100	100	100	4	15
Республика Коми	95	89	95	95	100	5	5
...	...	...	...	...	...		...
Вологодская обл.	72	90	94	94	94	36	22
...	...	...	...	...	...		...
Республика Северная Осетия	0	13	22	22	55	82	55
Кабардино-Балкарская Республика	50	75	75	75	50	83	0
Республика Крым	33	33	33	33	33	84	0
Республика Тыва	13	13	25	30	27	85	15
Республика Ингушетия	11	16	18	20	21	86	9
Справочно: Россия	59	73	84	87	88	-	29

Примечание: приведены данные по пяти регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области. Данные ранжированы по регионам за 2021 г.

Сост. по: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations/>

Неотъемлемой частью справочно-поискового аппарата библиотек являются электронные каталоги, которые показывают состав имеющихся библиотечных фондов и позволяют значительно повысить оперативность и качество учета и информационного обслуживания. Особенно они актуальны в период дистанционной работы. Анализ статистики показал, что в 2021 г. в среднем по стране только 8% библиотек создают электронные каталоги и еще меньше (5%) дают доступ к ним (Общедоступные библиотеки..., 2022). При этом только в одном регионе (Ямало-Ненецком АО) все 81 библиотека имели таковые. Также из общего числа территорий страны выделяется Республика Тыва, в которой 72% библиотек ведут электронные каталоги. Аутсайдерами по данному показателю являются Республики Калмыкия (0,7%), Карачаево-Черкесская (0,6%), Дагестан (0,5) (рис. 2).

Аналогично растет количество музеев, имеющих свой сайт в сети Интернет (табл. 3). Однако разница между лидерами и аутсайдерами составляет 79%.

В 2021 г. к отстающим регионам относились республики Крым (33%), Тыва (27%) и Ингушетия (21%).

Что же касается театров, то здесь ситуация выглядит более оптимистично, так как почти все театры имеют свой сайт в интернете. Исключением явились три региона, в которых нет данных культурных заведений (Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа; табл. 4).

Таблица 4.

Доля театров, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве театров России

Table 4.

Share of theaters with a website on the Internet in the total number of theaters in Russia

Регион	2013	2015	2019	2020	2021	Ранг**	2021 г. к 2013 г. ( $\pm$ )
Белгородская обл.	100	100	100	100	100	1	0
Брянская обл.	100	100	100	100	100	2	0
Владимирская обл.	67	100	100	100	100	3	33
Ивановская обл.	100	100	100	100	100	4	0
Калужская обл.	100	100	100	100	100	5	0
...	...	...	...	...	...		...
Вологодская обл.	100	100	100	100	88	19	0
...	...	...	...	...	...		...
Тульская обл.	86	100	100	100	100	82	-2
Республика Адыгея	67	100	80	75	83	83	0
Ненецкий А.О.	0	0	0	0	0	84	-
Ямало-Ненецкий А.О.	0	0	0	0	0	85	-
Чукотский А.О.	0	0	0	0	0	86	-
Справочно: Россия	93	97	98	98	98	-	5

Примечание: приведены данные по пяти регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области. Данные ранжированы по регионам за 2021 г.

Сост. по: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations/>

Отсутствие подключения к сети Интернет оказывает негативное влияние на качество и количество услуг, оказываемых учреждениями культуры, так как одной из причин является то, что сфере культуры приходится конкурировать с индустрией развлечений. Поэтому интерактивные технологии могут помочь в привлечении посетителей и повышении степени их вовлеченности. Многие музеи широко используют в своей деятельности инновационные достижения науки и техники: это голографические экраны и пирамиды, виртуальные экскурсии, сенсорные киоски, интерактивные стенды и книги, дополненная реальность. Набирают по-

пулярность виртуальные музеи, причем востребованными становятся не только классические музеи, а недоступные посетителям места производства и изготовления тех или иных изделий творчества (например, серебряные изделия предприятия ЗАО «Великоустюгский завод «Северная чернь» Вологодской области).

Оценка уровня цифровой зрелости сферы культуры, как показано выше, осуществляется по нескольким показателям, одновременное сопоставление которых очень затруднительно. Поэтому для возможности сопоставления уровня развития регионов страны нами предложен и апробирован комплексный показатель — индекс цифровизации сферы культуры (ИЦК).

В состав индекса вошли четыре показателя: доля публичных библиотек, имеющих доступ к интернету; доля музеев, имеющих сайт в сети Интернет в общем количестве музеев; доля театров, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве театров; объем электронного каталога, доступного в интернете. Источником статистических данных выступили данные отраслевой статистики Министерства культуры РФ, которые доступны на официальном сайте. К отобраным показателям были предъявлены следующие требования, выдвинутые математиком и экономистом д.ф.-м.н. С.А. Айвазяном (2012):

1. Представительность (релевантность). Подразумевает, что показатели охватывают все доступные на данный момент аспекты цифровизации сферы культуры.
2. Доступность. Оценки отобранных показателей общедоступны и регулярно обновляются в соответствии с проводимыми мониторингами.
3. Достоверность. Показатели взяты из официальных источников статистической информации и могут быть верифицированы.

Безусловно, на данном этапе статистических наблюдений доступные показатели недостаточны для анализа всех аспектов цифровизации сферы культуры. Углубленное наблюдение может проводиться в рамках одной или нескольких территорий с привлечением маркетинговых исследований, количественных и качественных социологических наблюдений (в частности, учета экспертных мнений работников учреждений сферы культуры) и набирающих обороты измерений активности и поведения людей в интернете, социальных сетях, которые при активном развитии данного метода подарят исследователям возможность не только оценивать обращение к тем или иным цифровым ресурсам, но и узнавать мотивацию выбора, длительность использования, оценочные суждения и т.д. Разработанный индекс стал начальной попыткой агрегировать доступные статистические данные и сделать на их основе рейтингование регионов, чтобы определить дифференцированность, лидеров и аутсайдеров и в дальнейшем ориентироваться на данные выводы при углублении исследований. Кроме того, важно понимать, что исследуемые нами показатели могут иметь и значительную внутрирегиональную дифференциацию, это еще один срез для понимания того, приближает цифровизация человека к культурным услугам или, наоборот, еще больше дифференцирует общество.

Для расчета индекса на первом этапе была проведена нормировка системы показателей по формуле:

$$\widehat{X} = \frac{|x_{ij} - x_j^0|}{\left| \max / \min^{x_j - x_j^0} \right|},$$

$i=1, 2, 3, \dots, n; j= 1, 2, 3, \dots, m,$

где  $x_j^0$  – наихудшее значение (по каждому показателю) из всех встречающихся с точки зрения их влияния на индекс цифровизации культуры;

$\max / \min^{x_j - x_j^0}$  – наиболее отличающиеся от  $x^0$  значения показателей;  $n$  – количе-

ство исследуемых территориальных единиц (80);  $m$  – число показателей (в наше случае 4), используемых для расчетов. Целью нормировки – перевод показателя в отклонение от заданного наилучшего или наихудшего значения. Полученные в результате нормировки значения ограничены отрезком  $[0; 1]$ .

Далее для построения индекса использовался метод, базирующийся на расчете евклидовых расстояний до наихудшей единицы ( $d^0$ ). Он позволяет выделить влияние отдельных координат, имеющих аномально большие разности, поскольку они возводятся в квадрат. Применение такой меры требует обработка информационного массива по методу главных компонент с целью ортогонализации и «свертки» системы показателей, что также было реализовано в нашем исследовании (табл. 5). Полученные значения вектора-столбца  $d^0$  интегральных оценочных характеристик для удобства дальнейшего анализа дополнительно нормируются. Величина  $d^0$  варьирует в пределах от нуля до единицы, ноль – соответствует наихудшей комплексной оценке, а единица – наилучшей.

Таблица 5.

Table 5.

### Весовые коэффициенты переменных, входящих в ИЦК

#### Weighting coefficients of the variables included in the digitalization index culture

Переменные	Весовые коэффициенты
Доля публичных библиотек, имеющих доступ к интернету	0,29491892
Доля музеев, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве музеев	0,286992167
Доля театров, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве театров	0,109736609
Объем электронного каталога, доступного в интернете	0,308352305

Предлагаемый авторами метод учитывает взаимосвязи исходных показателей, позволяет делать взвешенную оценку и учет влияния различных факторов на итоговый индекс. Благодаря используемому набору показателей методика

может быть воспроизведена и работает на исследовательскую задачу изучения уровня цифровизации сферы культуры в российских регионах, при расширении информационной базы состав индекса может быть подвержен корректировке. На данный момент собираемые данные позволяют оценивать исследуемый аспект лишь частично, это не в полной мере отражает стратегические задачи развития отрасли, в частности не учитывает обращаемость к цифровым сервисам, которые являются целевым показателем федерального проекта «Цифровая культура» нацпроекта «Культура».

### Результаты и обсуждение

Полученные в результате расчеты представляют собой рейтинговую оценку уровня цифровой зрелости отрасли культуры среди регионов России в 2021 г. Построение рейтинга позволило выявить лидирующие и отстающие регионы. Так, регионы, вошедшие в первую десятку лидеров, возглавляет Владимирская область. Сюда вошли также города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Замыкают рейтинг с наихудшими показателями республики Дагестан, Мордовия, Тыва, Алтай, Северная Осетия и Карачаево-Черкесская (табл. 6). В среднем по России значение индекса равно 0,832513. Расчеты показали, что в десятке лидеров разница между регионами незначительна, тогда как между первым и последним в рейтинге она составляет 0,62 пункта.

В зависимости от занятых регионами мест при ранжировании они были объединены в четыре группы. Регионы, вошедшие в первую группу (ранговые места с 1-го по 26-е; ИИК равен 0,988846 – 0,900776) можно оценить как территории с высоким уровнем цифровой зрелости в сфере культуры. В регионах второй обширной группы (ранговые места с 27-го по 51-е; ИИК равен 0,898538 – 0,834069) вошли территории с удовлетворительным уровнем цифровой зрелости. В третьей группе регионов (ранговые места с 52-го по 74-е; 0,823689 – 0,619836) уровень цифровой зрелости пониженный. Четвертая, малочисленная группа (ранговые места с 75-го по 80-е).

Оценка масштабов информатизации культуры показала, что существует высокий уровень неравенства регионов России в этой сфере. Значительная часть регионов очень сильно отстают от регионов-лидеров, вошедших в группу с высоким уровнем значений ИИК. Это отставание в дальнейшем будет негативно отражаться на цифровых преобразованиях в сфере культуры.

В заключение стоит отметить, что за 2013–2021 гг. уровень цифрового развития в сфере культуры увеличился по всем рассматриваемым регионам, что определенно является положительным моментом. Однако сохраняется значительное региональное неравенство в вопросах цифровизации сферы культуры, которое обусловлено недостаточными темпами его развития в отстающих регионах. Так, разница между лидерами и аутсайдерами по доле публичных библиотек, подключенных к интернету, составляет 72%, по количеству музеев — 79%. В 2021 г. отстающими регионами являлись территории Северо-Кавказского федерального округа и Республика Мордовия.

Таблица 6.

Table 6.

Ранговые места, занимаемые субъектами России при ранжировании по Индексу цифровизации сферы культуры, 2021 г.

Ranking places occupied by Russian subjects when ranking according to the Digitalization Index of the Cultural Sphere, 2021

Ранг	Территория	Значение индекса	Ранг	Территория	Значение индекса
	<b>Высокий уровень</b>			<b>Пониженный уровень</b>	
1	Владимирская обл.	0,988846	52	Удмуртская Респ.	0,823689
2	Мурманская обл.	0,982243	53	Ивановская обл.	0,820072
3	Белгородская обл.	0,973288	54	Смоленская обл.	0,811233
4	г. Санкт-Петербург	0,96709	55	Новгородская обл.	0,809899
5	Ставропольский край	0,963257	56	г. Севастополь	0,804949
6	Ростовская обл.	0,963187	57	Респ. Татарстан	0,804039
7	Кабардино-Балкарская	0,962703	58	Сахалинская обл.	0,794968
8	г. Москва	0,9597	59	Еврейская авт. обл.	0,79108
9	Рязанская обл.	0,958315	60	Забайкальский край	0,785707
10	Омская обл.	0,954072	61	Волгоградская обл.	0,784502
11	Респ. Коми	0,953068	62	Приморский край	0,764817
12	Челябинская обл.	0,950003	63	Оренбургская обл.	0,76473
13	Кемеровская обл.	0,949383	64	Липецкая обл.	0,760193
14	Тверская обл.	0,947367	65	Пермский край	0,748187
15	Архангельская обл.	0,944116	66	Хабаровский край	0,747097
16	Новосибирская обл.	0,932392	67	Калужская обл.	0,746286
17	Тамбовская обл.	0,931259	68	Респ. Адыгея	0,726149
18	Свердловская обл.	0,929434	69	Респ. Ингушетия	0,71374
19	Томская обл.	0,924767	70	Орловская обл.	0,711951
20	Респ. Карелия	0,921607	71	Воронежская обл.	0,693031
21	Вологодская обл.	0,911679	72	Алтайский край	0,68492
22	Чувашская Респ.	0,910969	73	Респ. Калмыкия	0,630106
23	Респ. Хакасия	0,908071	74	Саратовская обл.	0,619836
24	Курганская обл.	0,901824		<b>Низкий уровень</b>	
25	Курская обл.	0,901217	75	Респ. Дагестан	0,553148
26	Московская обл.	0,900776	76	Респ. Мордовия	0,538448

Ранг	Территория	Значение индекса	Ранг	Территория	Значение индекса
	<b>Удовлетворительный уровень</b>		77	Респ. Тыва	0,532945
27	Ханты-Мансийский а.о.	0,898538	78	Респ. Алтай	0,519039
28	Кировская обл.	0,896251	79	Респ. Северная Осетия	0,491419
29	Брянская обл.	0,895992	80	Карачаево-Черкесская	0,36978
30	Амурская обл.	0,894437			
31	Респ. Башкортостан	0,889418			
32	Астраханская обл.	0,885639			
33	Псковская обл.	0,884923			
34	Тульская обл.	0,88171			
35	Самарская обл.	0,880811			
36	Краснодарский край	0,880409			
37	Пензенская обл.	0,874519			
38	Респ. Марий Эл	0,873527			
39	Ярославская обл.	0,869532			
40	Красноярский край	0,867028			
41	Камчатский край	0,865984			
42	Респ. Бурятия	0,861326			
43	Калининградская обл.	0,859042			
44	Нижегородская обл.	0,857817			
45	Ульяновская обл.	0,855824			
46	Респ. Крым	0,855148			
47	Магаданская обл.	0,854482			
48	Ленинградская обл.	0,853964			
49	Тюменская обл.	0,847276			
50	Респ. Саха (Якутия)	0,846758			
51	Иркутская обл.	0,834069			

Авторы статьи воспринимают проведенную работу как своеобразную попытку комплексно осмыслить процессы цифровизации в сфере культуры. Что, в свою очередь, ограничено имеющимися региональными статистическими данными. Построение таких рейтинговых оценок регионов России помогает принять адекватные стратегические решения в вопросах региональной цифровизации культуры.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О. и др. Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531.

Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения. М. : Наука, 2012. 432 с.

Груздева М. А. Города и сельская периферия: ключевые тенденции цифровизации // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, No 4. С. 90–107. doi: 10.14258/ssi(2022)4-05

Губченкова А. С., Чеснова О. А., Еникеева Л. А. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 52–60.

Дугужева М. Х., Симаева Е. П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190–208. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208

Музычук В. Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 5. С. 49–63.

Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах 2021. М. : ГИВЦ Минкультуры России, 2022. 213 с.

Писарев И. В., Бывшев В. И., Пантелеева И. А., Парфентьева К. В. Исследование готовности регионов России к цифровой трансформации // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 2. С. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.15202>

Шабунова А. А., Груздева М. А., Калачикова О. Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4. С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

## REFERENCES

Abdrakhmanova, G. I., Vasilkovsky, S. A., Vishnevsky, K. O. et al. (2023). *Digital economy: 2023: brief statistical collection*. Moscow : NIU VSHE. (In Russ.).

Astaf'eva, O. N., Nikonorova, E. V., Shlykova, O. V. (2018). Culture in digital civilization: a new stage in understanding the strategy of the future for sustainable development. *Observatory of Culture*, 5, 516–531. (In Russ.).

Ayvazyan, S. A. (2012). *Analysis of the quality and lifestyle of the population*. Moscow : Nauka. (In Russ.).

Gruzdeva, M. A. (2022). Cities and rural periphery: key trends in digitization. *Society and Security Insights*, 4, 90-107. (In Russ.).

Gubchenkova, A. S., Chesnova, O. A., Enikeeva, L. A. (2019). Problems of digitalization of the cultural sphere of the Russian Federation. *St. Petersburg Economic Journal*, 4, 52–60. (In Russ.).

Duguzheva, M. H., Simaeva, E. P. (2019). Transformation of legislation on culture in the context of digitalization. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 44, 190–208. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208 (In Russ.).

Muzychuk, V. Yu. (2020). Main directions of digitalization in the sphere of culture: foreign experience and Russian realities. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, 49–63. (In Russ.).

*Public libraries of the Russian Federation in numbers 2021* (2022). Moscow : GIVC Minkul'tury Rossii, pp. 213. (In Russ.).

Pisarev, I. V., Byvshev, V. I., Panteleeva, I. A., Parfent'eva, K. V. (2022). Study of the readiness of Russian regions for digital transformation. *π-Economy*, 2, 22–37. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.15202> (In Russ.).

Shabunova, A. A., Gruzdeva, M. A., Kalachikova, O. N. (2020). The Settlement Aspect of the Digital Divide in Modern Russia. *Problems of Territorial Development*, 4, 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1 (In Russ.).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Александровна Кондакова — преподаватель математики и информатики, Частное профессиональное образовательное учреждение «Вологодский кооперативный колледж», г. Вологда, Россия.

Natalia A. Kondakova — teacher of mathematics and computer science, Private professional educational institution «Vologda Cooperative College», Vologda, Russia.

Мария Андреевна Груздева — канд. экон. наук, зам. зав. отделом, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук, г. Вологда, Россия.

Mariya A. Gruzdeva — Cand. Sci. (Economics), Deputy head of department Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023;  
одобрена после рецензирования 16.11.2023;  
принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 28.06.2023;  
approved after reviewing 16.11.2023;  
accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.353

DOI: 10.14258/SSI(2023)4-11

## Социально-профессиональная ориентация школьников республик Южной Сибири

Тана Михайловна Ойдуп <sup>1</sup>

Ирина Николаевна Трошкина <sup>2</sup>

Сурайа Дмитриевна Дилекова <sup>3</sup>

<sup>1</sup> Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия, tana\_o@mail.ru, orcid: 0000-0003-3125-3361

<sup>2</sup> Хакасский институт истории, культуры, языка и литературы, Абакан, Россия, i.troschkina2012@yandex.ru, orcid: 0000-0002-1650-0590

<sup>3</sup> НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, dilekova\_s@mail.ru, orcid: 0009-0008-7540-7899

**Аннотация.** В статье рассматриваются результаты социологического опроса 2023 г. выпускников школ трех российских регионов об их приоритетах при выборе профессии. Эмпирическую базу исследования составили материалы опроса учащихся 9-х и 11-х классов, проведенного в республиках Тыва, Алтай и Хакасия (2522 чел., выборка многоступенчатая). Опрос проводился методом анкетирования. Исследование вопроса о влиянии национальности на социально-профессиональные ориентации выпускников республик Алтай, Тыва, Хакасия существенных отличий не показало. Однако выявлены различия, обусловленные особенностями социальной среды и спецификой социально-экономического развития республик. Социальная среда, отличающаяся в трех регионах своими социально-экономическими особенностями, предопределяет выбор профессионального будущего. Под социально-профессиональными ориентациями авторы понимают выбор как социальное действие, которое совершает выпускник для достижения своей цели — получения образования и профессии. Распределение ответов свидетельствует, что для большей части опрошенных выпускников выбор будущей профессии — это в первую очередь аффективное, далее — ценностно-рациональное социальное действие. На третьем месте — целерациональное, на последнем — традиционное. Особое внимание уделено вопросу выбора региона для будущего места работы, что раскрывает желание школьников: остаться работать в своем регионе, пополняя человеческий капитал родной республики, либо переехать в другой регион и там организовать трудовую деятельность. С помощью социологического опроса выпускников республиканских школ трех регионов мы постарались выяснить, соответствуют ли социально-профессиональные ориентации реальным запросам экономики регионов.

**Ключевые слова:** социально-профессиональные ориентации, выпускники, школьники, республики, Южная Сибирь, Тыва, Хакасия, Алтай

**Финансирование:** статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

**Для цитирования:** Ойдуп Т.М., Трошкина И.Н., Дилекова С.Д. Социально-профессиональная ориентация школьников республик Южной Сибири // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 178–197. doi: 10.14258/ssi(2023)4-11.

## Social-Professional Orientation of Schoolchildren in the Republics of South Siberia

Tana M. Oidup <sup>1</sup>

Irina N. Troshkina <sup>2</sup>

Suraya D. Dilekova <sup>3</sup>

---

<sup>1</sup>Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of SB RAS, Kyzyl, Russia, tana\_o@mail.ru, orcid: 0000-0003-3125-3361

<sup>2</sup>Khakass Institute of History, Culture, Language and Literature, Abakan, Russia, i.troschkina2012@yandex.ru, orcid: 0000-0002-1650-0590

<sup>3</sup>S.S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaistics, Gorno-Altaysk, Russia, dilekova\_s@mail.ru, orcid: 0009-0008-7540-7899

**Abstract.** The article considers the results of the sociological survey of 2023 concerning the choice of future profession among school-graduates of three Russian regions. The empirical base of the study was formed by the survey materials of the 9th and the 11th grade schoolchildren. The survey was carried out using the questionnaire method in the republics of Tyva, Altai and Khakassia (2522 people, multistage sampling). The analysis of the question concerning the influence of nationality on the social-professional orientations among school-graduates from the republics of Altai, Tuva and Khakassia did not show any significant differences. But there were differences caused by the peculiarities of the social environment and specifics of social-economic development in the mentioned republics. The choice of future profession is determined by the social environment, which differs in the three regions by its social-economic features in each other. The authors understand the concept «social-professional orientation» as the decision, as a social action that a school-graduate performs for achieving his or her goal — getting education and profession. The study of questionnaires responses indicates that the majority of the school-graduates connects the choice of their future profession with a primarily affective action, next with value-rational social action; in the third place — purposeful rational action, in the last — traditional action. Special attention is paid to the issue of choosing a region for a future place of work, which reveals the desire of schoolchildren: to stay to work in their region replenishing the human capital of their native republic, or to move to another region and organize labor activities there. We tried to find out whether social-professional orientations correspond to the real needs of the regional economy using a sociological survey among the graduates of the republican schools within three mentioned regions.

**Keywords:** social-professional orientations, school-graduates, schoolchildren, republics, South Siberia, Tyva, Khakassia, Altai

**Financial Support:** the article is prepared within the framework of the Research Program related to the study of ethnocultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity, 2023–2025 (the Head of the project — the Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

**For citation:** Oidup, T.M., Troshkina, I.N., Dilekova, S.D. (2023). Social-professional orientation of schoolchildren in the republics of South Siberia. *Society and Security Insights*, 6(4), 178–197. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)4-11.

## Введение

Социально-профессиональная ориентация школьников представляет собой актуальный вопрос для любого региона, особенно в условиях динамичных изменений социального, экономического и технологического развития, которые формируют спрос на новые образовательные и профессиональные направления. Советская система подготовки кадров и распределения специалистов по регионам, гарантировавшая получение образования и дальнейшее трудоустройство, уступила место рыночным механизмам конкуренции между выпускниками как в вопросе получения образования, так и в вопросе трудоустройства. Это поставило удаленные регионы в неравные условия с мегаполисами, которые, помимо развитой социальной инфраструктуры, привлекательны наличием образовательных центров и предприятий для успешного трудоустройства. К таким удаленным регионам можно отнести республики Южной Сибири — Туву, Хакасию и Алтай.

В силу своих индивидуальных и исторических особенностей каждая из республик развивается согласно своему стартовому потенциалу и социально-экономическим индивидуальным особенностям. Вопрос восполнения кадровых ресурсов актуален для всех республик в равной степени, поскольку развитие экономики и социальной сферы происходит в условиях технологического переориентирования, формирования новых направлений в экономике, форм взаимодействия человека и бизнеса, сопровождается повышением спроса на специалистов всех направлений. Готовы ли республиканские выпускники удовлетворить потребности своих регионов, какие именно профессии популярны среди молодежи, какого уровня образовательное учреждение планируют выбрать? В ходе проведенного исследования были получены ответы на эти и другие вопросы.

В рамках исследования объектом выступают выпускники школ 9-х и 11-х классов. Предмет — социально-профессиональные ориентации выпускников. Разделяем мнение В. Г. Костюка, М. М. Траскунова, Д. Л. Константиновского о том, что социально-профессиональные ориентации определяются социальными условиями, в которых формируются будущие специалисты (Костюк, Траскунова, Константиновский, 1980), а также М. Н. Руткевича — о том, что нужно рассматривать социальную ориентацию выпускника в широком смысле, как поиск своего места в обществе, и в узком — как стремление пополнить определенный социальный слой и приобрести профессию (Руткевич, 1994: 30). Социальная

ориентация — более широкое и емкое понятие, включающее в себя в том числе и профессиональное нацеливание. Текущее социальное положение выпускника и желаемый социальный статус будут определять и корректировать выбор профессионального пути для достижения целей.

Таким образом, под социально-профессиональными ориентациями мы подразумеваем выбор как социальное действие, которое совершает выпускник для достижения своей цели — получения образования и профессии.

### **Теоретико-методологическая основа исследования**

Понятие социально-профессиональной ориентации уже давно широко используется в научном обороте. Так, например, в работе «Молодежь Сибири: образование и профессии» (1980) сибирские ученые В. Г. Костюк, М. М. Траскунова, Д. Л. Константиновский задействовали его для раскрытия механизма принятия решения молодыми людьми через социальные условия, в которых формируется будущий специалист. Социальные условия формируют интерес к будущей профессии. Интерес придает цели действенный характер: «Все то, за что человек борется, связано с его интересом», — писал К. Маркс (1955: 72).

Формирование интереса зависит от процесса профессионального становления личности, который связан с возрастными этапами. Авторы предложили три этапа: первый — 6–9 лет, второй — 10–14 лет, третий — 14–17 лет. Третий этап, как правило, — этап принятия решения, когда делается выбор и предпринимается попытка его реализовать. М. Н. Руткевич при выделении «точек», когда приходится делать выбор дальнейшего жизненного пути, предложил рассматривать социальную ориентацию подростков в возрасте 15 лет, когда они завершают обучение в основной общеобразовательной школе, и 17–18 лет — для значительной части молодых людей (Руткевич, 1994: 31). Именно эти возрастные категории мы изучаем в ходе нашего исследования: это выпускники 9-х классов в возрасте от 15 до 16 лет и 11-х классов — от 17 до 18 лет.

Идеи ученых о социально-профессиональной ориентации имеют свои «корни» от теории «социального действия» Макса Вебера. «Социальное действие — это простейшая единица социального поведения. Действие индивида, сознательно ориентированное на прошедшее, настоящее или будущее поведение людей» (История..., 1997: 361–362). Субъективное действие выпускника есть выбор его профессионального будущего. Свой выбор он соотносит с действием его социальной среды, которая и формирует его поведение и окончательный выбор. Мотивацию выпускников при выборе профессионального будущего можно разбить на четыре типа. Различия складываются в зависимости от социального контекста, в котором совершается выбор.

Социальное действие, по Веберу, может быть нескольких видов. Целерациональное социальное действие — основывается на ожидании конкретного поведения других людей и объектов внешнего мира, а также на применении этого ожидания как «средства» или «условия» для целей, которые рационально направлены и регулируются (например, успех). Ценностно-рациональное социальное дей-

ствие — основывается на сознательной вере в религиозную, эстетическую, этическую или любую другую безусловную ценность какого-либо поведения, взятого за основу вне зависимости от его успешности и результативности. Аффективное социальное действие — это, главным образом, эмоциональное действие, которое обусловлено аффектами или интенсивными эмоциональными состояниями человека. Традиционное социальное действие — основывается на привычном поведении человека. В ходе исследования мы выяснили, какой вид социального действия присущ выпускникам при выборе социально-профессионального будущего.

Социально-профессиональную ориентацию можно разделить на социальную и профессиональную ориентации. М. Н. Руткевич рассматривает социальную ориентацию в широком смысле, как поиск своего места в обществе, и в узком смысле, как стремление пополнить определенный социальный слой и приобрести профессию (Руткевич, 1994: 30); профессиональную ориентацию — как выбор профессионального пути, который включает в себе выбор не только профессии, но и типа учебного заведения. Таким образом, в своем исследовании мы рассмотрели две категории, которые помогли составить представление о социально-профессиональных ориентациях выпускников регионов Южной Сибири: это социальная среда и социально-профессиональная ориентация.

Изучение социально-профессиональной ориентации выпускников ранее уже проводилось. К первым исследованиям такого рода в республиках Сибири можно отнести работы социологов Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР в 1973, 1978, 1986 и в 1988 гг. (Костюк, Траскунова, Константиновский, 1980; Очерки..., 1983; Молодежь Тувы..., 1988). Изучались интерес к образованию и профессии выпускников 8-х и 10-х классов общеобразовательных школ на основе массового анкетирования, анализа статистической информации и информации о судьбах выпускников после окончания школы. Проводился сравнительный анализ профессиональных предпочтений школьников разных национальностей.

В более позднее время исследования социально-профессиональных ориентаций выпускников школ активно не проводились. Возможно, это связано с общей ситуацией в стране в начале 1990-х гг., когда по причине развала плановой экономики, остановки предприятий и целых отраслей была разрушена привычная цепочка школа — вуз — производство, которую контролировало государство. Выпускники школ были сами себе предоставлены и выбирали учебные заведения, ориентируясь исключительно на свои возможности, не будучи уверенными в дальнейшем удачном трудоустройстве. В работах ученых этих лет проводился анализ трудовых склонностей и мотиваций взрослого населения к различным видам профессиональной деятельности, в том числе и по национальному признаку. В ходе исследования «Современная Тува: социокультурные и этнические процессы» авторы Г.Ф. Балакина, З.В. Анайбан пришли к выводу, что «представители разных национальностей имеют характерные черты, проявляющиеся в частности в склонностях и предпочтениях в сфере труда. Люди разных национальностей имеют различные мотивации и ценностные ориентации в сфере труда» (Балаки-

на, Анайбан, 1995: 68–69). Далее в разные годы тема продолжила свое развитие в исследованиях вопросов адаптации населения к новым социально-экономическим реалиям (Балакина, Кылгыдай, 2015) и др.

В условиях дисбаланса между подготовкой кадров и реальными потребностями рынка труда исследования социально-профессиональных ориентаций выпускников школ вновь стали актуальными (Чуева, 2011; Чаптыкова, 2009; Кох, 2014; Полосина, 2019) и др. Личный вклад авторов в разработку методологии исследования отражен в ряде публикаций (Ойдуп, Кылгыдай, 2021; Ойдуп, Трошкина, 2022).

Данная статья является частью серии исследований профессиональной ориентации выпускников школ, которые авторы проводят с 2010 г. Характерная черта данной работы: при опросе выпускников всех трех республик не уделяется приоритетного внимания типу поселения, опрос о котором проводился в 2023 г. Ранее, в 2021 г., был проведен опрос выпускников только столичных школ — в Кызыле, Абакане и Горно-Алтайске. Расширение выборочной совокупности способствовало сопоставлению устремлений молодых людей из разных типов поселений трех национальных регионов.

Исследования продолжаются, разработка проблемы будет углубляться, поскольку вопросы социально-профессиональной ориентации не теряют своей актуальности в зависимости от смены экономического типа управления и изменения национального состава региона. Трансформации, которые происходят в технологическом, геополитическом, демографическом и других аспектах, только повышают значимость и актуальность исследования.

## Методика исследования

Опрос был организован с марта по апрель 2023 г. силами Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (г. Кызыл) с привлечением специалистов из Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан) и Научно-исследовательского института алтаистики имени С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск).

Опрос проводился в республиках Тыва, Хакасия и Алтай. Всего было опрошено 2522 школьника: в Республике Тыва — 710, Республике Хакасия — 826, Республике Алтай — 986. В Республике Тыва опрос был проведен в 13 кожуунах из 17, в том числе труднодоступных, в 42 населенных пунктах и в городских округах Кызыл и Ак-Довурак. В Хакасии восемь муниципальных районов, в выборочную совокупность вошли все 59 населенных пунктов, в том числе столица, г. Абакан. В Республике Алтай опрос затронул девять районов из десяти, 70 населенных пунктов и столицу региона Горно-Алтайск.

Структура генеральной совокупности — это учащиеся 9-х и 11-х классов общеобразовательных школ республик. В Республике Алтай всего учащихся 39,2 тыс. чел., в 2021/2022 учебном году аттестаты получили после 9-го класса 3 тыс. чел., и после 11-го класса — 1,5 тыс. чел. В Тыве обучается 71,6 тыс. школьников, аттестаты об основном общем образовании получили 4,9 тыс. чел., о среднем общем образовании — 2,3 тыс.. В Хакасии 74,4 тыс. школьников, окончили

9-й класс 5,7 тыс., 11-й класс — 2,6 тыс. чел. (Регионы России, 2022: 303).

Анкета состоит из десяти вопросов, пять из которых раскрывают основные показатели социально-профессиональной ориентации школьников — это выбор рода занятий после окончания школы (учеба, работа, армия, семья и др.), выбор уровня образования (высшее или среднее профессиональное), профессиональные предпочтения, главные мотивы выбора будущей профессии, миграционные настроения (выбор будущего места жительства). Пять вопросов — личные сведения о респондентах (пол, класс, национальность). Применявшийся метод сбора данных — онлайн-анкетирование. Данный метод предполагает размещение вопросов анкеты в электронном виде и предоставление респонденту удаленного доступа к ней. Анкету мы распространяли с помощью педагогического сообщества, что позволило обеспечить адресность и репрезентативность данных. Методологический инструментарий полностью авторский. В ходе опроса школьников сложностей не возникало, поскольку отвечать они могли через свои мобильные устройства или компьютеры, что очень привычно для молодого поколения. Наличие открытых вопросов в анкете позволило ребятам, которым не хватило предложенных вариантов, дать развернутые ответы или добавить свои варианты. География опроса позволяет говорить о том, что проведенное исследование получило максимальный охват выпускников из разных школ республик.

Всего в трех республиках было опрошено 40,7% мальчиков и 59,3% девочек от общего количества выпускников 9-х и 11-х классов. По структуре классов больше девятиклассников, чем учащихся 11-х классов — 68,0% девятиклассников и 32,0% одиннадцатиклассников.

В Республике Тыва было опрошено 92,0% тувинцев и 8,0% русских. В Хакасии — 63,1% русских, 32,1% хакасов, 4,1% других национальностей и 0,7% тувинцев. В Республике Алтай — русских 56,3%, алтайцев — 23,9%, казахов — 16,7% и 3,0% — других национальностей.

## Результаты

*Социальные условия.* При анализе мы исходили из тенденций социально-экономического развития республик. Три национальные республики в составе Сибирского федерального округа — Тува, Хакасия и Алтай, в которых проживает в совокупности 1082,5 тыс. чел. В Республике Тыва проживает 332,6 тыс. чел., из них 227,8 тыс. тувинцев<sup>1</sup>. В Хакасии общая численность населения составляет 528,3 тыс. чел., в том числе 55,1 тыс. хакасов. Общая численность населения Республики Алтай составляет всего 221,6 тыс. чел., из них 73,2 тыс. алтайцев.

Несмотря на то что республики имеют некоторые схожие черты в природно-географическом положении, природно-ресурсном потенциале, уровень социально-экономического развития несколько отличается. Валовый региональный продукт на душу населения по состоянию на 2020 г. в Республике Тыва был равен

<sup>1</sup> Итоги Всероссийской переписи населения — 2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5\\_Nacionalnyj\\_sostav\\_i\\_vladienie\\_yazykami](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami) (дата обращения 11.07.2023).

251 799,9 руб., в Республике Алтай — 283 451,4 руб., в Хакасии — 500 422,8 руб. (Регионы России, 2022: 19).

Анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости позволяет выделить основные отрасли, в которых задействовано большее число трудовых ресурсов, и соответственно именно эти отрасли на сегодняшний день создают основную потребность в кадрах. В Республике Алтай наибольшую долю имеют «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» — 16,9%, «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» — 13,6%, «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» — 11,1%, «Образование» — 10% (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2020 г.  
(в текущих основных ценах; в процентах к итогу)

Industry structure of gross value added in 2020.  
(at current basic prices; percentage to total)

	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия
	100	100	100
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	<b>11,1</b>	6,2	2,9
Добыча полезных ископаемых	0,8	<b>11,7</b>	<b>14,4</b>
Обрабатывающие производства	2	0,6	<b>19,7</b>
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3	2,5	12,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,8	0,2	0,5
Строительство	7,7	8,8	4,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	<b>13,6</b>	6,3	<b>9,3</b>
Транспортировка и хранение	3,7	1,9	5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,8	0,6	0,9
Деятельность в области информации и связи	2,1	2,2	1,7
Деятельность финансовая и страховая	0,7	0,2	0,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	8,1	8,9	7,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1,6	1,2	1,4

	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	5,6	0,9	1,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	<b>16,9</b>	<b>18,4</b>	8
Образование	<b>10</b>	<b>12,2</b>	3,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	8,5	<b>15,2</b>	5,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,8	1,8	0,6
Предоставление прочих видов услуг	0,2	0,2	0,2
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	0	0	0

В Республике Тыва на первом месте, как и на Алтае, «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» — 18,4%, далее «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» — 15,2%, «Образование» — 12,2%, «Добыча полезных ископаемых» — 11,7%.

Таблица 2.

Table 2.

Основные демографические показатели регионов Южной Сибири  
(Республика Тыва..., 2022: 11; Хакасская республиканская...,  
2022: 10; Республика Алтай..., 2022: 19)

Main demographic indicators of the regions of Southern Siberia (Tyva Republic...,  
2022: 11; Khakass Republic..., 2022: 10; Altai Republic..., 2022: 19)

	2019			2020			2021		
	Тыва	Хакасия	Алтай	Тыва	Хакасия	Алтай	Тыва	Хакасия	Алтай
Численность населения на конец года, тыс. чел.	327,4	534,3	220,2	330,4	532,0	221,0	332,6	528,3	221,6
Естествен- ный при- рост, убыль (-) населе- ния, чел.	3342	-1128	757	3570	-2121	438	3599	-3266	51
Миграцион- ный при- рост, убыль (-) населе- ния, чел.	-382	-777	558	-579	-92	335	-1358	-432	554

В Хакасии «Обрабатывающие производства» занимают первое место — 19,7%, далее «Добыча полезных ископаемых» — 14,4%, «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» — 12,7%, «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» — 9,3%. Конечно, в Хакасии, помимо представленных направлений, население задействовано в оказании государственных, образовательных и других услуг, точно так же, как и в соседних республиках, и в численном выражении работников этих сфер больше, поскольку и численность населения больше. Однако в регионе широко представлена промышленность со всеми ее направлениями, которые создают дополнительные рабочие места, чем соседние регионы не могут отличаться.

На данный момент в Хакасии проживает больше жителей, чем в соседних республиках. Однако на протяжении нескольких лет сохраняется отрицательный прирост населения и миграционная убыль (табл. 2). Несмотря на все меры государственной поддержки, рождаемость ежегодно сокращается примерно на тысячу человек. Республика Тыва имеет несколько другой демографический сценарий. При высокой рождаемости, которая выводит регион в первые ряды по естественному приросту среди остальных регионов страны, миграционная убыль населения продолжает находиться в отрицательной зоне, с небольшими колебаниями в сторону увеличения либо сокращения. Республика Алтай на фоне других республик выглядит благополучнее, поскольку ни по одному основному демографическому показателю не имеет отрицательных отклонений. Можно отметить сокращение естественного прироста, но пока он остается в положительных значениях.

Таким образом, на примере трех регионов можно выделить три демографических сценария развития. Так, например, в Тыве высокая рождаемость, но и высокая отрицательная миграция. В Хакасии — низкая рождаемость, высокая отрицательная миграция. На Алтае положительная динамика по рождению и по миграции. Можно предположить, что Республике Алтай в численном выражении не грозит дефицит трудовых кадров и проблема восполнения населения, но две другие республики могут столкнуться со сложностями. В Хакасии будет нехватка трудовых ресурсов, Тыва в случае сохранения текущей социально-экономической ситуации останется в статусе трудоизбыточного региона. Среднегодовая занятость населения Тувы в 2021 г. составляла 31,2%, Хакасии — 45,1%, РА — 38,6%. Несмотря на то что в Республике Алтай меньше численность населения и занятых в экономике, доля работающих граждан больше, чем в Республике Тыва, на 5,4%. Но и доля безработных в структуре экономики примерно равна — по 5,7% и 5,2% соответственно. В Хакасии наименьшая доля безработных от общей численности населения — 3,1%. Доля пенсионеров практически равна: в Тыве — 24,7%, в Хакасии — 28,2%, в РА — 26,7%. Можно предположить, что при разной доле работающих граждан республики будут испытывать разную бюджетную нагрузку по обеспечению нетрудоспособной части населения. В Республике Тыва в большей степени, поскольку доля населения меньше трудоспособного возраста в регионе превышает показатели соседних республик, так как рождаемость выше.

С помощью социологического опроса выпускников республиканских школ трех регионов мы постарались выяснить, соответствует ли социально-профессиональная ориентация реальным запросам экономики регионов.

*Социально-профессиональная ориентация.* В рамках нашего исследования под социально-профессиональной ориентацией мы подразумеваем выбор как социальное действие, которое совершает выпускник для достижения своей цели — получения образования и профессии, т.е. самопозиционирование выпускника в будущем. В каком статусе? В каком месте? Для этого мы задали вопрос учащимся о том, чем они планируют заняться после обучения в школе. По данным, представленным в таблице, большие различия между ответами выпускников трех республик отсутствуют. Школьники Тувы, Хакасии и Алтай в большинстве своем хотят продолжить образование в учебных заведениях (вуз, СПОУ). Далее 20–30% респондентов выбирают работу, от 7 до 11% — службу в армии. Только при выборе варианта ответа «Создать семью» мнения разошлись. Создать семью хотят больше всего в Республике Алтай и чуть меньше — в Хакасии. Число положительных ответов школьников из Тувы самое низкое, всего 2,8% (табл. 3).

Таблица 3.

Table 3.

Распределение ответов на вопрос  
«Чем ты планируешь заняться после окончания школы?»,  
процент от общего числа респондентов в каждом регионе

Distribution of answers to the question  
“What do you plan to do after finishing school?”,  
percent of respondents in each region

	Всего	Республики		
		Тыва	Хакасия	Алтай
Продолжить свое образование в учебных заведениях (институте, университете, колледже, техникуме и т.д.)	93,3	95,9	93,8	91,0
Работать	28,9	24,4	28,8	32,4
Пойти служить в армию	9,4	9,3	7,3	11,2
Создать семью	6,2	2,8	6,5	8,3
Затрудняюсь ответить	1,9	1,0	2,5	2,1
Другое	0,6	0,3	0,1	0,2

Приечание: сумма процентов в ответах превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

В качестве «другого» выпускники предложили такие варианты, как «выбрать другие предметы и сдавать ЕГЭ», «в следующем году», «открыть котокафе», «пойду бомжевать», «провести время с семьей», «развиваться во всех смыслах», «это мое дело».

Мы выяснили, что после школы выпускники преимущественно пойдут учиться, а также определили самые популярные профессии у школьников Юж-

ной Сибири, которые планируют учиться на медицинских работников, программистов, юристов, педагогов, сотрудников силовых структур. Остальные профессиональные пожелания набрали менее 5% (табл. 4). Возвращаясь к отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, можно утверждать, что в республиках Тыва, Алтай и Хакасия запросы школьников на будущую профессию коррелируют с отраслями, которые имеют наибольшую долю. Так, например, в Тыве и РА основная доля принадлежит государственному сектору, образованию и медицине, и выпускники выбирают профессии медика, сотрудника силовых структур и др. В Хакасии высок запрос на рабочие профессии (сварщик, бульдозерист, крановщик и др.), профессию инженера. Именно в этой республике, в отличие от Тувы и РА, сектор добывающей, перерабатывающей промышленности и энергетики имеет наибольшую долю в структуре валовой добавленной стоимости.

В целом популярность профессий одинакова во всех республиках, за некоторыми исключениями. Так, например, выпускников, которые хотят стать медицинскими работниками, в Тыве 26,4% — почти в два раза больше, чем в Хакасии (12,0%) и РА (16,7%). Несмотря на популярность и большой процент желающих получить медицинское образование, в Тыве, как и в других республиках, сохраняется высокая потребность в медработниках.

Следующей профессией, значительно контрастирующей по популярности, является профессия педагога (учителя, работника ДОУ, преподавателя вуза и др.). В Республике Тыва доля желающих стать педагогом самая низкая, всего 3,7%. В то время как в Хакасии — 8,2%, РА — 6,3%.

После окончания вуза или СПОУ большая доля респондентов хотела бы остаться жить и работать в других городах России. 40,2% респондентов из всех трех республик выбрали этот вариант, при этом больше всего хотят обосноваться в других городах России школьники из Хакасии — 42,7%, 39,1% из РА и 38,9% — из Тувы (табл. 5).

«Остаться в республике» — второй по популярности ответ у школьников Тувы и Алтая (24,2% и 20,9%), а у выпускников из Хакасии на втором месте вариант «Остаться в других городах Сибири» (15,5%), и только на третьем месте — «Остаться в республике». Жить и работать в своем районе выбирают примерно равное число выпускников трех регионов, только 7–8%. Любопытно, что в регионе, который по социально-экономическим показателям находится в более благоприятных условиях, чем соседние республики (речь идет о Республике Хакасия), миграционные настроения выше, что мы видим по ответам выпускников. Это же подтверждается и данными статистики.

Социальная ориентация выпускников говорит о том, что их первоочередной задачей является продолжение образования, при этом после получения диплома жить и работать у себя в республике и в районе хотели бы только 32,9% опрошенных выпускника из Тувы, 21,4% — из Хакасии и 28,8% — из РА (табл. 6).

В Республике Тыва в своем районе хотят остаться только 9,5% тувинцев, ребята русской национальности дали отрицательный ответ. В республике хотели бы остаться 26,0% тувинцев и только 3,5% русских.

Таблица 4.

Table 4.

Популярные профессии у выпускников школ,  
процент от общего числа респондентов в каждом регионе

Popular professions among school leavers,  
percent of respondents in each region

	Всего	Республики		
		Тыва	Хакасия	Алтай
Медицинский работник (врач, средний медицинский персонал)	17,9	26,4	12,0	16,7
Программист (IT-специалист, системный администратор)	10,7	7,9	12,8	11,0
Юрист	7,4	9,3	5,6	7,6
Педагог (воспитатель в ДООУ, учитель в школе, преподаватель в вузе)	6,2	3,7	8,2	6,3
Работник силовых структур (полицейский, сотрудник ФСБ и др.)	6,2	7,1	5,3	6,3
Дизайнер	4,2	2,3	4,4	5,4
Рабочие профессии (сварщик, бульдозерист, крановщик и др.)	3,9	2,5	5,4	3,7
Психолог	3,7	3,2	3,1	4,4
Сотрудник МЧС (спасатель, пожарный и др.)	3,7	7,8	2,3	1,8
Военный	3,5	3,4	2,2	4,6
Инженер	3,6	3,1	5,0	2,8
Экономист	3,1	4,2	3,8	1,7
Бухгалтер	1,1	1,0	1,5	0,9
Журналист (работник СМИ)	1,6	0,7	2,4	1,5
Работник сельского хозяйства	0,9	0,4	1,2	1,0
Работник торговли	0,8	0,7	1,1	0,5
Строитель	1,5	1,0	1,5	1,8
Филолог	1,3	0,8	1,8	1,2
Работник культуры (певец, танцор, художник и др.)	3,8	4,4	4,2	3,0
Спортсмен/тренер	3,3	3,5	2,8	3,7
Работник общепита (повар, кондитер и др.)	2,5	1,1	3,1	3,0
Работник бьюти-сферы (косметолог, парикмахер, нейл-дизайнер, лешмейкер и др.)	2,5	3,0	1,7	2,8
Геолог	1,1	0,8	1,1	1,2
Другая	4,3	1,2	5,6	5,1
Затрудняюсь ответить	1,2	0,5	1,9	2,0

Таблица 5.

Table 5.

Распределение ответов на вопрос «После окончания учебного заведения (вуз, колледж и др.) где ты планируешь найти работу?», процент от общего числа респондентов в каждом регионе

Distribution of answers to the question «After graduation (university, college, etc.) where do you plan to find a job?», percentage of respondents in each region

	Всего	Республики		
		Тыва	Хакасия	Алтай
В своем районе	8,0	8,7	7,6	7,9
В республике	19,5	24,2	13,8	20,9
В других городах Сибири	12,8	9,0	15,5	13,3
В других городах России	40,2	38,9	42,7	39,1
За границей	5,7	7,7	4,8	5,0
Затрудняюсь ответить	13,8	11,5	15,6	13,8

Таблица 6.

Table 6.

Выбор будущего места жительства у ребят разных национальностей, процент от общего числа респондентов в каждом регионе, для каждой национальности

Choice of future place of residence for children of different nationalities, percentage of respondents in each region, by nationality

	Тыва		Хакасия				Алтай			
	тувинцы	русские	тувинцы	русские	другие национальности	хакасы	русские	другие национальности	алтайцы	казахи
В своем районе	9,5	-	-	8,8	5,9	5,7	8,5	-	7,6	7,9
В республике	26,0	3,5	16,7	12,1	11,8	17,4	18,9	20,0	25,0	21,8
В других городах Сибири	8,4	15,8	-	16,7	11,8	14,0	15,7	6,7	12,7	7,3
В других городах России	36,1	70,2	66,7	43,8	41,2	40,4	37,1	46,7	37,3	47,3
За границей	7,8	7,0	-	3,8	11,8	6,0	3,8	10,0	5,5	7,3
Затрудняюсь ответить	12,2	3,5	16,6	14,8	17,5	16,5	16	16,6	11,9	8,4

В Хакасии 8,8% русских и 5,7% хакасских выпускников хотели бы остаться в своих районах, 12,1% русских и 17,4% хакасских — в республике.

В данном исследовании мы делаем акцент на школьниках, которые хотят работать в своих регионах, поскольку именно они являются потенциальным человеческим ресурсом родных республик. Получается, что среди всех опрошенных ребят из Тувы 35,5% тувинцев и только 3,5% русских могут в будущем пополнить ряды молодых специалистов. В Хакасии этот показатель следующий: 23,1% хакасских, 20,9% русских, 17,7% выпускников других национальностей хотят остаться в регионе. В Республике Алтай доля выпускников, которые думают, что после учебы останутся жить и работать в своем регионе, больше, чем в соседних республиках: 27,4% русских, 20,0% других национальностей, 32,6% алтайцев и 29,7% казахов.

Таким образом, с точки зрения восполнения трудовых ресурсов в ближайшие 5–7 лет меньше всего будет испытывать трудности Республика Алтай. В Хакасии меньше желающих остаться в своем регионе. В Республике Тыва, несмотря на то что общий показатель более высок, чем в других регионах, будущие молодые специалисты будут преимущественно коренной национальности.

Таблица 7.

Table 7.

Причины выбора будущей профессии,  
процент от общего числа респондентов в каждом регионе

Reasons for choosing a future profession,  
percentage of respondents in each region

	Всего	Республики		
		Тыва	Хакасия	Алтай
По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников	11,6	13,9	11,4	10,3
Это твоя мечта	47,0	46,9	43,0	50,4
Ты знаешь, что после получения диплома легко найдешь работу	21,3	18,6	24,6	20,4
Эта профессия хорошо оплачивается	39,5	33,7	43,6	40,3
Эта профессия престижная	24,5	20,8	26,2	25,7
Затрудняюсь ответить	12,1	11,0	12,8	12,2

Примечание: сумма процентов в ответах превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Мотивы выбора профессии совпадают у школьников из Тувы и РА. Большинство выбирают будущую деятельность, потому что это их мечта. Так считают 50,4% выпускников из Республики Алтай, 46,9% из Тывы (табл. 7). У ребят из Хакасии этот вариант ответа делит позицию с ответом «Эта профессия хорошо оплачивается» (43,0% и 43,6% соответственно). У ребят из Тувы и РА высокая заработная плата на втором месте по значимости. Престижность будущей профессии,

легкое трудоустройство волнуют ребят чуть меньше. Желание продолжить трудовую династию своих родителей и других родных как причину выбора будущей профессии отметило наименьшее количество опрошенных, примерно одинаковое по всем трем республикам: Тыва — 13,9%, Хакасия — 11,4%, Алтай — 10,3%.

Выделенные М. Вебером четыре типа социального действия точно характеризуют действия школьников при социально-профессиональном выборе. Из ответов выпускников можно выделить все четыре типа социального действия. Например, выбор на основе уверенности в скором трудоустройстве и высокой заработной плате основан на целерациональном действии. Выпускники, делая свой выбор в пользу той или иной профессии, ожидают предложения контракта от работодателей с выгодными условиями. Ценностно-рациональным можно назвать выбор на основе оценки профессии с позиции ее престижа. Для выпускников выбранная профессия является символом определенного статуса, и они ожидают, что после получения диплома достигнут данного статуса посредством профессии. Аффективным выбором можно назвать выбор, который делается для реализации мечты, потому что профессия нравится. Продолжить трудовую династию, пойти по стопам родителей или привычным для этого этноса или региона путем — яркий пример традиционного социального действия по М. Веберу.

В строгом смысле аффективное и традиционное действия не являются социальными, однако в случае выбора профессии у школьников можно их отнести к социальным действиям, поскольку когда школьник говорит, что профессия ему нравится и это его мечта, то, конечно, его представления сформированы на примерах других людей, которые составили профессиональный идеал для выпускника. То же самое касается и выбора профессии на основе традиций.

Таким образом, распределение ответов свидетельствует, что для большей части опрошенных выпускников выбор будущей профессии — это в первую очередь аффективное, далее — ценностно-рациональное социальное действие. На третьем месте целерациональное, традиционное — на последнем. Можно предположить, что современные школьники уже меньше поддаются давлению со стороны родителей, но еще не успели стать рационально-расчетливыми, как взрослые. Планируют свою жизнь, опираясь на эмоции, мечты, ценности, присущие их возрасту.

При выборе типа учебного заведения еще сохраняется традиционная ценность высшего образования. Половина опрошенных выпускников выбирают высшее учебное заведение (49,5% ответивших), остальные — за среднее профессиональное образование (СПО) (табл. 8).

Высшему образованию отдают предпочтение ребята, выразившие желание после получения диплома жить и работать за пределами своих регионов. Любопытно, что больше половины ответивших выпускников Хакасии и РА, желающих остаться в своем районе или в республике, считают достаточным для себя СПО. Для жизни в районах Хакасии СПО приемлемо для 66,7% всех выпускников, планирующих остаться жить в своем районе, для жизни в республике — 30,7%. В Республике Алтай 30,80% выпускников, выбирающих жизнь в районах республики,

готовы получить СПО; 32,5% выпускников, планирующих жить в республике, выбирают среднее образование. В Туве доля респондентов, желающих получить СПО и остаться жить в своем районе, еще меньше — всего 25,8%. Однако почти по 50% уверены, что для жизни в республике необходимо как высшее, так и среднее специальное образование.

Таблица 8.

Table 8.

Выбор учебного заведения в зависимости от его уровня, процент от общего числа респондентов в каждом регионе

Choice of educational institution by level, percentage of respondents in each region

	Всего	Республики		
		Тыва	Хакасия	Алтай
Высшее учебное заведение (университет, институт, академия)	49,5	49,6	54,1	45,7
Среднее специальное учебное заведение (колледж, техникум, училище)	39,0	38,9	35,5	42,0
Затрудняюсь ответить	11,5	11,5	10,4	12,3

Таким образом, чем дальше планирует выпускник уехать после получения диплома, тем больше, по его мнению, ему потребуется высшее образование и особенно оно может пригодиться за границей. По данным Росстата состав безработных по уровню образования в 2021 г. в Республике Тыва на 16,6% был представлен безработными с высшим образованием, 41,9% — с СПО и прочим. В Хакасии доля безработных с высшим образованием — 13,3%, в Республике Алтай — 14%. Высшее образование имеет большую ценность, нежели среднее, так как, по мнению выпускников, с дипломом о высшем образовании они более конкурентоспособны на рынке труда, в том числе в других регионах.

## Заключение

Вопросы социально-профессиональной ориентации рассматривались нами во взаимосвязи социальных, экономических, демографических и других аспектов развития республик Южной Сибири: Тувы, Хакасии и Алтай. Это три национальные республики, имеющие сходство и различия как в историко-культурных аспектах, так и в вопросах социально-экономического развития. В ходе проведенного исследования удалось выявить сходство и различия в аспектах социально-профессиональной ориентации между выпускниками. Во-первых, выбор профессий отвечает текущей отраслевой структуре экономики регионов. Школьники выбирают те профессии, которые в текущем моменте востребованы на рынке. В Хакасии это специальности для промышленности, в Туве и РА — для государственного и социального секторов. Интерес вызывают только те профессии и сферы занятости, где сейчас можно найти хорошую работу с гарантиро-

ванным доходом. Во-вторых, после получения диплома большая часть выпускников хотела бы работать за пределами своих республик. В Хакасии больше, чем в других регионах, выпускников, желающих поменять место жительства. Можно сделать вывод, что социально-экономический уровень, наличие рабочих мест не гарантирует того, что дети будут оставаться или стремиться вернуться на родину. В-третьих, мотивы выбора профессий разнообразны, но в основном школьники руководствуются своими мечтами, эмоциями, желаниями, интересами и только потом — ценностями, престижем и статусом, которые профессия может дать. В-четвертых, высшее образование остается приоритетным при выборе типа учебного заведения. В ходе исследования выяснилось: респонденты считают, что с высшим образованием они имеют больше шансов для трудоустройства в других регионах страны и даже за ее пределами. Это и является причиной выбора в пользу вуза.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 1995. 140 с.
- Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН, 2015. 160 с.
- Городское население Тувинской АССР. Новосибирск : Наука, 1981. 224 с.
- История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2 / отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М. : Канон+, 1997. 560 с.
- Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л. Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск, 1980. 193 с.
- Кох И. А., Орлов В. А. Социально-профессиональные ориентации молодежи в промышленном регионе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 11–16.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., Госполитиздат, 1955. 723 с.
- Молодежь Тувы. Социальный портрет. Новосибирск : Наука, 1988. 194 с.
- Ойдуп Т. М., Кылгыдай К. Ч. Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва) // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 176–188.
- Ойдуп Т. М., Трошкина И. Н. Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц Республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 198–210.
- Очерки социального развития Тувинской АССР. — Новосибирск : Наука, 1983. 264 с.
- Полосина А. А. Социальное управление процессом ранней профессиональной ориентации школьников в Российской Федерации // Социально-гуманитарные технологии. 2019. № 1(9). С. 35–40.

- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. М., 2022. 1122 с.
- Республика Алтай в цифрах. 2017–2021: краткий стат. сб. Горно-Алтайск, 2022. 206 с.
- Республика Тыва в цифрах 2021: стат. сб. Красноярск, 2022. 173 с.
- Руткевич М. Н. Социальная ориентация выпускников основной школы // Социс. 1994. № 10. С. 30–43.
- Хакасский республиканский статистический ежегодник 2022: стат. сб. Красноярск, 2022. 446 с.
- Чаптыкова О. Ю. Теоретико-методологические основы формирования профессионального самоопределения учащихся национальных школ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (80). С. 60–63.
- Чуева Н. В. Профессиональная ориентация школьников средних общеобразовательных заведений (на материале Республики Хакасия) // Теория и практика социально-гуманитарных наук: материалы научной школы студентов, аспирантов и докторантов. Абакан, 2011. С. 131–137.

#### REFERENCES

- Balakina, G. F., Anayban, Z. V. (1995). *Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes*. Novosibirsk : Nauka. (In Russ.).
- Balakina, G. F., Kылгыдай, A. Ch. (2015). *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Kyzyl : TuvIKOPR SO RAN. (In Russ.).
- Urban population of the Tuvan ASSR* (1981). Novosibirsk : Nauka. (In Russ.).
- The history of theoretical sociology* (1997). In 4 Vol. Vol. 2. Moscow : Kanon+. (In Russ.).
- Kostyuk, V. G., Traskunova, M. M., Konstantinovskiy, D. L. (1980). *Youth of Siberia: education and choice of profession*. Novosibirsk : Nauka. (In Russ.).
- Kokh, I. A., Orlov, V. A. (2014). Socio-professional orientation youth in the industrial region. *Herald of Vyatka State University*, 1, 11–16. (In Russ.).
- Marx, K., Engels, F. (1955). *Essays*. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 1. Moscow : Gospolitizdat. (In Russ.).
- Youth of Tuva. Social portrait* (1988). Novosibirsk : Nauka. (In Russ.).
- Oydup, T. M., Kылгыдай, K. Ch. (2021). School graduates as the basis of the region's human capital (on the example of the Republic of Tyva). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 12(3), 176–188. (In Russ.).
- Oydup, T. M., Troshkina, I. N. (2022). Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021). *New Research of Tuva*, 2, 198–210. (In Russ.).
- Essays on social development of the Tuvan ASSR* (1983). Novosibirsk : Nauka. (In Russ.).

Polosina, A. A. (2019). Social management of the process of early professional orientation of schoolchildren in the Russian Federation. *Socio-humanitarian technologies*, 1(9), 35–40. (In Russ.).

*Regions of Russia. Socio-economic indicators 2022* (2022). Moscow : Rosstat (In Russ.).

*The Altai Republic in numbers. 2017–2021. Brief statistical collection* (2022). Gorno-Altaysk. (In Russ.).

*The Republic of Tyva in numbers 2021. Statistical collection* (2022). Krasnoyarsk. (In Russ.).

Rutkevich M. N. (1994). Social orientation of graduates of the basic school. *Socis*, 10, 30–43. (In Russ.).

*Khakass Republican Statistical Yearbook 2022* (2022). Krasnoyarsk. (In Russ.).

Chaptykova, O. Yu. (2009). Theoretical and methodological foundations of the formation of professional self-determination of students of national schools. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2(80), 60–63. (In Russ.).

Chueva, N. V. (2011). Professional orientation of secondary school students (based on the material of the Republic of Khakassia). *Theory and practice of social and humanitarian sciences: materials of the scientific school of students, postgraduates and doctoral students* (pp. 131–137). Abakan. (In Russ.).

#### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тана Михайловна Ойдуп — канд. социол. наук, ученый секретарь, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия.

Tana M. Oydup — Cand. Sci. (Sociology), scientific secretary, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources, Siberian Branch, RAS.

Ирина Николаевна Трошкина — канд. филос. наук, зав. сектором экономики и социологии, Хакасский институт истории, культуры, языка и литературы, Абакан, Россия.

Irina N. Troshkina — Cand. Sci. (Philosophy), the Head of the Sector of Economics and Sociology, Khakass Institute of History, Culture, Language and Literature, Abakan, Russia.

Сурайа Дмитриевна Дилекова — ученый секретарь, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия.

Suraya D. Dilekova — Scientific Secretary, Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, Gorno-Altaysk, Russia.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023;  
одобрена после рецензирования 28.11.2023;  
принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 07.11.2023;  
approved after reviewing 28.11.2023;  
accepted for publication 28.11.2023

---

# SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2023. № 4. Том 6

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

*Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.*

*Дата регистрации 23.11.2018*

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшко*

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки *Ю. В. Луценко*

Редакция журнала Society and Security Insights:

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

Издательство Алтайского государственного университета,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 01.12.2023. Дата выхода издания в свет 27.12.2023.

Формат бумаги 70×100 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл.-печ. л. 16,00. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 300 экз. Заказ № 827

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.